

ЮРИЙ КОЛКЕР

VS.

БОРИС ХАЗАНОВ

ПЕРЕПИСКА 1984-2016

UROBOROS
LONDON
2026

Составленная Юрием Колкером книга — род писательской автобиографии, построенной на его переписке и литературных спорах с прозаиком Борисом Хазановым (Г. М. Файбусовичем). В письмах оба автора формулируют своё литературное кредо. Письма сопровождаются встроенными пояснениями и перемежаются мемуарными и литературными вставками. Переписка охватывает годы с 1984-го по 2016-й.

ISBN

Составление и комментарии © Юрий Колкер, 2026

Текст © Юрий Колкер

Текст © Борис Хазанов

Оформление © Юрий Колкер, 2026

Оказавшись в 1984 году в эмиграции (после десяти лет борьбы за выезд) и оглядевшись, я ахнул: русских прозаиков, мастерски владеющих родным словом, — не было! Ткань родной речи, её осмысление, осмысление души человеческой, возможное только в слове, — у одних писателей казались мне младенческими, у других — мелкотравчатыми, плоскими, советскими. Ни в ком я не находил истинной глубины. Талантливых рассказчиков, умеющих держать читателя в напряжении, было сколько угодно; Войнович, Алешковский, Севела, Василий Аксёнов были у всех на слуху. Но неужто всё дело в занимательности, в кинематографичности, в правде, отличной от советской кривды? Разве такова русская проза XIX века? Отчего язык и мысль нынешних авторов так поверхностны, так незначительны?

Тут судьба смилостивилась надо мною: я открыл для себя Бориса Хазанова. Что проза Хазанова принадлежит настоящей русской литературе, которую мы в ту пору так смело (и несколько опрометчиво) именовали великой, не чуя её падения в XX веке, — тут у меня сомнений не было. После советского умственного и языкового бесхлебья я словно на пир небожителей был допущен. Масштаб писателя мне на минуту почудился бунинским, толстовским. Впечатление подкреплялось и усиливалось совершенно беспримерным — блистательным — уровнем общей культуры Хазанова. Он не то что основными теперешними европейскими языками владел, он знал латынь и эллинский! Передо мною возвышался русский европеец, из тех, которых давно — после Владимира я (разве не он — последний?) — попросту не стало. Единственная трудность, от которой я тогда отмахнулся по занятости и неустроенности, состояла в том, что мой голод утоляли в первую очередь не художественные вещи Хазанова, не столько его романы, повести и рассказы, сколько его философическая (и по ткани своей художественная) публицистика. Хазанов был *a public philosopher*, каковых в тогдашней русской ойкумене просто не существовало. — Ничего, сказал я себе: дорасту и до его романов, а пока поспешу снять шляпу перед Хазано-

вым-стилистом, преклоню колени перед этим Атлантом русского языка. Счастье быть верноподданным такого монарха!

Вскоре, уже в 1985 году, когда я перевёл дух и несколько огляделся в русском литературном зарубежье, настоящие стилисты обнаружались и помимо Хазанова, — Феликс Розинер, например, его не назвать немислимо, — но Хазанов был первым и остался первым, его места никто уже в моей душе заступить не мог.

Вот этим моим отношением к Хазанову, — сыновним трепетом, признанием его (и только его!) власти надо мною, его старшинства, как это слово ни понимай, — этим отношением и проникнуты мои письма к Хазанову 1980-х и 1990-х годов. Не исключаю из писем Хазанова тех мест, где он указывает мне на мои ошибки и промахи, мне не лстящие. Я ведь не самолюбованием занят, я пытаюсь истине служить.

При всём том моё отношение к Хазанову и наша эпистолярная дружба почти сразу же — в 1985 году — подверглись испытанию. Не были наши отношения безмятежными и дальше. По сей день я не согласен с этим избранным мною гуру там, где я не согласился с ними десятилетия назад. Последняя наша размолвка произошла в декабре в 2016 года, и она оказалась окончательной.

Право на публикацию писем Хазанова я получил от него в электронном письме от 5 августа 2010 года, но это право подразумевалось: письма Хазанова ко мне — эпистолярная проза, обращённая ко многим. Оригиналы писем хранятся в Гуверовском архиве при Станфордском университете.

Я занят собою, моим прошлым, моим не ретушированным портретом. Моя переписка с Борисом Хазановым, полнее, чем любые другие документы, ниже на одну нить мои труды и дни в эмиграции.

Моё первое письмо к Хазанову (Г. М. Файбусовичу) — вообще первое, сколько помню, из написанных в эмиграции. В адресе — явная путаница: Gräfelting — пригород Мюнхена, а улица Alkmaarstraße — в самом Мюнхене (Westphal — фамилия посредника), но письмо каким-то чудом дошло.

Yury Kolker
88/30 Merkaz Klita, Gilo-B,
Gilo. Jerusalem, Israel
26 июня 1984

G. Faibousowich
(c/o H von Westphal)
Alkmaarstr. 7, 8032
Gräfelting, B.R.D.

Решаюсь беспокоить Вас, многоуважаемый Геннадий Моисеевич, по совету (и с рекомендацией — к сожалению, устной) Г. С. Померанца, с которым я расстался в Ленинграде, в конце мая. Григорий Соломонович полагает возможным моё участие в Вашем и К. Любарского журнале. Пожалуйста, рассмотрите эту возможность и сообщите Ваше мнение. Составить представление обо мне как авторе Вы можете по недавнему изданию в Париже двухтомному Собранию Стихов В. Ф. Ходасевича (1983), и по стихам, опубликованным в *Континенте* №29 (1981); возможно, были и другие зарубежные публикации, о которых мне не известно. Я печатался в СССР, в 1972-75; там было, кажется, 9 журнальных публикаций, в Ленинграде, Москве и провинции, — впрочем, прошедших совершенно незамеченными. Наибольшей известностью пользуется статья о Ходасевиче, вошедшая в двухтомник.

В Израиле мы живём чуть больше недели, и ещё не вполне освободились от эмиграционного шока. Рукописей при мне пока нет. Первое, что хочу предложить Вам (сразу по получении и в случае Вашей заинтересованности), — моя статья о покойном Владимире Лифшице, поэте и переводчике. Затем это могут быть мои стихи.

Я не был близким другом Г. С. Померанца: мы познако-

мились лишь около года назад, встречались и беседовали считанное число раз. Оба, Г. С. и З. А. [поэтесса Зинаида Миркина, жена Померанца], доброжелательно отозвались о моей работе, что и даёт мне смелость писать Вам.

К сожалению, из Ваших трудов я прочёл (в машинописной копии) лишь один, и далеко не главный: *Новая Россия*. Очень надеюсь рано или поздно прочесть и другие. Неудача нашего сотрудничества не мешает мне быть Вашим читателем, успех — должен, и надеюсь, способствовать этому. Примите искреннее выражение моей к Вам симпатии.

Ваш

Юрий Колкер

Замечаю незамеченное в 1984 году: в ответном письме Хазанова на бланке *Страны и мира* название журнала по-испански написано в ошибкой: PAIS вместо PAÍS... Зачем был нужен испанский?

СТРАНА И МИР

*DAS LAND UND DIE WELT · OUR COUNTRY AND THE
WORLD · LE PAYS ET LE MONDE · EL PAIS Y EL MUNDO*

Mr. Y. Kolker
88/30 Merkaz Klita Gilo-B,
Gilo, Jerusalem
ISRAEL

Redaktion:
Cronid Lubarsky
Sergei Maxudov
Boris Chasanow
10/VII-84.

Уважаемый Юрий Колкер,
к сожалению, не знаю Вашего отчества. Очень приятно было получить письмо от человека, только что прибывшего из России, и привет от общих друзей. Я послал Вам два последних номера журнала, чтоб у Вас было о нём некоторое представление. У нас нет сомнений в том, что Вы могли бы стать постоянным автором нашего журнала. Мы платим гонорар из расчёта около 500 нем. марок за печатный лист (22-24 стр. стандартного машинописного текста). К сожалению, наш журнал не художественный, поэтому мы не печатаем белле-

тристику и стихи. Однако я с удовольствием познакомился бы со статьёй о Вл. Лившице, о которой Вы упомянули. Наши условия: статья не должна быть слишком объёмистой (желательно не более 15-17 страниц машинописи); хороший литературный стиль. Ваша статья-исследование о Ходасевиче, которую я высоко ценю, даёт мне основание надеяться, что и другие Ваши работы окажутся на столь же высоком уровне, так что единственное ограничение — это объём. Одновременно хочу сделать Вам несколько встречных предложений. Нет ли у Вас ещё каких-нибудь работ о Ходасевиче или материалов для раздела «Архив»? Не могли бы Вы — как свежеприбывший россиянин — написать для нас что-нибудь о нынешней литературной или общекультурной ситуации в СССР (конкретная тема — по Вашему выбору)? Не заинтересовало ли бы Вас предложение вести в журнале что-нибудь вроде отдела литературной критики (художественная проза и поэзия в СССР и за рубежом)? Наш журнал распространяется в Европе и Америке; значительная часть тиража идёт в Россию.

Всего Вам доброго и хорошего самочувствия на новом месте. С приездом!

Ваш Г. Файбусович

В моём письме от 22 июля 1984 года упоминаются рижский отказник Захар Зуншайн, объявивший в тюрьме голодовку протеста, и ленинградский литературовед и правозащитник Иван Фёдорович Мартынов, добивавшийся права на эмиграцию и тоже, после очередного отказа, объявивший голодовку протеста. Моё короткое сообщение о судьбе Мартынова было напечатано в июльском номере *Страны и мира* за 1984 год. Оказавшись на свободе, я старался помочь этим двоим и ещё многим.

22 июля 1984

Дорогой Геннадий Моисеевич,

спасибо за немедленный и дружеский ответ. Стил и тон Вашего журнала (оба номера прочитаны, спасибо за них) мне очень по душе. С благодарностью принимаю Ваше предложе-

ние о сотрудничестве. Я уже начал писать для СиМ обзорную статью о ленинградской второй литературе и тамошнем сам-издате. Затем, у меня имеются все материалы по делу Зуншайна, надо только привести их в систему.

Предложение вести в журнале отдел литературной критики, в высшей степени заманчивое, я должен обдумать; боюсь, что пока эта работа мне не по плечу из-за нехватки времени и неопределенности нашего будущего. Не вижу пока, что бы я мог предложить Вам для отдела *Архив*.

Срочно высылаю Вам наскоро набросанный текст о И. Ф. Мартынове — текст не литературный, а информационный. Он был предназначен специально для перевода на английский язык и последующей рассылки заинтересованным лицам и организациям; поэтому я не слишком следил за стилем, а старался лишь быть предельно точным; отсюда же и сухость языка, и неуклюжие длинноты. Можете редактировать его в смысле сокращения произвольным образом; при способьте, если нужно будет, название статьи к дате выхода номера, — необходимо лишь обеспечить этому делу скорейшую гласность и спасти человека. Позвоните ему по телефону 314-32-42 — чтобы поддержать его и, быть может, откорректировать мою информацию.

Ещё раз — спасибо. Всего наилучшего.

Ваш

Юрий Колкер

Прошу Вас поставить под моим сообщением о Мартынове только мои инициалы — Ю. К.

Меня можно вызвать на телефонный разговор по номеру 671-697 или 673-271, Иерусалим. Это контора, дежурный обычно говорит по-английски; он не зовет меня, а оставляет мне записку, например, с сообщением о том, что Вы позвоните завтра в три; в указанное время я жду Вашего звонка. — Ю. К.

31 июля 1984

Дорогой Геннадий Моисеевич,

Посылаю Вам ещё одно короткое сообщение — в надежде, что оно Вас заинтересует. В. Н. Белянин хочет гласности, и такая публикация не должна ему повредить — но поможет ли?

Ваш —

Юрий Колкер

Упомянутый здесь красноярский биофизик Владимир Николаевич Белянин был моим оппонентом при защите мною кандидатской диссертации в 1978 году. Напутствуя меня в эмиграцию, он просил меня рассказать публично о гонениях, которым он, по его словам, подвергался в красноярском институте физики. В записке от 9 августа Хазанов сообщает мне: «материал о В. Н. Белянине для нас не подходит: он был бы уместнее в газете». Я рассказал о судьбе Белянина на волнах мюнхенской радиостанции *Свобода* и в парижской газете *Русская мысль*.

10.09.84

Дорогой Геннадий Моисеевич,

посылаю Вам мою статью о В. Лифшице — хотя и помню, что объём её для Вас неприемлем. Если всё же Вы решите печатать её, прошу Вас сообщить мне об этом сразу и не отправлять текст в набор до получения моего ответа.

К сожалению, мне всё ещё не под силу подписаться на Ваш журнал. К сожалению — ибо он не просто мне интересен; в Вашей работе *Не поймёт и не оценит* я встретил ту полноту единомыслия, которую перестал уже искать. Не помню, чтобы за последние годы что-либо было прочитано мною с подобным воодушевлением — притом, что я мелочно придирчив по части не только мысли, но и языка, и стиля. Больше же всего меня тронули в ней пейзажи, истинно поэтические.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность С. Максудову за письмо и журнал.

Ваш
Юрий Колкер

Недатированным июльским письмом Сергей Максудов [А. Бабёнышев], один из соредакторов *Страны и мира* (до июля 1985 года), сообщал мне, что мой материал о И. Ф. Мартынове пойдёт в ближайшем номере.

Письмо из *Страны и мира* за подписями Хазанова-Файбусовича и Максудова, помеченное сентябрём 1984 года, не могло, по-моему, быть написано ранее 13 сентября; и, тоже по моей догадке, его автор — скорее Максудов, чем Хазанов (обращение ко мне без отчества, и — подпись Максудова, стоящая второй).

[не ранее 13 сентября 1984]

Дорогой Юрий,

Ваша статья о Владимире Лифшице превосходна. Это настоящее литературоведение, и мы бы очень хотели ее напечатать. Единственное но — объем. На наш взгляд проблема эта вполне разрешима — нужно сократить примеры плохих стихов Лифшица в первой части работы. Есть и некоторые длинноты в тексте, и излишняя справка о государстве Израиль на стр.13. Все это позволит сэкономить страниц 8. Набрав длинные стихи в две колонки, получим еще страницы две, и объем окажется в пределах наших возможностей. Если Вы в принципе на сокращения согласны, то немного позже мы могли бы представить Вам свои предложения.

Несколько конкретных вопросов. Знаете ли Вы книгу Кичановой-Лифшиц (последней жены Вашего героя) «Прости меня за то, что я живу», Чалидзе, 1983? Там, к сожалению, приводится «Третье прощанье».

В конце 30-х Лифшиц работал в «Звезде» под началом Тихонова (не оттуда ли баллады) и, в частности, пытался опубликовать Мандельштама, приславшего машинописную тетрадку стихов. Тихонов не захотел, и Лифшиц унес тетрадку домой, она сохранилась, и в ней любопытные разночтения в известных стихах.

Неуместным кажется сравнение с Солженицыным, и вряд ли следует ни с того ни с сего хвалить в самом конце Лосева. Он, может быть, и хороший поэт, но это отдельная тема.

Это все мелочи. Главное, статья очень хороша, и мы с удовольствием будем ее печатать, если Вы пойдете на некоторое сокращение.

До свидания, с глубоким уважением

Геннадий Файбусович

Сергей Максудов

8.10.84 [Максудову]

Дорогой Сергей,

спасибо за ваше письмо и благожелательным отзыв о моей работе. Мне не хочется сокращать статью о Лифшице, но в принципе я готов пойти на это, и в любом случае с благодарностью приму любые Ваши критические замечания и дополнения. Но моя принципиальная готовность сокращать и исправлять текст может натолкнуться на вполне конкретное несогласие. Например, мне *пока* неясно, почему и в каком смысле кажется Вам неуместным сравнение Ивана Денисовича с Джеймсом Клиффордом; неясно также и то, чем помешало замечание о Лосеве в конце статьи. Пожалуйста, изложите Ваши возражения подробнее.

Нет, мне не попадался сборник переписки Ходасевича с Садовским. Не знаю я и книги Кичановой; почему Вы с сожалением отмечаете, что *Третье Прощание* В. Лифшица вошло в её книгу? Это стихотворение публиковалось и прежде. Вообще, моя статья о Лифшице построена не на архивных находках, а на вполне открытых его публикациях.

По существу пустяковым, а для меня совершенно необходимым условием публикации является набор *курсивом и без кавычек* всех встречающихся в тексте названий. Я совершенно убеждён (и не одинок в этом), что корректное употребление кавычек только одно: выделение цитат. Взятие в кавычки имён собственных (каковыми являются названия произведе-

ний, журналов и издательств) унижает читателя, а с ним и автора.

И. Мартынову предъявлено обвинение по ст. 196-2: подделка документов. Я получил от него отчаянную телеграмму, но дозвониться к нему пока не смог. Не затруднит ли Вас передать это короткое сообщение на *Свободу*? — звонки в Европу мне не оплачивают, а стипендии едва хватает на еду.

Жду обещанных Вами замечаний по статье.

С искренним уважением,
Юрий Колкер

Юрий Колкер:
88/30 Мерказ Клита Бет
Гило, Иерусалим
8/11/1984

Страна и Мир

Дорогие редакторы,

посылаю Вам обещанный обзор ленинградского самиздата [*Острова блаженных. Вторая литература и самиздат в Ленинграде, Страна и мир №1-2, 1985*]. Пожалуйста, как можно скорее сообщите мне ваше отношение к нему: станете ли бы его публиковать, и когда. По-видимому, моё письмо к вам от 8/10 затерялось. В нем я писал о моём принципиальном согласии на некоторые сокращения в статье о Лифшице и просил прислать ваши замечания. Там же я упоминал важный для меня момент, связанный с типографическим исполнением моих работ. Для меня чрезвычайно существенно, чтобы все встречающиеся в тексте названия были набраны курсивом и без кавычек. Это условие в полной мере относится и к прилагаемой статье.

Секретарь журнала Жанна Яценко озадачила меня предложением сообщить ей мой BLZ [Bankleitzahl]. Пожалуйста, объясните мне, что это такое. Открытка, посланная Жанной Яценко, шла ко мне 2.5 месяца.

Ваш —
Юрий Колкер

Первая моя израильская работа, статья *Острова блаженных. Вторая литература и самиздат в Ленинграде*, вышла в журнале (*Страна и мир* №1-2, 1985) с искажениями столь возмутительными и несуразными, что я отказываюсь считать её моею. Не сомневаюсь, что бес редакторского зуда попутал именно Хазанова-Файбусовича. Нормальная версия статьи — на моём сайте и в готовящейся книге *Вам сказано, а я говорю*.

13. XII 1984

Дорогой Юрий,

мой коллега А. Бабёнышев напишет Вам отдельно о наших предложениях касательно Лифшица. Сейчас я пишу по поводу статьи «Вторая литература...»

Статья нравится нам всем, и мы хотели бы поместить её в одном из ближайших номеров. В сущности, это даже не статья, а серьёзное и даже уникальное исследование. По этой причине, однако, она — в её нынешнем виде — не совсем ложится в журнал. Мои просьбы и предложения сводятся к следующему.

1. Объём. В переводе на стандартные машинописные листы статья занимает 25-30 страниц. Настоятельная просьба сократить рукопись хотя бы на две (Ваших) страницы. Лучше всего это было бы сделать, не вырубая целые куски, а по фразам. Это дало бы одновременно возможность несколько облегчить текст, ослабить его академичность.

2. Большие куски текста идут сплошь, без абзацев. Хотелось бы разбить текст на более мелкие абзацы. Текст будет выглядеть живее; ему и так не хватает энергии. Статья иногда сбивается на лекцию.

3. Если есть возможность, уточните актуальность сообщаемых сведений. Все ли журналы, о которых говорится как об ещё существующих, продолжают выходить. Если данных нет, это хорошо было бы оговорить. Последний вопрос: была ли Ваша статья где-нибудь опубликована? Повторяю, статья нам очень подходит; если Вы согласны хотя бы отчасти пойти нам навстречу, она будет набрана и напечатана в короткий

срок.

Вашу открытку с поправкой («Дмитриева», стр.9) я получил [Не помню, в чём состояла поправка].

Об Иване Мартынове мы напечатали небольшой материал в 11-м номере.

Поздравляю Вас с Новым годом. Надеюсь, Вы уже начали понемногу привыкать к новой жизни.

Преданный Вам

Г. Файбусович

13. XII 1984

Дорогой Юрий,

Посылаем Вам наш вариант сокращения статьи о В. Лифшице. Главная причина сокращений — объем, хотя кажется, что убирая более слабые стихи и разговоры о них, можно усилить часть про Клифорда. Если Вы предложите другой вариант сокращения до 15-18 страниц, то мы с удовольствием его примем.

Мне кажется, что можно было бы упомянуть светловского Мкртчянца — маска поэта, якобы переводчика, широко известная в Москве и, возможно, оказавшая влияние на Лифшица.

Там, где Вы пишете о балладах может быть, стоит упомянуть Тихонова, который был редактором журнала, в котором Лифшиц заведовал после приезда с Востока отделом поэзии. Там же он пытался опубликовать Мандельштама.

В нескольких местах на полях поставлены вопросы, там, где утверждения кажутся не слишком убедительными. И наконец, сравнение с Иваном Денисовичем действительно кажется нам совершенно неприемлемым по масштабу дарований, произведенному эффекту, и многим другим причинам.

Я надеюсь, что наши попытки урезать статью не заставят Вас отказаться от ее публикации. И главное, печать статьи о Лифшице такого вида, что невольно возникает опасение, что она где-то уже публиковалась? Но надеемся, что это не так.

До свидания, Ваш А. Бабёнышев

Юрий Колкер: Мерказ Клита
Гило Бет 88/30, Гило, И-м
7/01/85

Дорогой Геннадий Моисеевич,

статья о второй литературе написана специально для вас и, конечно, нигде не публиковалась. Из чего Вы заключили, что я могу предложить вам уже опубликованное? Прилагаемый исправленный вариант (в нём многое уточнено по памяти и документам) убедит Вас, что я не оставил без внимания ни одного из Ваших замечаний. Но вряд ли у меня достанет сил ещё на одну переделку. *Прошу Вас ответить мне немедленно*, будет ли статья опубликована как она теперь есть — и когда, в каком месяце. Собственно говоря, она должна быть напечатана немедленно. Уже одно то, что она выйдет *на следующий год* после моего выезда, обесценивает её вдвое, — ибо точность важна исследователю, а читателю — свежесть и острота информации. Вторая моя просьба также затрагивает наши интересы поровну: пожалуйста, снесите с Сергеем Владимировичем Дедюлиным из *Русской Мысли* и уточните у него, сколько — 6 или 8 — номеров Северной Почты он выпустил, - и внесите сами поправку в мою статью /стр.6, 11-ая строка снизу/. У меня нет ни денег, ни даже физической возможности позвонить в Париж.

Прошу Вас передать Жанне Яценко, что деньги мне следует переводить на счёт 501/119089/9 в Union Bank по адресу: Jerusalem, rhov Jaffo 34. Что такое BLZ, я по-прежнему не знаю, т. к. Вы не ответили на моё письмо от 8/11. Вновь обращаю Ваше внимание на моё неперемнное условие не брать в моём тексте в кавычки имена собственные, каковыми являются названия книг и журналов. Подчёркивание в машинописном тексте соответствует типографскому курсиву.

О каждом из упомянутых журналов, исключая *Сумму*, у меня сказано, существует он или нет, — так что Ваш упрёк напрасен. Время прекращения *Суммы* я не указываю из осторожности: чтобы не дать возможности связать его со време-

нем известного политического процесса.

Что же касается актуальности, то, повторяю, нужно очень спешить. Ситуация там меняется быстро. Поверьте, моя навязчивость — не от авторской амбиции или безденежья, а из интересов дела. Посылаю статью экспрессом — жду Вашего ответа к 18/01. Вы чудовищно заняты — но и моя жизнь вряд ли легче Вашей.

Обнимаю Вас.

Юрий Колкер

19/01/85

(в Страну и Мир)

Дорогие друзья,

посылаю ещё одну поправку к статье о самиздате: кусок о журнале Северная Почта, которым начинается пункт 3 на странице 6. Дедюлин сам позвонил мне, и в результате я уточнил некоторые важные детали. Объём этого фрагмента не превышен: те же 40 строк.

Из разговора с Дедюлиным я понял, что желательно сделать разъяснение о том, *что* фактически означают тиражи в 7-8 экземпляров и почему о них стоит говорить. Я предлагаю вставку в 11 строк к странице 10 (см. приложение).

В моем последнем письме к вам от 7/01/85 я указал счёт, на который мне следует переводить гонорары. Пожалуйста, до моего специального распоряжения, не высылайте их в Израиль.

Информация о Мартынове в вашем №11 неточна: он числился не репетитором, а литературным секретарём поэта Игоря Леонидовича Михайлова, и судили его (кажется, 8-го января) за подделку документов, по ст. 196, а не за тунеядство.

Ваш

Юрий Колкер

Юрий Колкер:
11/04/85

Дорогой Геннадий Моисеевич,

спасибо за Вашу книгу [Борис Хазанов. *Идущий по воде, 1985*]. Я продолжаю читать её, и чаще соглашаюсь с Вами, чем испытываю потребность возразить. Тем печальнее мне приступить ко второй части моего письма.

Недолгая история наших деловых отношений должна была убедить Вас, что как автор я уступчив, терпелив и терпим. Я учёл решительно все Ваши предварительные замечания по моей статье [*Вторая литература и самиздат в Ленинграде. Журнал Страна и мир №1-2, 1985*], хотя и не все из них нашёл справедливыми. Из всего этого Вы, вероятно, сделали ложный вывод. Моя уступчивость основывалась на уважении к Вам и на стремлении к взаимопониманию; она вовсе не означала равнодушия к тексту и безразличия к тому, как с ним обойдётся редактор. У меня есть свои, десятилетиями выношенные представления о языке, есть манера, от которой я так же не волен отказаться, как от моей физиономии. Тон и графическое исполнение фразы суть элементы литературной мысли, в другом звучании и символах она неуловимо меняется. Литератор не может не дорожить этими *мелочами*, о каком бы тексте ни шла речь, ибо всюду он невольно портретирует себя. С другой стороны, у меня достаточный опыт редакторской и корректорской работы, и я сознаю, что редакционные вторжения в большой текст более или менее неизбежны. Делая таковые, я всегда стремился свести их к минимуму, не затрагивать авторскую индивидуальность, не навязывать автору мою интонацию и архитектуру. Этого же я ожидал и от Вашего журнала. Я заранее готовил себя к тому, что некоторые из ваших (журнала) поправок могут оказаться болезненными — но справедливыми, устраняющими мои промахи. И вот статья появилась — переименованная, со 155 (!) искажениями. Не правда ли, это много? Вы, по существу, переписали её. Стоило ли журналу затевать сотрудничество с автором, который не твёрд в падежах и вместо тире ставит двоеточие? И не следовало ли в таком случае специально оговорить полную переработку моей статьи в качестве условия сотрудничества?

Решаюсь напомнить Вам, что я вовсе не навязывался журналу. Я видел для себя честь в том, чтобы публиковаться под одним обложкой с Вами и Г. С. Померанцем. Но никакая честь не компенсирует жестокого и бессмысленного унижения, которому вы меня подвергли.

Неделю после получения номера я чувствовал себя больным и не мог взять его в руки, затем занялся арифметикой. Оказалось, что лишь в 7 или 8 случаях из 155 ваши поправки (не кажущиеся мне обязательными и удачными) всё же оправданы недостатками моего текста. Вы исправили мне две орфографических ошибки — спасибо (и внесли две опечатки — не страшно). Зато в 16 (!) случаях моя мысль изменена на нечто весьма отдалённое, а то и прямо противоположное ей: вы сознательно (иногда курьёзно) поправляете и дополняете меня. Все прочие поправки невозможно мотивировать *ничем*. Вы вторгаетесь в область интимную и вам неподведомственную, беспечно нарушаете связи, которых не видите, и мелодию, которой не слышите. Что бы Вы, Геннадий Моисеевич, сказали, если бы такое было проделано с Вашим текстом? Вероятно, то же, что и я: что он потерял для Вас всякое значение.

Я писал своё сочинение не ради заработка или известности, а — увы! — ради истины и красоты. Писал почти полгода, уравнивая и выверяя на звук каждую фразу, стараясь быть предельно точным. И вот, видя перед собою вознаграждение, я спрашиваю себя, всерьёз ли Вы в Ваших работах говорите о таких вещах как свобода, демократия и уважение к человеческой индивидуальности, если руководимый Вами журнал способен с легким сердцем профанировать труд человека, пишущего четвертое десятилетие?

Страна и Мир, журнал действительно замечательный, не понесёт урона, порвав с одним из своих второстепенных авторов. Вы как писатель и мыслитель не утратите моего интереса и уважения: я не настолько мелок, чтобы проецировать личную обиду на сферу идей. А всё же от вашего (журнала) редакторского легкомыслия никто не в выигрыше: ни Вы, ни

я, ни та область бескорыстного служения, в которой Вы и я (пусть в разной степени) участвуем.

Настоящим письмом я снимаю с себя ответственность за текст, который опубликован под моим именем в 1-2 номере *Страны и Мира* за 1985.

Почтительно,
Юрий Колкер

Мюнхен, 26.04.1985

Дорогой Юрий,

три дня назад пришло Ваше письмо, и все эти дни я нахожусь под сильным впечатлением от него. Вы поймёте меня, если я Вам скажу, что оно сделало меня таким же больным, каким Вас, по Вашим словам, сделала публикация статьи в журнале.

Всё же, подумав, сравнив печатный текст с Вашими рукописями, я нахожу, что Ваша реакция несколько преувеличена.

Я не стану говорить о некоторых уточнениях пунктуации. Все сомнительные случаи расстановки знаков препинания, трудная орфография и пр. проверяются по справочнику. Это же относится к обозначениям «г.» или «гг.» при датах там, где во фразе нет слова «год», или не принятым сейчас написаниям типа «1982-го года». Насколько я понимаю, Вы имели в виду не эти исправления.

Взглянув ещё раз, по возможности объективно, на печатный текст, Вы, я уверен, убедитесь, что ни Ваш стиль, ни свойственный Вам достойный сдержанный и объективный тон (который так редко встречается и который, поверьте, я умею ценить) нисколько не искажены.

Если я позволил себе внести кое-где очень небольшие поправки, то совсем не потому, что одержим редакторским зудом или недостаточно уважаю суверенные права автора. В условиях нашей работы (два человека и ежемесячный журнал) мне даже вообще было бы гораздо проще обойтись без каких бы то ни было исправлений. Вероятно, Вам ещё придётся столкнуться здесь с тем, о чём Вы упоминаете в статье и что можно было бы назвать плодами Самиздата; мы пожи-

наем их то и дело. Большинство рукописей, принадлежащих именитым авторам, свидетельствуют о том, что авторы не имеют представления о литературном труде, о работе над словом. На этом удручающем фоне Ваша работа, выполненная на высоком профессиональном уровне, не говоря уже об уникальном материале, которым Вы располагаете, выглядела редкостным исключением. Именно поэтому я осмелился устранить в нескольких местах случайные огрехи, неизбежные в любой работе, тем более срочной, и порой ускользающие от внимания самого пишущего: облегчить слишком тяжеловесную конструкцию, затемняющую смысл, или снять лишние слова. Сравнив рукопись и журнальный текст, Вы согласитесь со мной, что поправки свелись только к этому. Разумеется, мне и в голову не приходило в какой-либо степени корригировать Вашу мысль.

«Руководители журнала... имеют целью представить» и т. д. (стр. 2). Я исправил: «ставят перед собой задачу», потому что цель по сравнению с задачей представляет собой нечто более общее и отдалённое и соответственно формулируется более кратко, в Вашей же фразе речь идёт скорее о содержании работы, то есть о задаче.

«Наиболее выигрышная... формула такова» (стр. 3). Но далее следует длинная фраза, с необходимыми подробностями, то есть во всяком случае нечто такое, что по определению формулой не является. Это именно объяснение (или оправдание), но никак не формула. Поэтому я заменил это слово. Ритм и смысл фразы от этого, мне кажется, не пострадали.

«Круг авторов *Обводного канала* пересекается с таковым *Часов*» (стр. 5). Согласитесь, что эта фраза невозможна. Правда и моя поправка («авторский состав») безупречна, можно было придумать что-нибудь получше; но всё-таки. «Таковым» — очень неподходящее слово, вся фраза звучит не по-русски. Круг (если оставаться в пределах избранного Вами образа) не может пересекаться с другим кругом: пересекаются окружности, а круги могут полностью или частично совмещаться, перекрывать друг друга или что-нибудь в этом

роде. Конечно, я посоветовался бы с Вами, будь Вы где-нибудь поблизости. Но Вы далеко, письма, даже авиапочтой, идут больше двух недель, позвонить невозможно. Между тем речь идёт, по совести говоря, о мелочи, которая исправляется почти автоматически.

«Кампания правительственных литавр» (стр.6). Конечно, не кампания, а гром, грохот, бряцанье, все что угодно, но хоть как-то связанное со звуком.

«Последовавшие за тем десятилетия» (стр. 7). Разве не лучше избавиться от «вшей» и сказать короче: последующие десятилетия.

«Журнал... содержал до полуторасот страниц» (стр. 10). «До полуторасот» — неупотребительное и неуклюжее выражение. Совершенно очевидно, что оно случайно прошло мимо Вашего внимания.

«Комический эпизод... даёт представление о роли, занятой Самиздатом. Рассказывают, что одна мать, озабоченная воспитанием сына, на машинке отпечатала Анну Каренину и невзначай подложила подростку...» (стр. 11). Я уверен, что весь этот период показался бы не вполне удачным не только мне. Конечно, роль не занимают, её играют или берут на себя. Речь идёт об уважении, которое внушил к себе Самиздат, об интересе к нему, о престиже, которым пользуются самиздатские рукописи. Далее, имеется в виду не просто воспитание, но воспитание литературой, классиками, и я подумал, что в этом случае добавить слово «культурное» будет нелишним. «Невзначай» — слово, имеющее не совсем тот смысл, который здесь подразумевается. По «Словарю русского языка» (т. 2, стр. 426, М.1983), оно означает: «случайно, ненароком, нечаянно». Приводятся следующие примеры: «Однажды мы шли по лесу. Я невзначай наступил на муравьиную тропу»; «Когда у Аглаи сорвалось невзначай за обедом...» (Достоевский). Невзначай — характеристика действия, которое совершается помимо внимания самого действующего, незаметно для него самого или вопреки его намерениям. Вы же хотели сказать, что мать подложила сыну рукопись так, чтобы он не

заметил, что это сделано ею. Поэтому я заменил это слово на более подходящее. Звучание фразы от этого, как мне кажется, не ухудшилось.

«Поколение последних иллюзий... проявило больше, чем негативисты, терпимости к режиму, большим готово было поступиться ради "Гуттенбергова пресса"... , и, в итоге, резче своего предшественника отвернулось от равнодушного общества» (стр. 14). Я восстановил правильное написание «Гутенберг» (очевидно, произошло бессознательное смешение двух имен: Гутенберг и Ульрих фон Гуттен) и опустил запятые, выделяющие выражение «в итоге», так как по правилам русского синтаксиса оно не является вводным (подобные выражения выделяются запятыми во французских текстах). И, наконец, моё внимание задержалось на словах «резче своего предшественника». По-видимому, под предшественником подразумеваются негативисты, предшествующее поколение. Но слово «предшественник» плохо звучит в качестве собирательного понятия. Оно всегда указывает на некоторое конкретное лицо. Сошлюсь опять же на словарь: «Тот, чья деятельность в той или иной области предшествовала деятельности кого-либо другого». «Тот, кто занимал какую-либо должность, выполнял какие-либо обязанности раньше кого-либо» (т. 3, стр. 374). Я думаю, что и Вы согласитесь, что оборот «резче, чем их предшественники», несмотря на аллитерацию «че-че», звучит естественней, чем употреблённый Вами, а смысл от этой поправки не ухудшается (выше говорилось о негативистах).

«Четырнадцать авторов в *Островах* выступают под псевдонимами, но лишь два из них взяты...» (стр. 15) Кто взят: авторы?

«Исследование национального состава сборника» (стр. 16). Очевидно, что изучают национальный состав авторского колллектива, а не самой книги.

Это же можно сказать о другой фразе на той же странице: «характерная фигура антологии». Возникает мысль, что речь идёт не об авторе или авторах книги, но об её героях. Анто-

логия есть именно обозначение книги, сборника, а не тех, кому принадлежат вошедшие в сборник стихи. Короче говоря, возникает ненужная двусмыслица.

«Просемит» (стр. 16). Слово, отсутствующее в словарях. Почему понадобилось заменять им общеупотребительное «филосемит»; К тому же приставка «про» вносит дополнительный и, очевидно, не предусмотренный Вами смысл.

«Свобода от цензуры, которой столь многие не умеют распорядиться» (стр. 17). Чем не умеют распорядиться: свободой или цензурой?

«Каждое поколение является носителем своей истины, своего эстетического и общественного ракурса» (стр. 13). Вероятно, Вы сами замечаете, что вся фраза звучит не очень хорошо. Слово «ракурс» обычно относят не к субъекту, а к объекту, то есть соотносят его с конкретным видением или пониманием чего-то. Но ещё неуместней: мне кажется, слегка отдающий канцелярией оборот «является тем-то» во фразе, которая всё-таки звучит или должна звучать несколько приподнято. «Носитель истины». Согласитесь, что это лучше (и точнее), чем «является носителем». Последний оборот больше подошёл бы к техническому тексту: носителем ракеты является такое-то устройство.

«Невозможно сомневаться, что создание Клуба — попытка власти покончить со второй литературой, причём её верхушку на известных условиях готовятся трансплантировать в первую». (стр. 12). Так как вторая половина периода достаточно длинная, нужно добавить — литературу. Или как-нибудь, перестроить эту несколько громоздкую фразу.

«Петербургский» (стр. 8). В качестве петербуржца Вы, возможно, не согласитесь со мной, но надо всё-таки говорить «петербургский». В подобных случаях в русском языке (и не только в русском) «г» переходит в «ж» чаще перед закрытыми гласными, иногда перед плавными согласными (ножной, возможный). Классики и современные писатели употребляют форму «петербургский» («Медный Всадник, петербургская повесть». «Петербургские сумерки внешние...» — Блок). Ср.

также: Выборгская сторона, Шлиссельбургская крепость, «меж сыром лимбургским живым» (Пушкин), Новомбергский (фамилия учёного), гамбургский счёт и т. п.

Авторы, «которых... несколько сотен» (стр. 2). «Сотен» — родительный падеж от «сотня», но не от «сто». Можно сказать: несколько казачьих сотен. Но нельзя сказать: несколько сотен человек, если Вы не имеете в виду войсковую единицу или что-либо в этом роде.

«Всегда представлены проза и поэзия, чаще всего — несколькими именами та и другая» (стр. 2). Согласитесь, что это немного шероховато. Чаще всего «та и другая» — это лица, а не предметы. Естественней было бы в данном случае сказать: то и другое.

Я ограничился немногими примерами и отнюдь не собираюсь, поверьте, в чём-либо Вас уличать или укорять. С моей точки зрения, всё это — мелочи, возникающие непроизвольно и автоматически исправляемые, во всяком случае — не имеющие отношения к таким вещам, как индивидуальный стиль, ритм, мелодия, особенный слог. Это не профанация Вашего труда и не глухота к музыкальной и стилистической стороне текста. И я думаю, что нет надобности повторять, что я отношусь к Вам совсем не как к второстепенному автору: я уже имел случай выразить Вам своё восхищение Вами как литератором и тонким истолкователем литературы. Мне понятна Ваша обида, я испытывал бы те же чувства, если бы кто-нибудь грязными лапами, топорным пером взялся править стоивший мне труда, нервов и многих сомнений текст. Но вооружившись спокойствием и объективностью, Вы увидите, что в этом случае ничего подобного не было.

Мне придётся упомянуть ещё об одном обстоятельстве. Вы помните, что вслед за основной рукописью Вы прислали несколько поправок, иногда требующих переделки целой страницы. Дополнения пришли уже после того, как был готов набор. Поэтому я мог учесть лишь часть Ваших пожеланий — главным образом уточнения фактов. Может быть, с этим связана некоторая часть огорчивших Вас разночтений.

Мне остаётся добавить, что Ваша статья — украшение журнала. Если всё это многословное письмо хотя бы немного смягчило вас, я буду счастлив.

Ваш Г. М. Файбусович

19/05/85

Дорогой Геннадий Моисеевич,

спасибо за Ваше письмо от 26/04/85. Оно свидетельствует о незаурядном великодушии, которое я умею ценить. К сожалению, чувство справедливости представлено в нём не в той же степени. Вы не признали своей неправоты ни в чём. Это, само по себе, и понятно, и ничуть для меня не обидно. Вы образованнее, умнее и талантливее меня. Наконец, Вы просто старше, и я рад любому случаю учиться у Вас. Обидно то, что по существу затронутого вопроса Вы во многом (и даже в основном) не правы — и отрицаете это. Вы не пожалели времени и труда на столь подробный ответ мне — наберитесь же терпения ещё раз и прочтите мои возражения внимательно.

Напрасно Вы полагаете, что пунктуация для меня неважна. Конечно, это — не главное, но мелочей в литературе нет. Расставьте знаки препинания в *Петербурге* Андрея Белого в соответствии с сегодняшней (или тогдашней) нормой — и книга потеряет половину своей силы и прелести. Поэтому, отсылая меня к лексикону, Вы не правы. Непринятое сегодня было принято прежде, и, быть может, будет принято потом. Я пользуюсь пунктуацией не в точном соответствии с теперешней нормой, но система моя продумана, каждый её элемент можно обосновать, и все её составляющие служат моим периодам, моей интонации. Такого рода неправильности как раз и отличают писателя от составителя лексикона или студента. В них отражена доля его участия в языке. На стр. 113 (3-я строка) Вы заменили знак : знаком ; , тем самым разорвав фразу по смыслу и интонации. Можно поручиться, что *никто* из читателей не споткнётся об этот искусственный барьер: читают небрежно; но такого рода пустяки тесно связаны с

вдохновением, и мне не безразличны. Подобных примеров — десятки. Вы изымаете и вставляете запятые, убираете тире, и т. п.... Вообще, Ваша ссылка на словарь не есть ли апелляция к большинству — и не странный ли это аргумент в Вашем (и моём) положении, когда любой из нас — «самой природы меньшевик»? Теперь о служебных значках и сокращениях. Я пишу дату без букв г или гг после неё, во-первых, потому, что так принято в европейских языках, во-вторых, потому, что любая избыточность унижает читателя, а значит и автора. Конечно, можно вообразить читателя, который в утверждении «Я родился в 1946» поймёт цифру как номер барака; но я обращаюсь не к нему. Это опять пример важного для меня пустяка. И если бы Вы в качестве непрямого условия выставили требование расставить эти г и гг, я, вероятно, всё же снял бы мою публикацию.

Слово самиздат Вы пишете с прописной буквы, а я — со строчной. Не сошлётесь ли Вы и здесь на лексикон? И чем моё правописание хуже Вашего?

Вы пишете, что Ваши немногочисленные поправки имели целью (в основном) «облегчить слишком тяжеловесную конструкцию, затемняющую смысл, или снять лишние слова»; что Вам «и в голову не приходило... корректировать» мою мысль. Посмотрим, так ли это. На стр. 105 Вы сообщаете, что лауреатом премии, учреждённой *Часами*, могут стать вчерашние ленинградцы, — а мне о таковых неизвестно: я знаю только о москвиче. На этой же странице Вы говорите, что поиск новизны и оригинальности не является важнейшей целью искусства — я же убеждён, что он не является целью, *достойной* искусства. Возможно, Ваш журнал не может публиковать консерватора, — здесь нечего возразить. Вы же просто подводите стрелку моего компаса на 45°, а то и на 90°. На стр. 104 Вы говорите, что значение самиздата Ленинграда несравненно больше, чем Москвы. Я ничего подобного не думаю, у меня сказано: значение самиздата в Ленинграде больше (чем в Москве). На стр. 107 Вы вводите придаточное предложение и добавляете слово: по-Вашему, серьёзность и

достоинство *непривычны* для советских катакомб, а я хотел сказать (и сказал) нечто диаметрально противоположное. На стр. 108 Вы заменили слово *быстро* словом *часто*, т. е. эффект целенаправленного движения — эффектом сканирования или броуновского движения. На стр. 109 Вы заменили сочетание *В конце 1984* на *На исходе 1984*; Вы согласитесь со мною, что *на исходе* — более сильная форма, означающая *почти в самом конце*; я выбрал нужное мне слово не случайно и даже делал арифметические подсчёты, выбирая его: выходило, что номер должен появиться в сентябре-октябре, в конце года; сейчас стало известно, что он вышел в августе; что ж, и это — с натяжкой — можно ещё считать концом года, но — никак не его исходом. На той же стр.: Ваша конструкция «носили антисоветский характер, *даже* призывали к уничтожению большевизма» — не просто вялая, но бессмысленная: ведь я здесь даю принятое в СССР определение антисоветчины, связывая синонимичные конструкции двоеточием, а Вы заменяете его запятой и добавляете ничего не значащее *даже*. На стр. 110 Вы снимаете мой курсив и, наоборот, даёте курсивом два фрагмента, не нуждающихся в выделении. На стр. 112 Вы добавили слово *биологический* перед словом *генофонд*; скажите, бывает ли ещё какой-либо генофонд, кроме биологического? филологический? — здесь (и ещё в двух-трёх местах, о них речь дальше) мне вдруг показалось, что Вы намеренно высмеиваете меня. На стр. 113 я говорю об авторах, чей авторитет установился и во второй литературе, и за её пределами, — Вы же зачем-то добавили слова *во второй литературе*, меняющие смысл... Так Вы обходитесь с моей мыслью, и это ещё не весь список.

Теперь я отмечу те места, где я с Вашими вторжениями согласен. Конечно, Гутенберг через *тт* — просто моя ошибка. Петербургский я и сам бы исправил в чужом тексте, но свой текст я преимущественно слышу, а не вижу. *Сот* вместо *сотен* — Вы правы и здесь, хотя такого рода жаргонизмы тысячами рассеяны по страницам классиков. О двух досадных грамматических ошибках нечего и говорить, я уже упоминал

о них.

Более того, я готов признать, что в некоторых (немногих) местах Ваши поправки бесспорно улучшили мой стиль. Но именно тут кроется Ваша принципиальная неправота. Программисты знают, что любой текст может быть улучшаем до бесконечности: оптимума не существует. Автор-перфекционист (я принадлежу к числу этих недоумков) вправе месяцами и годами исправлять написанное. Иное дело редактор. Его дело состоит в исправлении *очевидных* ошибок и промахов, в случаях же сомнительных он должен уступить. Из того, что Вы — лучший стилист, чем я, не следует ли, что мне и во все писать не стоит? А ведь Вы именно это мне и говорите, поправив меня на 17 страницах чуть ли не 200 раз. Мне остаётся повторить, что текст этот после Ваших улучшений просто перестал быть моим — и потерял для меня всякий смысл.

Обсудим некоторые из Ваших поправок, касающихся стиля. Вы говорите, что круги не могут пересекаться. Это неверно. Пересекаются не только любые геометрические фигуры, плоскостные и пространственные, но и любые множества элементов. Это — установившийся термин, принятый в очень многих областях деятельности современного человека. Слово *таковой*, согласен, канцеляризм или какая-то другая неловкость, но это моё слово, я пользуюсь им уже не одно десятилетие и не чувствую потребности от него отказаться. Выражение *имеют целью представить* есть целая языковая единица, и слово *цель* (Вы заменили его словом *задача*) не равнозначно здесь самому себе. Слово *жертвовать* требует после себя творительного падежа почти всегда, и уж во всяком случае, если фраза, пользуясь Вашим определением, должна звучать несколько приподнято. Ещё кое-как можно жертвовать деньги, но жертвовать время и свободу — немыслимо, не по-русски. Слово *повзросление* если не вовсе невозможно, то совершенно невозможно в моём тексте, — какого рода пощёчины Вы как бы невзначай раздаёте мне через две строки на третью. Слова *доминирует* и *господствует* кажутся мне синонимами — зачем же потребовалось заменить одно другим? Зато слова

раздражение и *ярость* весьма далеки друг от друга, и вторым я не пользуюсь, не умею пользоваться. Одни и те же конструкции (*в итоге, в первую очередь*) могут быть и могут не быть вводными словами — соответственно авторской интонации, и выделение их запятыми — вопрос стиля; точно так же, появление нового подлежащего следует оттенять запятой, но это правило не безусловно. Неудобопроизносимое слово *последовавшие* требуется мне потому, что я люблю точность; для Вас (и для большинства) слово *последующие* — прилагательное, а для меня — причастие. Напрасно Вы противопоставляете слова *определение* и *формула*: они значат (по крайней мере, для меня) одно и то же. Вы правы: роль не занимают, а играют, и «кампания правительственных литавр» — плохо. Не так очевидна Ваша правота со словом *невзначай*: я употребил его в смысле *как бы невзначай*, а не в смысле *незаметно* (Ваша поправка): это тоже жаргонизм; но я признаю, что оттенок, который я *сознательно* вложил в этот фрагмент, почти никому не слышен, а потому и Ваше вмешательство здесь справедливо. Важная для меня фраза «латинский эпиграф, которым русские евреи определили своё место и время» держалась на *трёх* национальных указателях, один из них Вы сняли, и получилось в интонационном смысле что-то бесформенное. Здесь, между прочим, Вы властно навязываете мне Ваш собственный писательский, а вовсе не редакторский, стиль. Не будучи, в отличие от Вас, полиглотом (и не предполагая этого в других), я считаю некорректным оставлять иноязычные вставки без перевода, хотя бы косвенного, — если, конечно, речь не идёт об общеизвестном типа Вашего с Шекспиром *The rest is silence*, — и без ненавязчивого пояснения. В данном месте Вы нарушили одновременно и мелодию, и существенный для меня стилистический и этический принцип. Зачем? О кавычках мы с Вами уже говорили. Вы знаете, что я использую их только для выделения цитат, причём лишь тогда, когда известен (или виден из контекста) цитируемый источник. Дважды в тексте Вы нарушаете это моё правило без всякой нужды. В ряде случаев Вы утверждаете, что из-за

сложности использованной мною конструкции нарушаются связи между существительными и местоимениями, и неясно, что чем обеспечено. Решаюсь заметить, что вообще за такими деталями я слежу внимательно, и мне не показались бесспорными ни Ваши исправления, ни Ваша логика. В этом вопросе невозможен пуризм, иначе придётся вовсе отказаться от придаточных предложений. Классика даёт сколько угодно примеров тому.

Разумеется, Ваш деликатный тон и душевная щедрость «смягчили меня». Но необходимо, чтобы и Вы «вооружились спокойствием и объективностью» и признали, что Ваше обращение с моим текстом идёт много дальше редакторского. Необходимо это не только мне, ищущему опоры в Вашем духовном могуществе, но и Вам, ибо совсем не многие столь полно, как я, разделяют Ваши воззрения по двум ключевым вопросам современности: национальному и религиозному, да и просто понимают Ваше значение. Вообще не так уж много среди современных писателей людей добросовестных, открытых и приверженных истине... Мы с Вами сходимся и в представлениях «о литературном труде, о работе над словом», косвенным подтверждением чему служит наш спор. Я не стал бы говорить о стиле с Максимовым или Солженицыным.

Было бы очень уместно напечатать прилагаемое мною письмо в редакцию, где я отмечаю преимущественно мои и лишь самые *невозможные* Ваши ошибки.

Переделка статьи о Лифшице затянулась, во-первых, из-за обилия нового материала, во-вторых, как Вы догадываетесь, из-за того, что у меня просто опустились руки. Вряд ли я уложусь в положенные 17 стр. Затем, многие места, которые Вы (или Бабёнышев?) предлагаете выкинуть, оказались важны для меня.

Русская Мысль и Континент обещают мне бесплатную поездку в Париж. Если буду в Европе, то постараюсь быть и в Германии — во Фрайбурге и Мюнхене, где у меня друзья и знакомые. Застану ли я Вас в июне? Очень бы хотелось видеть Вас и говорить с Вами.

Цель моей предполагаемой поездки в Париж — деловая: Иловайская [главный редактор парижской газеты *Русская мысль*] обещала издать книгу моих стихов, — в счёт гонорара за Ходасевича или из каких-то других соображений? — не знаю. Вероятно, оба издания поддерживают меня по ошибке, и парижанам предстоит разочарование. Слишком многое мне там не нравится. (Какую низость позволил себе Континент в адрес Померанца! Я имею в виду №42, стр. 367-368. И там же — двусмысленное и склочное примечание под статьёй Лосева. Откуда столько злобы? Чья это рука?)

На этом прощаюсь. Напишите мне о возможности нашей встречи.

Ваш,

Ю. Колкер

[в редакцию *Страны и мира*]

Дорогие редакторы,

любовь к точности побуждает меня просить вас поместить это короткое письмо в качестве дополнения к моей статье о второй литературе в Ленинграде (*Острова блаженных, Страна и Мир*, 1985, 1-2). В статье мною допущено несколько досадных ошибок и недоговорённостей, которые я теперь имею возможность исправить и прояснить, опираясь на только что полученные документы.

1. Семинар *Гумилёвские Чтения* организован не И. Ф. Мартыновым, а О. А. Охапкиным и В. С. Порешом (в 1976). И. Ф. Мартынов фактически возглавлял семинар в 1980-1983 и подготовил его материалы для публикации за рубежом. (См. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 15, Wien, 1984.)

2. Журнал *Часы* в последние годы выходит каждые два месяца. В 1984 вышли №№47-52.

3. Четвёртый выпуск Ленинградского Еврейского Альманаха (ЛЕА) вышел в августе 1984, пятый — в декабре 1984, шестой — в начале 1985.

4. Участие В. Б. Кривулина в *Северной Почте* не было чисто номинальным: он осуществлял общее руководство журналом.

К сожалению, этот список следует дополнить рядом неточностей, внесённых вами, — вероятно, из-за небрежности моей рукописи. Отмечу две из них: на стр. 104 после корректорской правки получилось, что я сравниваю итоговое значение самиздата Москвы и Ленинграда. В действительности же я говорю лишь о том, что значение самиздата в Ленинграде (для ленинградцев) больше, чем в Москве (для москвичей). На стр. 105 то же недоразумение привело к утверждению, будто среди лауреатов премии Андрея Белого есть «даже эмигранты, вчерашние ленинградцы». Это неверно. Один из заочных лауреатов и в самом деле живёт на Западе, но он — бывший москвич.

Опечатка на стр. 112 (*тридцать* — вместо *тринадцать*) легко уясняется из контекста.

Почтительно,
Ю. Колкер

19/05/85,
Иерусалим

Мюнхен, 18 июня 1985

Уважаемый Юра, надеюсь, что это обращение не покоробит Вас, и рассчитываю на то, что и Вы будете звать меня коротко Геня. Извините за некоторую задержку с ответом, вызванную отчасти тем, что я был в отъезде. Я внимательно прочёл Ваше письмо от 19 мая, перечитал предыдущее и нахожу теперь, что в главном Вы были, видимо, правы. Конечно, можно было бы продолжать препираться по каким-то частностям. Пунктуация, разумеется, важна — и поэтому она в большой мере обязательна. Это значит, что всякое отступление от нормативной пунктуации должно быть оправдано. Вы помните, вероятно, рассуждения Блока о четырёх точках в многоточии вместо трёх. У многих писателей есть свои любимые знаки препинания, которыми они даже злоупотребляют: Горький злоупотребляет тире, Ал. Н. Толстой — запятой с тире, Вы — точкой с запятой. Всё же обычно эти пристрастия не противоре-

чат общепринятым нормам (насколько я помню, это относится и к «Петербургу» Белого). Сейчас — Вы это тоже, наверное, заметили — множество авторов и в СССР, и здесь наводит свои русские тексты знаком тире: он заменяет у них чуть ли не все остальные знаки препинания. Но я подозреваю, что это связано просто с нетвёрдым знанием пунктуации, с плохой школой, испортившей язык, а заодно и правописание у целого поколения. Другой случай — чрезмерное изобилие запятых, напоминающих постоянные окрики читателю: стой! (Во Франции это изобилие запятых, которые полагается ставить чаще, чем по-русски, вызвало у Аполлинера и его последователей желание вовсе отказаться в стихах от пунктуационных знаков.) Вообще пунктуация — интересная и деликатная тема. Но всё это уже не имеет отношения к нашему разговору. Повторяю: невзирая на отдельные мелочи (отчасти связанные с условиями журнала: в отличие от самиздатского сборника, журнал есть в некотором смысле «сверхавтор»), я признаю Вашу правоту — от которой Вам, правда, не легче. Осмелюсь лишь возразить Вам в одном: напечатанный у нас текст отнюдь не перестал быть Вашим. Во всяком случае, Ваш словарь, синтаксис, слог, интонация, всё, что характеризует Вас как писателя и стилиста (с которым я теперь уже знаком не только по работе о Ходасевиче и статье в нашем журнале, но, например, и по недавней публикации в «Двадцати Двух», № 38, которая мне очень понравилась), всё это на месте и узнаваемо.

Мне кажутся важными фактические уточнения, о которых Вы пишете. Если мой коллега не будет возражать, я помещу их в ближайшем номере.

Мне было бы очень приятно и даже желательно с Вами увидеться. Не знаю, успеет ли это письмо застать Вас в Израиле. Во всяком случае, в июне и, видимо, в июле я буду здесь. Мой служебный телефон Вы знаете. Домашний телефон 852318. Я живу под Мюнхеном. У меня можно переночевать; я и моя жена Лора будем рады, если Вы приедете в гости.

Было бы, конечно, очень хорошо, если бы в Париже изда-

ли Ваши стихи. У меня нет никаких связей ни с «Русской Мыслью», ни с «Континентом»! Но так как Максимов рассматривает моего коллегу Кронида Любарского как своего врага, то автоматически и я попал во враги.

Всего Вам доброго,

Ваш Г. Ф.

29/06/85

Дорогой Геня,

спасибо за Ваше прекрасное письмо от 18/06. Моя поездка в Европу, кажется, не состоится: парижане крайне необязательны, а налог на въезд в Израиле продолжает расти: сейчас он уж \$320, но скоро, возможно, будет \$500. Если там ещё промедлят, я просто не смогу воспользоваться их любезностью. Стихи, вероятно, придётся издавать в Израиле. Что ж, я старый самиздатчик, и сам наберу их, ибо печатаю не только на машинке, но теперь уже и на композере. Министерство Абсорбции «признало во мне художника» и даст некоторую (небольшую) сумму на издание. Ardis, между прочим, отказал мне, ссылаясь на загруженность.

Посылаю Вам исправленный вариант статьи о В. Лифшице — в полной уверенности, что Вы её отклоните. Дело в том, что объём переделки всё же превышает на 2-3 страницы установленную Вами норму, а у меня нет больше сил заниматься этим текстом, начатым более двух лет назад. Пожалуйста, составьте Ваше отношение к новому варианту статьи как можно скорее. Я позвоню Вам недели через две-три после отправки, и если Вы точно не сможете статью печатать, я пристрою её в другом месте. Мне необходимо от неё освободиться.

Я также прошу Вас не печатать статью и в том случае, если с объёмом Вы готовы примириться, но текст, по Вашему мнению, нуждается в столь же жёсткой правке, как и текст статьи о самиздате.

На тот случай, если Вы всё же решите печатать статью, прилагаю памятку о том, как обходиться с текстом, основан-

ную на предыдущем опыте и моих догадках о направлении Вашего неудовольствия (см. ниже).

Я не обижусь, если Вы статью не возьмёте.

Искренне Ваш

Юрий Колкер

1. Подчёркивание — всюду означает курсив.

2. Фамилия Боратынский д. б. написана через О.

3. Творительный падеж. Глагол *удовлетворять* требует после себя вопроса *кем?* Поэтому, например, на стр. 15 д. б.: удовлетворяют *им* (а не *их*). Личные местоимения первого лица должны (за немногими исключениями) заканчиваться в творительном падеже буквой *Ю*, а не *Й*: мною, тобою, собою, ею (напр., на стр. 5).

4. Когда фраза заканчивается точкой и скобкой, то порядок их далеко не безразличен. То же и с кавычками. Я убеждён, что д. б. так:

Если внутри кавычек встречаются ещё кавычки, они должны графически отличаться от внешних. Число кавычек или скобок д. б. обязательно чётным.

5. Перед фамилией Мандельштам необходим, как минимум, инициал, потому что поэтов с такой фамилией было трое (стр. 4).

6. Звёздочка или другой символ сноски должен стоять над словом *перед* знаком препинания.

7. Названия типа Литературная Газета или Ленинградский Еврейский Альманах не требуют ни кавычек, ни курсива — достаточно прописной буквы (прописных букв).

8. На стр. 14 стихи всё же *замечательны*, а не *примечательны*; на стр. 16 слово *пересечение* д. б. сохранено.

9. Слово *собственно* на стр. 5 не является вводным и не д. б. выделено запятыми.

10. Скобки всюду у меня подразумеваются круглые, просто их на моей машинке нет.

11. Пожалуйста, не ставьте букву *г* после дат. Если запись *1930-е* неприятна для Вас, замените её словами: *тридцатые*.

тые годы.

12. Если кто-либо в редакции знает, как звали поэта Берновича (стр. 3), вставьте вместо /?/ его имя.

13. Пожалуйста, не пишите в моей статье *самиздат* с большой буквы. Журнал от этого не пострадает. Наоборот, *обэриуты* — можно набрать с прописной. (стр. 4).

Моя поездка в Париж за счёт журнала *Континент* и газеты *Русская мысль* так и не состоялась. Деньги, обещанные мне министерством абсорбции Израиля на издание моей первой книги стихов *Послесловие* (1985), не были мне выданы — под тем предлогом, что я уже получил помощь от моих американских друзей (Виктории и Евгения Левиных).

[июль 1985]

Дорогой Юра,
вопреки обещанию, отвечаю Вам снова не сразу по причине, почти не зависящей от меня: началось отпускное время, и мы едва успели два дня назад сдать номер. Ежемесячный журнал — это чудовище, которое стоит перед Вами с разверстой пастью: если вы его не накормите, оно отхватит кусок от вас.

К большому моему сожалению вынужден возвратить Вам статью о Владимире Лифшице. Мы долго колебались, статья имеет много достоинств, прекрасно написана. Решили дело голосованием. Очень хочу надеяться, что не потеряю из-за этого Вашу дружбу, и очень хотел бы поддерживать с Вами связь и впредь.

Уточнения к статье о ленинградской литературе напечатаны в № 8.

Ваш Г. М. Файбусович

25 августа 1986

Дорогой Юра,
я был болен, сегодня первый день на работе и вот отвечаю Вам. Можно было бы позвонить, но как на грех нет Вашего

телефона. Конечно, пусть Д. Голенко-Гинзбург приезжает [мой сосед по центру абсорбции, профессор-кибернетик, просил меня помочь ему устроиться в Мюнхене на несколько дней], я был бы рад принять его и у себя, но, может быть, ему будет удобней и независимей жить в нашей «казенной» квартире, где останавливались Вы [я был проездом в Мюнхене в январе 1986 года]. Она освобождается 11 сентября, там чисто и, кажется, спокойно. Было бы хорошо, если бы он предупредил о точном времени приезда. Если он не ориентируется в городе, да и вообще в любом случае, я или наш секретарь могли бы его встретить на аэродроме.

Мы как раз собрались, хоть и с некоторым опозданием, отметить 75-летие Семена Липкина, и Ваша статья пришлась весьма кстати [*Жизнь и судьба Василия Гроссмана* (на мемуары Семена Липкина *Сталинград Василия Гроссмана*). *Страна и мир*, №10, 1986, — как всегда, с искажениями]. Я не собираюсь ее править. Рассчитываю поместить ее в следующем номере.

Прочитал Вашу статью о Лифшице [*Континент* №48, 1986], она мне очень понравилась, так что я даже пожалел, что мы упустили ее тогда. Но, кажется, она все-таки сокращена.

Спасибо Вам сердечное за теплое письмо. Посылаю Вам отдельным пакетом только что выпущенный нами роман Горенштейна [Фридрих Горенштейн. *Псалом*] и просимый Вами сборник для г-жи Розен [Борис Хазанов. *Идущий по воде*], которой прошу передать мою почтительную благодарность. Как Вы живете, Юра, не собираетесь ли снова в Европу? Как поживает Ваша муза?

Поклон Вашему семейству.

Ваш Г. Ф.

У Хазанова я оказался в ходе моей первой поездки в Европу из Израиля. Поездка была деловая: литературная, научная и правозащитная. Помню о ней немного. Даты восстанавливаю по снимкам и отрывочным записям. В конце декабря 1985 года я прилетаю к Мюнхен, где меня встречает Борис Хазанов и поселяет на несколько дней в гостевой квартире

журнала *Страна и мир*. Знакомство с Хазановым и Кронидом Любарским было главной целью моей поездки; я мечтал получить место в редакции этого либерального журнала. Из Мюнхена я отправляюсь поездом во Фрайбург (обратный билет 147 немецких марок), в гости к биофизику Леониду Фукшанскому, моему коллеге по ленинградскому Агрофизическому институту, с которым, в качестве сотрудника Иерусалимского университета (оплатившего мне часть этой европейской поездки), пытаюсь поддерживать научные связи. Во Фрайбурге встречаю новый 1986 год, причём первого января Фукшанский везёт меня и других гостей на экскурсию в Карлсруэ. Из Фрайбурга возвращаюсь в Мюнхен 4 января. Не помню, чем я занимался в редакции журнала; вероятно, правил что-то из моих сочинений. Из Мюнхена 10 января лечу в Лондон по приглашению тамошних евреев, помогавших советским отказникам в их борьбе за репатриацию (вероятно, они оплатили мне визит в Лондон). Там в честь меня устраивают званый ужин, на котором присутствуют все, кто навещал нашу семью в Ленинграде. В Лондоне 12 января я участвую в демонстрации еврейских детей перед советским консульством под лозунгом Give our people freedom. (Фотографию этой демонстрации, где я — крупным планом, но без имени, помещает газета *Русская мысль* №3606 от 31 января 1986 года). На следующий день утром я встречаюсь в палате общин с депутатом-консерватором Джоном Горстом (John Gorst, 1928-2010), кто в годы моего отказа поднял в палате вопрос о помощи отказникам, назвав, среди прочих, и моё имя, и благодарю его, а он устраивает мне экскурсию по парламенту. В тот же день вечером, в Оксфорде, участвую в семинаре в помощь советским учёным-отказникам. Пятнадцатого января лечу из Лондона в Париж, где оказываюсь гостем сотрудника газеты *Русская мысль* Сергея Дедюлина, моего заочного знакомого и корреспондента, живу у него четыре дня (15-18 января), знакомлюсь с редакцией газеты *Русская мысль*, включая главного редактора Ирину Иловайскую-Альберти, получаю гонорар за мой двухтомник Ходасевича (*La Presse Libre*, Paris, 1982-1983), пишу у них в редакции заметку о еврейской демонстрации в Лондоне (*Русская мысль*, 3606). Из Парижа возвращаюсь в Израиль, скорее всего, в воскресенье 19 января 1986 года.

[август или сентябрь 1986]

Дорогой Геня,

посылаю Вам статью о Кушнере [Татьяна Костина. *«Дивясь красе жестоковойной...»*. К 50-летию Александра Кушнера], написанную моей женой Таней Костиной (в замужестве она Колкер) и мною (верхний слой — мой). Мы с нею оба, и в одинаковой мере, ученики Кушнера и, я надеюсь, понимаем его лучше многих; но мне запрещено писать о нем, а Таня такого наказа не получила. Еще раз — умоляю Бас не улучшать текста, он составлен осмотрительно и тщательно. Если уж совсем будет немого, наберите слово самиздат с прописной буквы, хотя я все же никогда не поверю, что это правильно (ведь слово фольклор Вы пишете со строчной?). Но фамилию Боратынский — обязательно через о. Предчувствую, что Вы снимите некоторые запятые; но, пожалуйста, не заменяйте нигде знак , — на тире; вообще, позвольте бедным авторам, которые ведь не первый год водят пером по бумаге, самим ошибаться и нести ответственность за свои ошибки (без чего теряет смысл не только писательство, но и жизнь), не выжигайте инакомыслия каленым железом. При всем моем преклонении перед Вами как перед мыслителем и стилистом (а в этом у меня не много серьезных соперников), при моей искренней любви к Вам, — я все же не могу забыть и никогда не забуду, что мою первую статью у вас Вы возвращали на путь истинный методами святой инквизиции.

Наташа Розен совершенно потрясена присылкой книг. «Мне кажется, что я получила дарственную надпись от Пастернака», говорит она. А Пастернак для нее — небожитель, она его целиком знает наизусть. «Невозможно поверить, что он (т. е. Вы) ходит по земле, как мы с тобой», говорит Наташа. Что ж, эффект не новый, о нем писал еще Ваш Heine: великий человек подобен шпилью колокольни: издали он виден всем, а в самом городе его может заслонить сарай.

Вы просите меня написать о себе. Это трудно. Живу, при внешнем благополучии, все время на грани срыва и истерики: от недовольства собою, от нехватки времени. Меня перепол-

няют писательские прожекты (в большинстве своем, скромные), а заниматься приходится дифференциальными уравнениями и биологией; я скучаю, делаю это дело совсем плохо, приближая день увольнения и усиливая автомизантропию (если так можно выразиться). Таня, по своему обыкновению, всегда больна. Денег не хватает. В Израиле принято покупать квартиры, и мы, не рассчитав наших сил, совершили этот безрассудный шаг (готова квартира будет еще только через год). Нас можно понять: у нас никогда не было дома, всегда временное жилье, и какое! лучше не вспоминать. Самое же главное — нет у меня сейчас того творческого досуга, которому сопутствует высокое вдохновение, — нет, стало быть, и стихов. И я все еще не верю, что мы тут выживем...

Прощаюсь с Вами, дорогой Геня, и жду Ваших писем. Вы тоже не балуете меня сообщениями о Вас и о Ваших. Между тем Вы постоянно присутствуете в моей жизни, это присутствие стало для меня необходимым. Таня Вам кланяется. Привет всем, кто меня помнит. Всегда Ваш,

Юра

Не помню всех деталей, но некоторое объяснение того, как случилось, что статья «*Дивясь красе жестоковыйной...*» была напечатана не в *Стране и мире*, а в *Русской мысли* (№ 3640, 26 сентября 1986 года, разумеется, с искажениями, внесёнными поэтессой Натальей Горбаневской (1936-2013), даёт моё следующее письмо к Борису Хазанову.

1/11/86

Дорогой Геня,

повторяю, вслед за Р. Шапиро (который, я надеюсь, не забыл выполнить мою просьбу) мои извинения за приключившуюся неувязку [мой сосед в Иерусалиме, Рафаэль Шапиро (1926-1993), постоянно писавший в журнале *Страна и мир* под псевдонимом Рафаил Бахтамоов, ездил в Мюнхен и, вероятно, какое-то время работал там в редакции] идут много дальше Ваших. Публикация в РМ [*Русская мысль*] (которой, кстати, мы так и не видели) не то же, что у вас. Но когда я

осознал, что напечатание юбилейной статьи отодвигается на два месяца (что, конечно, наша вина: мы не успели закончить статью заранее), мне захотелось сделать хотя бы короткое, но к сроку сообщение в газете. Н. Горбаневская попросила у нас карт-бланш на полное, вплоть до фактической выжимки, сокращение статьи. Было решено подписать ее одним из моих псевдонимов еще советской поры. О публикации статьи в полном объеме не было, да и не могло быть речи. Вдруг, уже после согласования с Вами, мне сообщают, что статья идет в полном объеме. Что мне оставалось делать? Кусать локти и извиняться. Второе, от неловкости и нехватки времени, я поручил Рафику.

Спасибо за предложение написать для вас программную статью об авангарде и традиции. Она, собственно, давно написана; но ею, как и десятком других никуда не отправленных статей, я не вполне доволен, а сколько времени отнимет переделка (при моей медлительности) — знает один Бог.

В каком номере идет материал Эрлиха о сибирских алмазах? [Эдуард Эрлих, мой друг и соредaktor по Ленинградскому еврейскому альманаху, поселившийся в Денвере, Колорадо, просил меня помочь напечатать его статью в *Стране и мире*, куда я и переслал её, подвергнув (и у меня — редакторский зуд!) некоторой литературной обработке.]

Сердечно Ваш,

Юрий Колкер

[2.11.86]

Дорогой Юра, извините меня за то, что я возвращаю Вам рукопись с таким опозданием [речь идёт о статье *«Дивясь красе жестоковыйной...»*]. Я уже отчаялся её найти, хотя она оказалась буквально под рукой. Вещи (и рукописи) обладают таинственной способностью прятаться, когда они не хотят, чтобы их отыскиали.

Некоторое время тому назад я послал Вам письмо и набор несостоявшейся публикации. Был бы очень рад узнать о Вас

что-нибудь.

Ваш Г. Ф.

2. XI 1986.

2/12/86

Дорогой Геня,

рукопись Вольноотпущенников получена, спасибо [речь о моей не вполне законченной (ещё ленинградской) статье 1983 года: рецензии на машинописную антологию ленинградской неподцензурной поэзии *Острова* (1982), где составители: А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман.]. Из того, что Вы не обмолвились ни словом о ее содержании, я заключаю, что она Вам не понравилась, — жаль! Жаль уже потому, что эта статья — одна из двух более или менее готовых моих работ на заданную Вами тему: об авангарде, отношении к языку и т. д. Все же напишите мне, пожалуйста, присылать ли Вам еще раз исправленный вариант этой статьи или она заведомо не подходит для журнала.

Вы спрашиваете, притом вторично, каковы мои дела. Что ж, дела мои не блестящи. В середине февраля кончается срок моего договора с университетом, и я уже сейчас занят преимущественно поисками работы. Мною были довольны, я и сам понимаю, что *оказал* некоторую квалификацию по части математической биологии (так примерно можно назвать область, в которой я подвизался в Ленинграде около 10 лет назад): написал 4 статьи на посредственном английском, но не успел напечатать ни одной [одна в итоге была опубликована: Yuri Kolker. A piecewise-linear growth model: comparison with competing forms in batch culture. *Journal of Mathematical Biology*, Vol. 25, No 5, November 1987]. Впрочем, я не блеснул, и это понятно: не только весь мой интерес, но и львиную долю моих сил притягивает и поглощает литература и общественная жизнь. Университет же переживает небывалые финансовые трудности. Короче, нужно искать новое место и новое поприще. Не скрою от Вас, что я с некоторой завистью

подумал о статусе Рафика Шапира: лучшего я не мог бы и пожелать. Конечно, я не владею пером Р. Бахтамова [псевдоним Р. Шапира], а журнал «не резиновый»; но на будущее прошу Вас иметь меня в виду в числе кандидатов, готовых служить у вас не за страх, а за совесть.

В нашем последнем телефонном разговоре Вы сказали мне, что статья Эрлиха о сибирских алмазах очень понравилась Любарскому и будет напечатана, — когда вы предполагаете ее дать? Не передумали ли печатать ее? Понятно, что переписка (переделка) требует времени, — но все же?

На этом прощаюсь, обнимаю Вас, поклон Вашим и тем, кто меня помнит в редакции.

Ю. Колкер

Вознаграждения за мою последнюю публикацию у вас я пока не получил. Ю. К.

(см. на обороте)↓

Среди причин, делающих для меня бесконечно притягательным сотрудничество с вашим журналом, есть еще и соблазн личного общения с Вами. Вы знаете, что я не пошлый льстец, не только льстец. Но поверьте, что есть немного людей, кто ценит Вас и любит Вас, как я.

Ю. К.

В январе 1987 года мы с Таней гостили у Файбусовичей в Мюнхене, где и состоялось наше с Хазановым личное знакомство.

3.02.87

Дорогой Геня,

посылаю Вам третий слой моей статьи о Бродском [*Несколько наблюдений. О стихах Иосифа Бродского*]. Любое ваше замечание по тексту, и каждая Ваша поправка — будут рассмотрены (и скорее всего приняты) с величайшей признательностью. Пожалуйста, обратите внимание на Примечания. Мне бы хотелось, чтобы *все они были подстраничными*. Однако при этом возникнут отсылки из текста к уже перевёрну-

тым страницам. Я такое встречал и для меня это приемлемо, но если Вы найдёте это невозможным (некрасивым), то перестройте примечания сами, но так, чтобы первое примечание (#1) *всё же обязательно было подстраничным*. Можно поступить так:

— отделить литературу от текстовых примечаний и поместить в конце, под словом *Литература* (именно к ней направлены перекрёстные ссылки), а текстовые, пометив звёздочками, поместить под страницами;

— дать прим. #1 под страницей, а все остальные — в конце, под словом *Примечания*.

В каждом из этих двух случаев потребуется перенумерация — не почтите её за труд, если мою начальную схему не примете. Конечно, номера можно заменить звёздочками. Вообще, отнесение примечаний на отдельный лист и чересполосная нумерация вызваны лишь тем, что своего принтера у меня пока нету, а чужим я ещё не совсем научился пользоваться, да и доступ к нему для меня не совсем прост (отсюда небрежности).

Мы здоровы. Армия далась мне тяжело: я устал. Работа моя в университете кончается в середине мая: фонд, на финансирование из которого я рассчитывал, мне отказал.

Как поживаете Вы? Что нового у Ваших? Поклон им от меня и Тани.

Обнимаю Вас, Ю. К.

8. 04. 87, И-м

Дорогие Геня и Кронид,

посылаю вам развернутую рецензию на справочник о писателях-фронтовиках [моя рецензия *«Живут и исчезают человеки»* на сборник биографий *Ленинградские писатели-фронтовики*, 1987]. По объёму статья несколько великовата — но и тема, как вы увидите, необъятна и все не устаревает. Мне эта работа стоила большой крови. Пожалуйста, сообщите безотлагательно, будете ли вы ее печатать. Если нет, очень

прошу поскорее вернуть мне рукопись (копию с которой вы, конечно, можете оставить себе и использовать, если нужно).

Геня, большое спасибо за Вашу книгу [Борис Хазанов. *Миф Россия*, 1986]. Мое отношение к Вам как к писателю и мыслителю Вы знаете — оно неизменно. Не стану повторять его, чтобы не прослыть льстецом.

В конце марта я выслал Вам почтой первые два тома Краткой Еврейской Энциклопедии — увы, на прежний адрес редакции: будем надеяться, что Вы их получите. Третий том пока у меня. Мы получили его уже после отъезда Рафика [Р. Шапиро], который соглашался взять *один* том. Общая (льготная) стоимость всех трех томов — 65 шекелей, т. е. примерно 74 марки. Деньги, как видите, небольшие, и я прошу Вас принять эти книги в подарок от нас с Таней (а нам пришлите, пожалуйста, Финкельмайера [Феликс Розинер. *Некто Финкельмайер*, 1987], Ваш подарок, нами у вас забытый).

Кронид, Вас я решаюсь просить о следующем одолжении. Недавно приехавший к нам из Ленинграда Михаил Цивин хотел бы иметь список преследуемых (не только заключенных) евреев, представляющих как национальное, так и правозащитное движение. Имеются ли (у Вас) таковые? Если да, не могли бы Вы выслать ему их? Если нет, у кого спросить? Евреи у Вас, конечно, в общем списке — но он выберет. Адрес Цивина почти совпадает с моим: 88/7 Мерказ Клита Гило Б, Иерусалим.

На этом прощаюсь. Пишите и приезжайте в гости.

Ваш,

Ю. Колкер

Мюнхен, 10 апреля 1987.

Дорогие Таня и Юра, сердечноеспасибо за Еврейскую энциклопедию. Лишний раз убеждаюсь в том, какая это полезная в разных отношениях, да и просто увлекательная книга. Должен ли я Вам за это и сколько?

Как Вы живете, скоро ли переселяетесь? Мне было бы весьма интересно узнать о Ваших — совместных или по

отдельности — литературных делах.

Мои дела — без особых успехов. Редакция перебралась в новое помещение .

Нужны ли Вам какие-нибудь номера журналов?

Привет от Лоры и Илюши.

Ваш Геня

Мюнхен, 28 апр.1987.

Дорогие Таня и Юра,

еще раз сердечное спасибо за два первых тома Еврейской энциклопедии. Одновременно с этим письмом высылаю Вам посылку с книжками, среди них роман Розинера [*Некто Финкельмайер*] и Список политзаключенных с поправками (ответ Кронида на Ваши вопросы, для М. Цивина).

Рецензия «Живут и исчезают человеки...» будет напечатана, но не в третьем номере, план которого только что составлен. Дело в том, что у нас огромная очередь материалов, и нужно как-то расчищать эти залежи. Если у Вас нет других, более экстренных предложений, я просил бы оставить эту рецензию за нами. Мне она нравится, у коллег никаких возражений не вызывает. Как вы?

Обнимаю вас обоих.

Ваш Г.

P. S. Где Ваш труд об авангарде?

9.06.87

Дорогой Геня,

большое спасибо за письма, книги и статью Кушнера (неглубокую, как все его статьи [не помню, о какой статье речь]). Можно ли надеяться, что моя заметка [*«Живут и исчезают человеки...»*] будет напечатана в 4-м номере СиМ? Если я сейчас же вышло Вам статью *Лев Лосов и поколение негативистов* (наконец, законченную: Вы читали и хвалили ее начало), когда она может быть напечатана?

Мой труд об авангарде (пользуюсь Вашим выражением) отодвигается в неизвестность. Я устал. Четыре поприща — слишком много для одного (четыре, ибо литературоведение и публицистика черпаются не оттуда же, откуда стихи). Даже статью *Гарвардский синдром* [*Гарвардский синдром в эстетике*; журнал *Двадцать два* (Тель-Авив), №63, 1989; машинописный журнал *Обводный канал* (Ленинград), №18, 1991], где все ясно, я не могу никак переписать — руки (и голова) не доходят. Ради денег пишу для Свободы [радио] и РМ [*Русской мысли*]. Осенью нам предстоит переезд [в новую квартиру, купленную в рассрочку на ипотечную ссуду], а значит покупка мебели и прочие умопомрачительные расходы. Ради денег же занимаюсь еще и редактированием (пятое поприще?). Не ради денег постоянно публикую в *Континенте* и *Стрельце* моих подсоветских друзей и помогаю (хотя и недостаточно) в борьбе за выезд тем, кто борется.

Если Вы заинтересованы в статье о Лосеве, пожалуйста, дайте знать не откладывая.

Таня и я обнимаем Вас и Ваших. Что у Вас нового?

Ваш,

Ю. Колкер

Третий том энциклопедии вышел в ближайшее время. Мне отписали литературную премию за стихи, по сумме — анекдотическую (а она — министерская): она и текущих долгов не покроеет.

Ю. К.

У меня не сохранилось копии моей статьи *Лев Лосев и поколение негативистов*, посланной, как следует из этого письма, в журнал *Страна и мир*. Сохранился карандашный набросок, который не кажется завершённым.

8/07/87

Дорогой Геня,

посылаю Вам статью Ариэля Голана (он же — Аркадий Гольдштейн). Написана она плохо, но тема — ваша: быть мо-

жет, вы её напечатаете? Автор только что приехал из Москвы, ему 66 лет, он кандидат архитектуры (докторскую ему зарезал ВАК)

Автор только что приехал из Москвы, ему 66 лет, он кандидат архитектуры (докторскую ему зарезал ВАК). В СССР он издал несколько книг, более или менее специальных. Ему удалось вывезти свой 20-летний труд: книгу о древних символах на кавказских камнях, которые, как ему кажется, он (впервые) расшифровал и поставил в соответствие с основными культами прошлого и настоящего. Он усиленно и пока безуспешно ищет издателя. Предлагаемая статья — побочное дитя его кавказских исследований. К ней имеются фотографии очень высокого качества исполнения — поэтому он посылает пока лишь их ксерокопии, дорожа оригиналами. Если вы (журнал) будете эту статью печатать, он пришлёт снимки, на которые вы укажете. Его адрес — в конце статьи. Я выступаю в качестве посредника, чтобы сэкономить ему время и деньги. Он ещё несколько растерян. Кроме того, у него на руках 12-летняя дочь. Написал он эту статью специально для вас и по моей подсказке.

Кланяйтесь Крониду, Лоре и Илюше.

Ваш

Ю. Колкер

Мюнхен, 20 июля 1987.

Дорогая Таня, дорогой Юра! Я отвечаю Вам с опозданием из-за того, что только что вернулся из отпуска.

Сердечное спасибо за третий том энциклопедии. Не знаю даже, как Вас отблагодарить. Издание превосходное. Мы с Ильёй листаем — и почитываем — книгу с большим интересом. Лоры снова нет в городе, она приезжает на короткое время и уезжает.

Спасибо также за статью Ариэля Голана. Она мне нравится, и я постараюсь её напечатать как можно скорее. О фотографиях я хотел бы списаться с автором немного позже:

мы сейчас заканчиваем номер (в значительной части сделанный в моё отсутствие), куда статья так или иначе уже не войдёт. Сообщите, пожалуйста, автору, что журнал выходит сейчас один раз в два месяца, поэтому я прошу его немного потерпеть. О статье «Лев Лосев...»: я не могу Вам дать окончательного ответа, прежде чем увижу её. Я не сомневаюсь, что она написана хорошо; но, как Вы знаете, для нас имеет некоторое значение объём. В любом случае мне было бы интересно её прочесть (я читаю всё, что появляется за подписью «Ю. Колкер»). Обещаю Вам ответить не мешкая; пожалуйста, пришлите. Рецензия на книгу о военных поэтах вставлена в очередной номер. Мои собственные дела из-за отпуска оставались полностью. Приехав, я застал письмо одного еврея из Бад-Эмса по имени Бадаш, который пишет в редакцию о том, что журнал пригласил у себя некоего Б. Хазанова; письмо одной дамы из Канады, разгневанной по поводу того, что я поправил её неграмотную статью; статью из аргентинской газеты «Наша страна», перепечатанную в Израиле, под названием «Надругатель», тоже обо мне. Я справился в словаре, — такого слова даже нет в русском языке. Статья посвящена моей книжке «Идущий по воде» и заканчивается такой фразой: «Читая её, у всякого русского кулаки сжимаются».

Кронид показал мне номер «Континента» с письмом «Равнодушие к истине». Должен сознаться, что оно огорчило не только его, но и меня: в конце концов он мой друг и коллега по общему делу. Вы знаете, что я питаю к Вам обоим чувство сердечной дружбы. Именно поэтому мне было неприятно увидеть этот текст в «Континенте», по соседству со знаменитой Колонкой редактора, репутация которого хорошо известна. Разумеется, он с радостью схватился за Ваше письмо. Мы публикуем у себя любые письма. Но мы вынуждены были взять за правило не печатать ответы на ответы, жертвой этого правила пало и Ваше письмо.

По поводу письма Кронида у нас с ним был небольшой спор (не зря оно было помещено именно как частное письмо, а не как редакционный материал), но если возвратиться к Ва-

шей, Юра, рецензии на книгу С. И. Липкина, то положи руку на сердце согласитесь, что без некоторых, хотя и немногих, выражений в этой рецензии можно было обойтись. Не говоря уже о том, что ведь не кто иной как именно Липкин спас роман Гроссмана «Жизнь и судьба». Что касается нынешнего положения Липкина и Ваших слов о том, что его трудности, как бы в насмешку над г-ном Любарским, завершились, то открою Вам один врачебный секрет: было обстоятельство, по сравнению с которым и отлучение от Союза писателей, и даже участь Татьяны Котович кажутся пустяком. Незадолго до юбилея, летом прошлого года, мы узнали о том, что у Липкина рак прямой кишки. Он был оперирован, остался с отверстием в животе. Я созванивался с Инной Лиснянской. Ему нужно было одно медицинское приспособление, мы разыскали его, купили и отослали ему с оказией.

Я перечитал сейчас «Равнодушие к истине» и, не вдаваясь в дальнейшие подробности, думаю, что всё это вообще не надо было писать. Говорю это не с намерением Вас обидеть. Так же как Вы не ответили Эткинду, отклик на рецензию был ещё резче, так не стоило писать и это письмо. Это, конечно, только моё частное мнение. Забудем об этой истории. Надеюсь, что Вы благополучны и что строительство нового дома приближается к концу. Крепко обнимаю Вас обоих.

Ваш Геня.

Мой домашний телефон и адрес:

448-14-59

Belfortstr. 10, München 80. Bundesrepublik Deutschland.

Статья Тани *Равнодушие к истине*, Хазановым упомянутая, связана с моей рецензией на книгу С. Липкина *Сталинград Василия Гроссмана (Страна и мир №10, 1986)* и с вызванным этой рецензией негодованием. Кронид Любарский, вместе с Хазановым один из редакторов *Страны и мира*, эту мою рецензию одоббивший и опубликовавший (то есть взявший на себя за неё ответственность), в следующем номере своего журнала — в частном письме! — приносит Липкину *извинения* за эту публикацию, в которой я будто бы назвал Липкина конформистом. Ещё резче, и тоже не-

справедливо, отозвался о моей рецензии парижский литературовед Ефим Эткинд. Критику Эткинда, по тону саморазоблачительную, я оставил без внимания, а Любарскому принялся было писать возражение — как письмо в редакцию *Страны и мира*, да бросил, не дописал. Таня подобрала мои наброски, закончила письмо и отослала его в Мюнхен. Там его печатать не захотели. Тогда она отослала его в Париж и оно немедленно было напечатано (Татьяна Костина. *Континент* №52, 1987).

Замечу ещё, что и Хазанов, тоже ведь редактор *Страны и мира* и тоже одобвивший мою рецензию, несколько подставил меня, поместив её в подборку материалов, посвящённых 75-летию Липкина. В юбилейных статьях критика не предусматривается, а у меня есть критические замечания о прозе Липкина, они и показались бестактностью Любарскому и Эткинду, — но ведь писал-то я рецензию отнюдь не к юбилею Липкина, о котором и не знал, а задолго до юбилея.

18.08.87

Дорогой Геня,

спасибо за Ваше письмо от 20 июля 1987. Я передал Ариэлю Голану, что его статья принята. Он ждет от Вас письма по поводу фотографий. Правильно ли я Вас понял, что моя статья о писателях-фронтовиках будет помещена в 4-м номере? Кстати, 3-го номера мы не получили: не значит ли это, что вы перестали посылать нам журнал?

За подписью С. Бадаш я читал что-то очень неумное в *Стрельце*. Что касается статьи *Надругатель*, то едва ли она доставила Вам больше горечи, чем мне. После ее прочтения я впал в черную меланхолию и два дня не мог работать. И было отчего. Что, в самом деле, такое Россия, если от ее лица с нами говорят земноводные? Чему посвящены наши усилия? Но я не согласен с Вами по поводу слова *надругатель*. Мы все используем слова, которых нет в словаре. Это слово звучит непривычно, ибо оно неупотребительно, но образовано оно в полном соответствии с языковыми нормами. Оно — в духе неологизмов Игоря Северянина (сказавшего, например, «день золот»), некоторые из которых, как известно, прижились. Ко-

нечно, сегодня *надругатель* почти то же, что *издеватель*, но всё это может завтра войти в язык и в словарь.

Мы не видели «Континента» с таниной статьей. Если это 52-й номер, то редакция поместила статью уже после таниного письма с просьбой не публиковать ее. Таня мотивировала свой отказ тем, что на фоне происходящего сейчас в России любая полемика, хотя бы отдаленно напоминающая сведение счётов, стала неуместной; да и времени с момента недоразумения прошло слишком много. Статья, следовательно, напечатана против ее воли. Я же, как Вы знаете, с самого начала этой затеи не одобрял (но был задет и обижен за Таню, когда Вы эту статью отклонили). Если же возвратиться, как Вы предлагаете, к моей рецензии на книгу Липкина, то я (тоже положу руку на сердце) и сейчас не откажусь в ней ни от одного слова. Более того, я горжусь моей сдержанностью: книга и ее автор (не Липкин вообще, а Липкин в этой книге) заслуживают слов куда более резких. Другое дело, что я не стал бы, конечно, эту статью публиковать, если бы знал, что Липкин так стар и так тяжело болен, если бы знал хотя бы о его приближающемся юбилее. Я вообще ничего не знал о Липкине кроме текстов. Я и оцениваю текст, и злосчастный (и так унижающий автора [то есть Липкина]) конформизм выглядит из текста. А ведь это *книга*; ее будут читать не только тогда, когда Липкин умрет, но и когда наших с Вами внуков в живых не будет.

Поскольку Вы, дорогой Геня, уже не в первый и не во второй раз мягко журите меня за эту мою статью, то и я, в свою очередь, решаюсь упрекнуть Вас. Статью поместили Вы. В отличие от меня, Вы знали и о болезни Липкина, и о его юбилее. Вы поместили рабочую (рядовую) рецензию на то место, где полагалось быть фанфарам. Рецензия оказалась единственным материалом о сочинениях юбиляра. Вы не отметили во вступительной заметке, что моя статья писалась не к юбилею, не упомянули о своем (редакционном) частичном несогласии с моими мыслями. Будет ли теперь большим преувеличением сказать, что европейский истеблишмент обо-

злится на меня не без некоторой помощи с Вашей стороны? Многие думают именно так, и даже упрекают Вас в тайном лукавстве. Я же допускаю, что и Ваша ошибка (как моя) была невольной. Меня удивляет лишь то, что не один и не два раза повторив Вам всю эту апологетику, я опять и опять слышу от Вас тот же упрёк. Если бы Вы помнили о ней, Вы и Таню не упрекнули бы за ее слова о том, что трудности Липкина, как бы в насмешку над Любарским, завершились: из этих слов следует только, что и Таня о болезни Липкина не знала. Едва ли Вы правы и в том, что участь Т. Котович — пустяк в сравнении с участью Липкина. Дожить до 75 лет — уже само по себе удача; осуществиться как личность, стать признанным писателем (при вовсе не блистательном природном даре) — удача редчайшая. А Т. Котович — лишь наугад выбранный пример из целого поколения, где не осуществился почти никто, и как раз в силу излишнего конформизма старших. Если у нее (не дай Бог) завтра обнаружат рак прямой кишки, кому — в России, не то что в Германии, — будет до этого дело? Да я и не знаю сейчас, жива ли она.

Вы называете Кронида другом. Нам с Таней тоже хотелось думать, что этот достойный и умный человек, наш естественный союзник (ибо *Страна и Мир* стоит на позициях, практически неотличимых от наших), станет рано или поздно нашим другом. С нашей стороны для дружбы нет препятствий и теперь. Тем и обидна была реплика Кронида, что он не был для нас чужим. Совсем иное дело Эткинд. Этот человек и прежде был известен своим непомерным самомнением и недобросовестностью. В заметке против меня он попросту расписался в собственной низости. Возражать на нее в любом случае было нельзя, как нельзя писать пародию на пародию. Подтасовки и передергивания видны невооруженным глазом, — не нужно даже читать мой текст. Вместо того чтобы анализировать, уважаемый профессор брызжет слюной. Известная Вам (заочно) Наташа Розен, прочтя письмо Эткинда, сказала презрительно: «Это не противник». В точности таково же и мое отношение. Можно лишь пожалеть человека, на старости

лет оказавшегося в положении столь некстати им упомянутой Савельевой.

Мы с готовностью принимаем Ваше предложение забыть об этой истории. Передайте Крониду, что Таня жалеет о своей публикации, хотя и не считает себя неправой. Я хочу добавить, что ее ошибкой было предлагать письмо *Континенту*, с которым мы связаны лишь тем, что стихи (наши и наших друзей) публиковать больше негде. Получилось, что мы оба, хотя и не только по нашей вине, оказались с чужими против своих.

Посылаю Вам свою новую книжку [крохотный сборник стихов под названием *Антивенек*, 1987] в 4 экземплярах: один (с резинкой) Вам, остальные на раздачу. В этой книжке я тоже *надругатель*: Россию мне набрали (в предисловии) через три «с», и найдутся умники, которые усмотрят в этом намёк.

Обнимаю Вас и люблю по-прежнему, Таня — тоже. Привет Вашим и Крониду (которого — убедите, что ответственность за *недоразумение* следует поделить на четверых).

Ваш

Ю. К.

Мюнхен. 23 авг. 1987.

Дорогие Таня и Юра!

Илья достал из ящика конверт, мы увидели стихи, и я начал читать их вслух. Стихи — и прекрасно, с большим тактом написанное предисловие, в котором я даже не заметил опечатку, Вы сами показали на неё пальцем, — стихи мне как-то сразу понравились. Потом я стал думать над ними. В них много юмора («Возьми десятку прочь, она противна глазу...»), и есть даже пародийный собеседник, как бы второе действующее лицо — коллекционер «венков»; слово *венок* само по себе замечательный повод для игры. Но притом что стихи откровенно рекомендуют себя как игра в поэзию, в них есть и сама поэзия («...Переживи всё это, И говори потом, что мысли поэта — Формальная игра...»), и кое-что ещё: выясняется, что это и литературная биография, и литературный ма-

нифест. Я имел в виду не только сонет IX, который можно было бы озаглавить «Смирение паче гордыни» и который как бы произнесён перед зеркалом — а в зеркале мелькают то Б(о/а)ратынский, то Ходасевич, — но и предыдущий, и первый (прелестный), и второй («Мы к формам тянемся, едва утратим форму»), и последнюю фразу предисловия, которое, как я понимаю, есть, собственно говоря, квинтэссенция Вашей литературной веры. (На эту тему есть стихи Гёте к мадам Шимановской, которые я сейчас не могу отыскать.) Я постоянно думаю об этих вещах. Я пытаюсь понять, применительно к словотворчеству, что такое дисциплина и что значит — простота.

Касательно дисциплины мы с Вами, по-видимому, единомышленники. В отличие от латыни или, скажем, французского русский язык склонен к избыточности, он как бы поощряет анархизм мысли; чем становишься старше, тем невыносимей болтовня; задача художника — укрощать хаос; «предсмертный стон облечь в отчётливую оду». И т. д. С простотой дело обстоит сложнее. Писать «просто» (ясно, прозрачно, избегая вычурности, сводя к минимуму детали) — это то же самое, что вести добродетельную жизнь: прекрасно, но невозможно. Писать просто — это значит остаться в кругу классиков. Мы как-то говорили об авангарде и новаторстве. Теперь опять «Не потому ли мне *новаторство* скучно, Что тень деструкции мрачит его основы? Надёжен пессимизм, его черты суровы...»

Авангард скучен *не* потому, что им движет пафос разрушения, а потому, что он представляет собой капитуляцию перед жизнью, что он инфантилен, что он остался где-то сзади. Что же впереди? Впереди некая новая простота, чрезвычайно сложная, потому что она должна быть адекватной сознанию современного человека, захлёстываемого невероятно усложнившейся жизнью, но вместе с тем подающая руку классикам, ибо это искусство, а, миссия искусства, как Вы замечательно сказали, вернуть расплёсканный хрусталь в вазу. Слово «постмодернизм» толкуют так и эдак, но другого на-

звания нет. Уверены ли Вы, что отринув «новаторство», Вы найдёте в себе силы и мужество двинуться дальше, а не вернуться в сад русской поэзии и сесть на лавочку рядом с Бороатынским, с Анненским? Ещё один вопрос: если это венок сонетов, то где же магистрал? Но на него ответить легче. Вы скажете: на то это и антивенок. Поздравляю Вас с этой книжкой, маленьким шедевром.

Ваш Геня

Хазанов каким-то образом не увидел, что в моём *Антивенке* магистрал имеется, только стоит не последним, а первым, — приём отнюдь не новый, но хорошо известный.

3.09.87

Дорогой Геня,

отвечаю короткой запиской на Ваше письмо с поправками к моей статье [«Живут и исчезают люди», Ленинградские писатели-фронтовики. 1941-1945, — *Страна и мир* №5 (41), 1987]. Прежде всего, спасибо за урок; я очень ценю и Вашу предупредительность, и Ваше время. Обе принимаю, хотя и с оговоркой.

В первом случае Вы правы безусловно (на мой лад писали поэты, да и то в прошлом веке). Во втором — тоже; но «пандематический» образовано не от «пандемия», а от «Пандемос», и в тексте более изощрённом, чем публицистическая статья (в литературном тексте), я бы на этом слове настаивал. Нет ничего удивительного, что оно не вошло в нормативные языки: кто хочет (и кто нуждается) в имени Пандемос, столь богатом оттенками? Только сочинители, к каковым и относится

преданный Вам

Ю. К.

14 сент.1987

Дорогой Юра,

в таком случае следовало бы писать «пандемотический». В русском языке это слово, насколько мне известно, не зарегистрировано, и его, как авторский неологизм (хотя и основанный на правильной этимологии), следовало бы как-то выделить. Но тут встречается еще одно соображение. Допустим, что читатель-дока, особо въедливый и изощренный, догадается, что слово образовано от Пандемос. Тогда у него возникнет вполне конкретная ассоциация. Напомню Вам, что у Платона, в знаменитом учении о любви, которое изложено в диалогах «Пир» и «Федр», говорится о двух Афродитах — небесной (Афродита Урания) и площадной (Афродита Пандемос, то есть плебейская, простонародная, грубо-чувственная). В литературном обиходе слово «Пандемос» употребляется только в таком контексте. Теперь вернемся к Вашему тексту. «Издательская деятельность многих оживляется... в период реабилитации и возвращений из лагерей. Конечно, во множестве случаев это означает лишь то, что пандемический страх прошел, свобод прибавилось и началась хрущевская оттепель.» Если я не ошибаюсь, Вы имеете в виду всеобщий, повальный, всенародный страх. Конечно, слово «пандемический» (страх как повальная болезнь, как моровая язва или чума) здесь и по смыслу, и стилистически уместней, чем вычурное и малопонятное слово «пандемотический», вдобавок вызывающее ненужную историко-культурную ассоциацию, не имеющую отношения к Вашей мысли. Я уж не говорю о том, что «демотический» тоже тянет за собой определенную и чуждую Вашему тексту смысловую цепочку (термин египтологии; ср. также «демотика» — обиходно-народный язык в современной Греции, в противоположность книжному языку — «кафареуса» [т. е. кафаревуса, *καθαρεύουσα*]). Наконец, на какого бы читателя Вы ни ориентировались, всегда, как мне кажется, нужно стараться, чтобы фраза была понятной. Итак, я предлагаю оставить «пандемический».

Мы забрались в этимологические дебри, но я старый филолог и до сих пор вспоминаю, как когда-то в университете я присутствовал на подобных диспутах. Как Вы оба поживае-

те? Крепко жму руку,

Ваш Геня

17.09.87

Дорогой Геня,

лишь вчера мне в руки попало Ваше письмо от 23.08.87, где Вы пишете о моих стихах. Прежде всего, спасибо за похвалу, я не шутя тронут. Читателей мне не хватает, да и внимания — тоже. Но главное, спасибо за косвенную поддержку, за Ваши замечательные определения, из которых два (об изыточности русского языка и об укрощении хаоса как задаче искусства) *текстуально* совпадают с тем, что я говорю многие годы. Замечательны и Ваши возражения, с которыми я тоже, в общем, согласен, хотя в них мне хотелось бы оттенить многое. В них — корректная постановка вопроса, решения которого, вероятно, ещё ни у кого нет. Всё это — повод для серьёзного разговора. Вы как-то спрашивали, где мой труд об авангарде; его, увы, нет. Статья *Гарвардский синдром* не переписана. Зато я написал (по заказу Кильского университета) статью о Бродском, более чем спорную с точки зрения господствующего отношения к нему (поэту); статью о Бродском как авангардисте [точнее: не написал, а закончил; в феврале 1987 годы Хазанов уже читал *третью* версию моей статьи *Несколько наблюдений*]. И вот мне пришло в голову: не затеять ли нам в письмах диалог об авангарде (взяв, например, в качестве отправной точки *Антивенок* и эту мою статью) — с тем, чтобы потом опубликовать его, частично или полностью, у вас или в других журналах? Проблема волнует нас обоих, взгляды у нас близки (без этого диалог был бы бесплоден), и накопилось у каждого достаточно. Об *Антивенке* Вы частично уже высказались. (Кстати, тот факт, что Вы *проглядели* в нём магистрал, меня очень обрадовал: ведь это значит, что я достиг естественности в форме нарочито искусственной; а естественность — как раз и есть мой основной девиз.) Другой отправной точкой диалога была бы Ваша заме-

чательная статья *Прощание с авангардом*, на которую я ссылаюсь всюду, где только могу. — Пожалуйста, подумайте об этом.

Теперь о делах. Не поможете ли мне с материалами по С. Липкину? Еврейская энциклопедия просит у меня (и срочно) статью о нём, а у меня нет ни библиографии, ни книг. Не могли бы Вы прислать мне на время (конечно, если у Вас или Ваших знакомых имеется) — *Декаду* и *Неопалимую купину* (вышли в 1973 под псевдонимом Александр Донат), а заодно и Ваши мысли о нём. Тут в Национальной библиотеке (и без того бедной) все книги разворованы. Я опросил всех знакомых — ни у кого нет. Умоляю Вас, попробуйте раздобыть что-либо. И что-либо о нём — тоже.

Вторая просьба исходит от Вашей почитательницы Наташи Розен. У неё сильные головные боли, никто ей не помогает, а она прослышала (от Рафика), что в Германии есть какое-то могущественное средство под названием шпаль (Schpall —?). Понимаю, что Вы не одобрите самолечения, но у неё — пунктик: она верит, что только это её и избавит, и смотрит с надеждой в Вашу сторону. Пожалуйста, пришлите на пробу, если можно. При этом на почте, вероятно, придётся соврать: лекарства к пересылке не разрешены (как мы слышали).

Наконец, последнее. В начале октября из России выезжает мой друг Леопольд Эпштейн, математик и поэт, человек очень умный и деятельный. В Вене они задержатся: его жена Лиза тяжело больна раком, — и мне было обещано, что ХАЙАС [Hebrew Immigrant Aid Society] (они в Израиль не поедут) устроит ей больницу прямо в Вене. Оба, и Лиза, и Лёня, принимали активное участие в правозащитном движении, связаны с *Хроникой текущих событий* и т. п. У них неоднократно бывали обыски. И вот мне пришло в голову: не заинтересует ли Вас, Кронида или других мюнхенских правозащитников и литераторов эта семья? Нельзя ли им устроиться в Мюнхене? Повторяю, оба они люди незаурядные, и могли бы быть не только приятны, но и полезны. Впрочем, я ещё не знаю точно их планов. На этом прощаюсь, обнимаю Вас.

Поклон Лоре и Илье.

Ваш Юра

(приписка на левом поле, текст расположен вертикально:)

Пожалуйста, пишите пока в университет. С октября наш адрес будет: Pisgat Ze'ev 360/4, Jerusalem.

29.IX 1987

Дорогой Юра, посылаю Вам на скорую руку то, что мне удалось собрать о Липкине. Одновременно посылаю пакет с книжками (какие удалось найти), одна из которых — собрание стихотворений «Воля» — принадлежит *не мне*.

Ваше предложение мне по душе, немного позже напишу подробней.

Ваш Г.

К этой записке была приложена машинописная, на трёх страницах, статья о Семёне Липкине под заглавием: «*В. Кáзак. Словарь русской литературы после 1917 г. Штутгарт 1976. Стр. 213, перевод:*», где Липкин назван *поэтом* и переводчиком, что уже странность. Даже в русском 1988 года *Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года* (ОПІ, London) того же В. Казака Липкин именуется ещё только *переводчиком*. Другая странность: в издании Wolfgang Kasack. *Lexikon der russischen Literatur ab 1917*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1976, — я статьи о Липкине не вообще нахожу.

Мюнхен, 18 окт. 1987.

Дорогой Юра, надеюсь, Вы получили моё письмо и книги Липкина, которые я послал недели две назад, по получении Вашего письма от 17.IX. Ваше второе поручение касательно лекарства я ещё не выполнил, но постараюсь сделать это в ближайшие дни. Отвечаю Вам с некоторым запозданием, так как я был болен, никак не мог отделаться от последнего странного гриппа, и кончилось тем, что мы с Ларой отправи-

лись в Швейцарию, в район Санкт-Морица и Давоса, того самого, где происходит действие «Волшебной горы». В горах, куда мы взбирались по головокружительным дорогам, стало лучше. Вчера мы вернулись.

Я обдумал Ваше предложение о литературной переписке. Оно меня весьма привлекает, хотя бы потому, что мне не с кем поговорить на темы, которые меня интересуют; да и вообще время от времени испытываешь потребность отдать себе отчёт в некоторых принципиальных вещах, продумать, так сказать, свою литературную философию. Итак, если Вы ещё не отказались от этой идеи, я могу в свою очередь предложить следующее.

Вы правы: наши взгляды и убеждения близки, а иногда даже поразительно совпадают. Даже такой маленький и по видимости непритязательный литературный документ, как Ваше предисловие к *Антивенку* чрезвычайно импонирует мне, и не только своими мыслями, но и языком, композицией, интонацией. Тем не менее Вы поэт, а я пишу прозой. Для Вас литературная философия (поэтика в широком смысле слова) есть прежде всего поэтическая программа, отношение к поэзии. Я же в своих философствованиях ориентируюсь прежде всего на прозу. Применительно к стихам я могу говорить только о своих вкусах, о любимых поэтах, о том, что задело — или не задело — глубину души; я плохо разбираюсь в поэзии. Всё это создаёт в нашем — имеющем быть — общении некоторую асимметрию. Но благодаря ей может возникнуть некоторое поле напряжения. Наша переписка может быть способом обмена мнениями, не более, но и не менее, — обмена мнениями и «верованиями», к примеру, между *Поэтом* и *Прозаиком*, — без попытки свести их к общему знаменателю, к «манифесту», к «платформе». Мы могли бы даже, как мне кажется, позволить себе в известной мере петь каждый своё: диалог от этого не разрушится, так как точек соприкосновения достаточно.

Отправной точкой послужил *Антивенок*», и если хотите, я мог бы начать с письма о нём. Определять дальнейшую кон-

кретную тематику, по-моему, нет нужды, она наметится сама собой. Общие направления разговора: классицизм и модернизм; авангард и школа новаторства; что можно считать современным стилем в поэзии или в прозе; «пост-модерн». Напишите мне, согласны ли Вы в принципе с таким очень приблизительным проектом. Перспектива публикации станет ясна позже, но, конечно, с самого начала надо иметь в виду, что это переписка литературная, с расчётом на опубликование. Письма, однако, имеют то преимущество, что они сохраняют теплоту личного общения. И, само собой разумеется, — никаких ограничений, никаких священных коров и неприкасаемых авторитетов; условия переписки позволяют мыть кости кому чем бы то ни было.

О Л. Эпштейне я говорил с Кронидом, он ездил в Вену.

Как бы мне получить статью о Бродском?

Жду от Вас ответа, после чего мог бы приступить к делу. Обнимаю Вас, поклон Тане от всех нас.

Ваш Г.

P. S. Пишу Вам всё ещё по старому адресу, так как в новом Вы не указали почтовый индекс.

Мюнхен, 31 октября 1987.

Дорогой Юра,

с невероятным запозданием — только вчера — получил статью «Несколько наблюдений» [мою статью о Бродском], прочёл её в тот же вечер, но откладывал ответ, так как хотелось поговорить о ней с коллегами [то есть с другими двумя редакторами мюнхенского журнала *Страна и мир*, из которых фактически (не номинально) главным редактором был Кронид Любарский (1934-1996)]. Дело в том, что мне очень хочется её напечатать, но я не уверен, что удастся убедить других. Тут и объём (почти 40 страниц), и то, что «культура» в моем лице вынуждена постоянно отвоевывать место у политики и других, так или иначе политизированных материалов; возможно, будет иметь значение и то обстоятельство, что статья по существу весьма сурово разделяется с Бродским,

а я уже однажды опубликовал критический материал (О. Максимовой), за который отнюдь не был удостоен похвал. Но всё это в порядке вещей. Поговорить, к сожалению, не удалось: мы только что закончили номер, и наступило нечто вроде краткого затишья. Поэтому пишу Вам пока что просто так, не как редактор, а как читатель.

Я прочитал Вашу статью с наслаждением. Она сама по себе — прекрасный образец декларируемой Вами эстетики: безупречный, ясный, свободный от какой бы то ни было претенциозности язык, каждая фраза на месте, каждая работает, ни одно слово не сказано всуе. Безупречный вкус и та благородная сдержанность, которую я узнаю в каждом произведении Вашей, к сожалению, очень небольшой по объему прозы. И, наконец, это настоящая литературная критика, какой у нас совсем нет; это разговор о литературе, а не о пустяках, критика, поднимающаяся до философии искусства и в конечном счёте до самых главных вопросов жизни. Я совсем не собираюсь Вам льстить и думаю, что Вы и сами знаете цену своей работе. В статье разбросано множество интересных мыслей и высказано несколько принципиальных идей; каждая из них заслуживает обсуждения. Добавлю, что я не вполне и не везде с Вами согласен. Подавляющее большинство конкретных наблюдений и замечаний о стихах Бродского, по-видимому, неопровержимы. Некоторые поразили меня: я не мог понять, как я сам этого не заметил. Очевидно, существует некоторое общее обаяние этой поэзии, магия, которая скрывает или нейтрализует мелкие промахи и о которой Вы почти не говорите. Впрочем, статья по видимости (но лишь по видимости) и не претендует на что-либо большее, нежели предложить «несколько наблюдений». Её эффект основан на медленной, малозаметной, но упорной деструкции посредством проверки гармонии алгеброй. Одно или два замечания показались мне не вполне справедливыми (например, Ваш комментарий по поводу «Рождественского романса», стр. 23, или того места из «Осеннего крика ястреба», где говорится о поджате к животу плюсне, — стр. 26). Одно из самых поразительных и

убийственных «наблюдений» — о стихотворении «Памяти Т. Б.» (стр. 30). Мне было бы не под силу затеять с Вами дискуссию по поводу конкретной материи стиха — хотя бы потому, что я читаю стихи другими глазами и во всяком случае глазами не поэта. Но как бы то ни было, я уже вступил с Вами в мысленный разговор и хотел попробовать перенести его на бумагу, но потом подумал, что если мы хотим начать обстоятельное обсуждение литературных тем (а в первую очередь того, что Вы называете консервативной эстетикой) [предполагалось, что мы вступим в литературную переписку, прямо предназначенную для публикации], то, может быть, лучше отложить разговор до этого времени. Надеюсь, что моё предыдущее письмо до Вас уже дошло.

Пока я ограничусь одним общим соображением — или, вернее, возражением. Вы не раз называете Бродского авангардистом, говорите об этом даже как о чём-то вполне бесспорном, и в итоге статья предстаёт как отповедь и приговор авангардизму. Я постарался мысленно очертить круг явлений, которые я отнёс бы к литературному (в том числе и поэтическому) авангарду. Я думаю, что это в принципе возможно, иначе термин не оказался бы таким устойчивым. Но важно, как мне кажется, отграничить его от модернизма. Из абзаца на стр. 16 внизу следует, что для вас это примерно одно и то же. Я же думаю, что между модернизмом и авангардом нельзя ставить знак $\approx$, и дело тут не только в терминологической условности. Скорее можно сказать, что авангард (футуризм, дадаизм, литературный сюрреализм, обэриуты и много другое) — это «выблядок» модернизма, который по отношению к нему представляет собой нечто материнское и во всяком случае более обширное. Авангард, по-моему, при всём шуме, который он произвел, очень небольшое и кратковременное явление в искусстве. Поэтому он так быстро состарился. Бродского я аттестовал бы как поэта эпохи постмодернизма. Об этом можно было бы поговорить в нашей переписке [эта литературная переписка так и не состоялась].

Каково мое собственное отношение к этому поэту? Оче-

видно, оно не совпадает с Вашим. Когда-то меня изумили и покорили два небольших сборника, «Часть речи» и «Конец прекрасной эпохи». Это была, конечно, не такая влюблённость, почти болезнь, как когда-то было, например, с Блоком. Не такая, как с Гейне (целая эпоха моей жизни) или с некоторыми стихотворениями Бодлера. Не то высокое восхищение, как перед одами Горация или перед Тютчевым. И, конечно, не та ни с чем не сравнимая любовь, как к Пушкину. Но ведь и возраст (мой возраст) был другой: я познакомился с поэзией Иосифа Бродского, когда мне было почти 40 лет, это были его ранние стихи, а с «настоящим Бродским» — еще позже. Между прочим, я немало был удивлён, когда мой сын, подростком и располагая довольно скромным опытом общения с современной поэзией, как-то сразу принял и полюбил Бродского.

Я и сейчас ставлю его очень высоко. (Ваша статья меня изрядно смутила.) Но мне давно бросилась в глаза одна особенность — чтобы не сказать дефект — его поэзии или, может быть, поэтической личности. Эта черта подчас становится почти навязчивой, и притом в лучших стихах, таких, как «Колыбельная трескового мыса» или стихотворение, по которому назван весь сборник «Конец прекрасной эпохи». Я назвал бы её внутренним оцепенением. При всём невероятном богатстве языка, сложном сцеплении ассоциаций, изумительной метафорике, отмеченной Вами, при всей её странной и, согласитесь, трудно преодолимой магии это поэзия душевного паралича. Мальчик Кай сидит во дворце Снежной королевы, среди сверкания и роскоши, а в груди у него — кусок льда. Сердце, вынутое из морозильника. Не зря, по-моему, в стихах Бродского преобладает презенс, настоящее время, не зря сложный и запутанный синтаксис втиснут в почти обязательную строфику. Кажется, что основное занятие лирического героя — сидеть, вперившись в обстановку комнаты, следя за собственными полувпечатлениями, полумыслями, словно и они — вещи окружающего мира. Может быть, это — состояние, характерное для современного человека, обалдевшего посреди нагромождения вещей, музыкальных приборов, про-

изведений искусства; может быть, то, что именно Бродскому удалось передать это чувство растерянной оцепенелости среды мелькающего современного мира, обеспечило ему особое и выделившее его из всех признание.

Я собирался отписать Вам кратко, но письмо разрослось. Ещё раз — большое, большое спасибо за то, что Вы прислали мне статью (я оставил себе копию). Дорогой Юра, все эти наспех набросанные замечания отнюдь не отменяют того, о чём я сказал вначале. Я читал заключительную главу («Точность как служение») вслух одному приятелю, и мы оба были восхищены: это первоклассная проза. Я не говорю о многих других великолепных местах, например, о сексуальности, о Маяковском и Хлебникове. Уважая Вашу скромность, воздержусь от новых комплиментов. Но я хотел бы вернуться к этим вопросам позже.

В заключение, если позволите, несколько совсем ничтожных мелочей. Эпиграфы к статье я бы предложил переставить местами: фраза «Это — ряд наблюдений» должна, мне кажется, стоять не первой, а третьей. Тогда она будет лучше перемигиваться с заголовком. — *Poésie maternelle* собственно значит «материнская». Кто придумал этот каламбур? [он встречается в переписке Пушкина с Вяземским] — Гораций Флакк (стр. 37). Так говорить не принято. Это примерно то же, что сказать: Сергеевич Пушкин. Или: Туллий Цицерон. Нужно либо «Гораций», либо «Квинт Гораций Флакк».

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас обоих.

P. S. 1) Получили ли Вы книги Липкина? 2) По какому телефону можно Вам звонить?

Ваш Г. Ф.

Вот один из удручающих моментов нашей израильской жизни, в целом счастливой: *целых четыре года* не было телефона, по которому мне можно звонить. Не было ни в центре абсорбции, где мы жили с середины 1984 года до конца 1987, ни даже в нашей новой, только что построенной квартире в Писгат-Зеэве до середины 1988 года. Невозможно передать, как это сковывало и портило мою жизнь.

Dr. Yuri Kolker (c/o Prof. B. Ginzburg).
Plant Biophysics Lab.
Botany Dept. of the Hebrew University of Jerusalem.
Givat-Ram 91904, Jerusalem.
ISRAEL

Мюнхен, 11 ноября 1987.

Дорогой Юра, по-видимому, израильская почта оставляет желать лучшего: я до сих пор не знаю, дошли ли до Вас мои письма, а также книги, посланные уже довольно давно. Пишу Вам на сей раз совсем кратко, чтоб сообщить, что статью «Несколько наблюдений» мы будем печатать. Очень надеюсь, что Вы не успели обещать её какому-нибудь другому журналу. Но опубликовать её мы сможем, конечно, лишь в следующем году, скорее всего во 2-м номере (раньше никак не получается). Чтоб Вы были спокойны за разные мелочи, я пришлю Вам набор, который Вы сами вычитаете.

О статье я писал прошлый раз. Оригинал я Вам вернул.

Вы просите меня о программном обеспечении для IBM compatible. У нас в конторе есть три компьютера, не знаю, в какой степени родства они состоят по отношению к моделям IBM. Я несколько дней назад, собравшись с духом (и деньгами), сам приобрел компьютер марки Tandon. Так что, может быть, я смогу выполнить Вашу просьбу. К сожалению, я пока ещё ничего не понимаю. Мои познания находятся на той стадии, когда начинают приблизительно понимать, чем этот прибор отличается от пишущей машинки. Мне предстоит несколько поездок в разные города, после чего (в декабре) я надеюсь заняться этим предметом более основательно.

Обнимаю Вас и Таню.

Ваш Г.

12 ноября 1987,
Иерусалим

Дорогой Геня,

большое спасибо за Ваши письма от 18 и 31 октября, за присылку книг, ксерокопий и перевод из Казака. Кажется все Ваши отправления до меня доходят исправно. Жаль, что у Вас не оказалось *Неопалимой купины*, я так и не сумел до сего дня ее отыскать.

Прежде всего: все Ваши условия относительно нашей будущей литературной переписки безоговорочно приняты. Вам предстоит быть в ней лидером, направляющим, ибо Вы слишком превосходите меня и культурой, и кругозором, и силой мысли. Возможно, мы и в самом деле будем отчасти «петь» каждый своё — но я тешусь мыслью, что от большинства современных авторов нас с Вами (и чуть ли ни только нас) отличает умение вдумываться в слова оппонента, вглядываться в чужое — и слышать не только себя. И — ставить перед собой задачи не очень простые. Вы пишете: «Мне было бы не под силу затеять с Вами дискуссию по поводу конкретной материи стиха» — вообразите же, каково мне говорить с Вами о философии и, скажем, европейской прозе, которых я совсем не знаю. Но — давайте попробуем, оба, говорить о многом; это эксперимент, приводящий в движение мысль. И я, собравшись с духом и подготовившись, решусь высказаться о вещах, которые ближе и понятнее Вам, чем мне. Я очень люблю учиться.

Отдельно благодарю Вас за две внешних поправки. Эпиграфы к статье, *конечно*, должны быть переставлены по Вашему. С Горацием — тоже досадный промах, из тех, к которым я чувствителен. Но я спешил сдать статью к сроку, и в ней много мест, которые я собираюсь пошевелить перед публикацией.

Индекс в моем домашнем адресе не нужен, можете смело писать без него. Мы живем в маленькой стране. До меня дошло письмо, где на конверте лишь имя и город были обозначены правильно. Домашнего телефона пока нет; служебный:

02 (Иерусалим) 58-52-08; я стараюсь бывать на работе по утрам, но засиживаюсь и до позднего вечера, а иногда не бываю вовсе. По срочной надобности лучше звонить Тане, она безотлучно сидит при телефоне 58-45-35 с 8 до 11:45 по нашему времени, сама же и снимает трубку. Там все говорят по-русски (а у меня по-английски).

Посылаю Вам статью Михаила Бейзера, недавно приехавшего из Ленинграда. Печатавшая ее Таня не стала, по занятости, исправлять стиль — точнее, исправляла только бросающееся в глаза. Так что над текстом (если статья вам подойдет) предстоит поработать. Адрес Бейзера: Maon Olim Beith Canada, Talpioth Mizrach 274, Jerusalem 93816, Israel. Бейзер всерьез занимается историей евреев России. Вскоре выходит по-английски его книга о евреях Петербурга, подготовленная Оксфордским профессором Мартином Гильбертом.

На этом пока прощаюсь с Вами. Обнимаю Вас, дорогой Геня. Поклон Лоре и Илье.

Ваш Ю. К.

19.11.87,
Иерусалим.

Дорогой Геня,

надеюсь, мое недавнее письмо и статья Бейзера уже получены Вами. В промедлении виновата не только израильская почта, но и моя неаккуратность: я не тотчас ответил на Ваши последние отправления.

Я очень рад, что вы готовы напечатать мою статью о Бродском — хотя повторяю, что посылал ее без всякой мысли об этом. Теперь я избавлен от необходимости пристраивать ее в *Континент*, где еще неизвестно, как она была бы принята. Ваши сроки (апрель 1988) меня более чем устраивают; есть время поправить несколько мест, руководствуясь Вашей же критикой (и критикой Лосева — он стал соредактором сборника, готовящегося в Кильском университете, откуда мне статья была заказана). Так что пока не набирайте — или наоборот: наберите поскорее и позвольте мне исправлять уже

в наборе. Но при этом имейте в виду, что ссылочный аппарат будет упрощен (*и сокращен*), следовательно, секцию *Литература и примечания* набирать не надо. Конечно, все это — лишь в том случае, если набор у вас компьютерный, а не композерный; т. е. если небольшие поправки могут быть внесены в память без необходимости перебирать весь текст.

Сборник Кильского университета выйдет на английском. Там знали о моем отношении к Бродскому: я это отношение только развернул. Если моя статья будет ими принята (в чём, после кооптации Лосева, возникли сомнения), она выйдет в сокращенном варианте, *не по-русски* и — определенно позже чем в апреле 1988. Но вероятнее всего статью отклонят. Я предчувствовал это, уже начиная работу над нею, и потому огорчен не очень. Рецензия Лосева доставила мне несколько минут внутреннего торжества. Но она очень полезна; она указывает места, наиболее уязвимые с точки зрения заведомо недобросовестной критики.

[продолжение того же письма] 30.11.87: О компьютере марки Tondon мне ничего не известно. Если он IBM-compatible, я сам могу уже прислать Вам одну удобную программу, MLS (Multi-Lingual Scribe). Продаются здесь еще две: Polyglot и Mince, — последняя очень хороша для издательских целей. (Под словом программа я тут понимаю word-processor.) Компьютер уже у меня дома, и я не могу наиграться. Мне еще предстоит купить printer, и я заказал его в США: тут это слишком дорого; гораздо дороже, чем у вас, а в особенности — за океаном.

Не набирайте пока мою статью: я пришлю Вам вычищенный (и чуть-чуть сокращенный) вариант. К статье Бейзера добавляется фотография, которую я забыл вложить в предыдущее мое письмо, — вкладываю в это. Возможно, он пожелает получить этот снимок назад.

Мне кажется важным предпослать моей статье о Бродском редакционную ремарку о том, что журнал не вполне разделяет мою точку зрения — без этой оговорки вы заслужите репутацию гонителей Бродского. (О моей репутации всеоб-

щего зоила уже и говорить не приходится.) Две другие важные для меня предварительные заметки могут быть как вашими, так и моими: о том, что статья написана (и получена редакцией) до присуждения Бродскому Нобелевской премии; и о том, что статья написана мною по официальному заказу одного из европейских университетов (а не по моей инициативе).

На этом прощаюсь. Обнимаю Вас, поклон Вашим.

Ю. К.

Неопалимая Купина нашлась. Она оказалась *антологией*, а не сочинением Липкина.

Мюнхен, 9.XII 1987.

Дорогой Юра,

пишу Вам по частному поводу. Раиса Орлова, жена Л. З. Копелева и сама известная писательница, обратилась к нам с просьбой сообщить ей, из каких источников почерпнуты сведения о Цезаре Вольпе в рецензии Ю. Колкера «Живут и исчезают человеки...», стр. 138. Не могли бы Вы ответить либо ей самой (Frau R. Orlowa-Kopelew, Neuhilfer Allee 41, 5000 Köln 41, Federal Republic of Germany), либо нам?

От Вас нет вестей. Здоровы ли Вы?

Обнимаю Вас и Таню.

Ваш Г. Ф.

Этим письмом начинается очередной скандал вокруг очередной моей статьи в *Стране и мире*. Вот выдержка из моей статьи «*Живут и исчезают человеки...*»:

«...Умолчания [В. Бахтина, составителя сборника о ленинградских писателях-фронтовиках] тоже дали бы немало анекдотов, по большей части трагических. Приведем один из них: поразительную историю литературоведа Цезаря Самойловича Вольпе. Он не «погиб при попытке переправиться через Ладожское озеро» в сентябре 1941 [как об этом сообщает В. Бахтин] (эта формулировка — типичный пример техники замалчиваний, принятой составителем: здесь нет слова *эвакуа-*

ция, следовательно, приходит на ум, что "писатель-фронтовик" Вольпе попросту бежал из Ленинграда), а был взят в плен, назвался майором Быковым и до 1944 года сотрудничал в печатном органе власовцев, пока, наконец, не был признан евреем и уничтожен.»

Сведения о Цезаре Вольпе я получил как устное сообщение, то есть слух, от писателя и историка Михаила Хейфеца (1934-2019), причём он тоже опирался прежде всего на слухи, но также и на печатное сообщение. Привожу выдержку из статьи А. Н. Артёмова *НТС и Освободительное Движение времен войны* (журнал *Посев*, №5, 1985, стр. 52):

«Власов привлек в "Русский комитет" несколько сотрудников; из них можно назвать, как наиболее влиятельных, генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова... генерал-майора В. Ф. Малышкина... и особенно талантливого и эрудированного М. А. Зыкова, числившегося майором (по нашим заключениям, из его рассказов о своих научных трудах, это был Цезарь Самойлович Вольпе, литературовед, сотрудник Бухарина и зять наркома просвещения Бубнова, арестован и сослан, но потом отправлен на фронт в качестве политкомиссара батальона, затем дивизии, наконец корпуса).

Штаб (канцелярия, редакция) Власова... стал издавать газеты "Заря" для гражданских читателей, под редакцией Зыкова, и "Доброволец" для воинских групп... В качестве "визитной карточки" Жиленковым и Зыковым было написано в конце 1942 г. Воззвание Русского комитета, включавшее в себя 13 пунктов позитивной программы...»

Таким образом вся моя ошибка сводилась к тому, что «Зыкова» я назвал Быковым. Сохранилось моё письмо к редактору *Страны и мира* Крониду Любарскому от 9 марта 1988 года; из этого письма видно, что я уже скопировал и отослал Любарскому страницу 52 из *Посева* №5, 1985, с приведённым фрагментом из статьи Артёмова.

[декабрь 1987]

Дорогой Юра,

пишу Вам совсем кратко. Оба последних письма я получил, спасибо Вам большое. Предыдущее (с фотографией биробиджанской синагоги) шло больше двух месяцев. Может быть, оттого, что оно было послано не авиапочтой?

Мы сильно задержались с последним номером за 1987 год, сдали материал в типографию только вчера. Вопрос со статьёй о Бродском, как я уже писал, решён, но хотелось бы пустить его не во 2-м, а в первом номере. В ближайшее время я вышлю Вам черновой набор. Над ним можно работать, но хотелось бы, чтобы Вы сделали это по возможности быстро.

Последнее время я был очень занят, и вдобавок в Мюнхене происходит фестиваль московских театров. Шесть театров привезли 10 пьес, и я через день хожу на спектакли.

Из-за всего этого я застрял первым письмом об авангардизме и классической эстетике. Я написал половину текста (в целом небольшого) и надеюсь скоро кончить и выслать Вам.

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Нам звонила Раиса Копелева и почти одновременно написал Алик Бабёнышев из Америки. Оба сомневаются (мягко выражаясь) в правильности Ваших сведений о Цезаре Вольпе в рецензии «Жизнь и исчезнувший человек...» (получили ли Вы, кстати, журнал и гонорар?). Не могли бы Вы написать мне несколько слов об этом: есть ли какие-нибудь документальные или иные доказательства фактов, о которых Вы сообщаете? Это на случай, если они вздумают написать письмо в редакцию или что-нибудь в этом роде.

Обнимаю Вас и Таню.

Ваш Г.

Следующий кусок — эпистолярная проза Бориса Хазанова: начало затеянной нами для совместной публикации (но не завершённой) переписки о природе модернизма и авангарда. В качестве отправной точки он берёт

мою крохотную стихотворную книжку *Антивенки* (1987), о которой уже писал мне в частном порядке 23 августа 1987 года.

Отмечаю, что по крайней мере одна фраза Хазанова в этом его эссе утрачена. Четвёртая страница его письма начинается обрывком слова: «дернизму», но на третьей странице нет начала фразы. Объясняется это тем, что Хазанов ещё не вполне освоил недавно приобретённый компьютер. Это его эпистолярное эссе — первое полученное мною от него письмо в компьютерном наборе.

Январь 1988

Дорогой мастер, вы прислали мне лестный подарок — вашу новую книжку. Я не в состоянии квалифицированно судить о поэзии и могу лишь сказать, что стихи мне нравятся; тем не менее, читая и перечитывая «Антивенки», я заметил, что эта книжечка — ларец с двойным дном. В коротеньком предисловии вы рассказываете о приятеле — коллекционере венков, который уговорил вас сделать вклад в его собрание. Слово «венки» давно утратило связь с эллинской юностью, с хороводами и пирами; скорее оно напоминает о финале жизни, даже если речь идёт о венке сонетов. Понимая это, вы сплели *антивенки*, нечто откровенно рекомендующее себя как пародию и литературную игру. Но одновременно — и я могу сослаться на ваши слова о том, что искусство возможно лишь в предустановленных границах и что в этом вас вновь убедила работа над сонетами, — одновременно книжка ваша представляет собой что-то вроде литературного манифеста, поэтическую *confession de foi*, не свободную, при всей игривости её тона, от некоторой запальчивости.

Что ж, мне придётся принять ваш вызов, брошенный, очевидно, не только мне. Но прежде я должен буду выковырять из стихов их «теорию», от чего, конечно, пострадает и поэзия, и сама теория; вы сами в этом виноваты: не надо было дразнить гусей.

«Распадом личности отмечен злой наш век. Расплёсканный хрусталь не возвратится в вазу...»

«Любя естественность, не терпит париков моя невзрачная

и пристальная Муза. На ней опрятная, застиранная блуза, простая, как вода кастальских родников; ...и сладостно мила мне тень её союза, простёртого ко мне из глубины веков. Не потому ли мне *новаторство* скучно, что тень деструкции мрачит его основы? Надёжен пессимизм, его черты суровы, и слову ясное звучание дано. Нетрудно удивлять, кричать — немудрено.»

«Займись, мятежный раб, таинственной резьбой, над клинописью звёзд работай по алмазу...»

Когда несколько времени назад я напечатал статейку под названием «Прощание с авангардом», вы были единственным, кто отнёсся к ней сочувственно. Вы увидели во мне единомышленника. Стихи — если я вас правильно понял — подтверждают это. С вашего разрешения я переведу их на язык смиренной прозы. Искусству подобают естественность и простота. Искусство укоренено в традиции. Разрушение веками отстоявшихся форм есть не что иное как разрушение личности художника — или по крайней мере соотносится с ним. Мастерство и так называемое новаторство несовместимы. Искусство — это суровый труд, а ломать формы не так уж трудно.

Я понимаю, почему представителю «консервативной эстетики» должна была прийтись по вкусу моя статья. В ней говорилось о том, что литературный авангард давно уже не авангард, его установка на сверхсовременность сыграла с ним злую шутку, его новизна обветшала; что, в сущности говоря, авангард принадлежит не литературе, а литературоведению. Могу добавить, что такие суждения сами по себе для меня не новы. Станным образом ещё в юности, то есть в возрасте наиболее благоприятном для рецепции всего ошеломительно-новаторского, революционного и разрушительного, я усвоил привычку относиться к авангардизму как к какой-то мнимости. Я читал русских футуристов, имажинистов, ещё кого-то, это были древние книжки на серой бумаге, антикварная поэзия, чьей характерной чертой между прочим было то, что сочинять её в общем-то было довольно легко. По крайней

мере так нам казалось. Вдвоём с приятелем мы даже изобрели некоего поэта-авангардиста, был устроен вечер этого стихотворца, его изображал двоюродный брат моего товарища, учившийся в студии театра имени Вахтангова; поэт явился на вечер в невероятном для того времени голубом пиджаке и декламировал свои произведения — чудовищную ахиною, сочинённую нами. Аудитория хихикала, и вообще было очень весело, но неожиданно какая-то девушка приняла его всерьёз и со слезами на глазах извинялась перед поэтом за некультурность и бестактный смех слушателей. И вот теперь; выслушивая упрёки в том, что я оскорбил священную память Хлебникова (не говоря уже о ныне здравствующих адептах экспериментальной словесности), я вспомнил эту историю.

Не то чтобы мне стало неловко, как неловко было тогда, — ведь я в самом деле не питаю особого пиетета ни перед Хлебниковым, ни тем паче перед его последователями. Но я подозреваю что если мы с вами в самом деле союзники, то лишь до определённого рубежа.

Я предлагаю прежде всего различать авангардизм и модернизм. В слово «авангард» вкладывали разный смысл; так называла себя, между прочим, давно забытая литературная группа, существовавшая в двадцатых годах на Украине. Так можно обозначить широкое и наделавшее много шума течение, некое пёстрое шествие, оглашавшее своими криками, пением, свистом и улюлюканьем усталую литературную Европу между 1910 и 1930 годами. Наконец, под этим словом подразумевается некоторая культурная (или антикультурная) позиция безотносительно к эпохам и странам. Классическое искусство, к которому мы можем сейчас спокойно причислить и литературу *fin de siècle*, стремилось победить хаос жизни. Авангардизм имел смелость или по крайней мере претензию воспроизвести этот хаос.

Классическая эстетика укрощает стихию языка с помощью того, что в широком смысле слова называется стилем. Для авангардного мышления понятие стиля не существует: это старый хлам, вас зовут к свободе и своеволию, приглаша-

ют нырнуть в стихию, вернуться к языковой плазме. Классическое искусство «искусственно». Авангардистское словотворчество «естественно». Авангардизм — это своего рода романтизм XX века, дальний потомок того, настоящего романтизма, но в отличие от благородного предка это романтизм не аристократический, а скорее хулиганский. Можно видеть в нём то, за что он охотно себя выдавал, — революцию умов и вкусов, за которой — или впереди которой — шествовала социальная революция; можно взглянуть на него с другой точки зрения, воспользовавшись терминами и представлениями теории информации. Сокрушив литературные формы, новатор-иконоборец озирается в поисках чего бы ещё разнести: на очереди — сама речь. Языковая материя авангарда разжижена до такой степени, что его алфавит и грамматика оказываются семантически пустыми или почти пустыми, вот почему возникает впечатление многосмысленности этих словоизвержений, на самом деле бессмысленных. Так темнота кажется населённой призраками. Авангардистский текст есть, собственно, «текст с малой степенью упорядоченности кодовых знаков» — текст наименее дисциплинированный и высокоэнтропийный. В пределе — это заумь.

Быть авангардистом легко, — в этом, я думаю, и состоит отличительная черта новаторства того сорта, о котором мы говорим. Хаотичность и недисциплинированность авангардизма дают возможность, как мне кажется, отграничить его от модернизма, который по отношению к нему представляет собой нечто материнское; можно было бы сказать, что авангард — футуризм, дадаизм, литературный сюрреализм и многое другое, не исключая, разумеется, и современные упражнения, — это «выблядок» модернизма или, если хотите, мутант, не способный произвести потомство. Авангардизм в таком понимании оказывается, при всём шуме, который он произвёл, очень небольшим и кратковременным явлением в искусстве.

Этого невозможно сказать о модернизме в целом, подлинной коперниканской революции, по выражению Сло-

тердайка, пафос которой отнюдь не сводится к «разрушению форм». Но и она исчерпала свою энергию. Я рискнул упомянуть модное имя автора вышедшего в прошлом году эстетического трактата «Коперниканская мобилизация и птолемееское разоружение», где в очередной раз сделана попытка подвести некоторые итоги. Начиная с тридцатых годов или, может быть, с послевоенного времени, эстетическая вселенная модернизма больше не поражает публику: к ней попросту привыкли. «Принцип шока как связующее звено между новым искусством и публикой» больше не работает. Что же остаётся? Разоружиться. В «пострадикальном» климате современного искусства идея новаторства лишена смысла.

Что такое Postmoderne, никто не знает. Вернее, каждый понимает это по-своему. Но в конце концов дело не в ярлыках. Дело просто и напросто в том, как мы с вами представляем себе подлинно современное искусство. Об этом, собственно, и надо поговорить. С годами не научаешься писать. Научаешься, как *не надо* писать. Уверены ли вы в том, что «консервативная эстетика» — это надёжный корабль, пригодный для мореплавания, а не просто для того, чтобы красоваться в гавани, в виду Петрополя, под пушкинским небом?

Мюнхен, 29 янв. 1988

Дорогой Юра, на-днях я послал Вам письмо, но забыл одну вещь. Как я уже писал, мы решили вставить статью о Бродском в *первый* номер, над которым сейчас трудимся (с изрядным опозданием). Как только наберут статью, я вышлю Вам корректуру. Хотел бы, однако, просить Вас вот о чём. Нужно как-то экономней решить вопрос с примечаниями. Обилие примечаний (главным образом ссылок), выносимых в конец статьи, очень затрудняет чтение. В неакадемическом журнале скрупулёзность отсылок к первоисточникам, вообще «аппарат», — не является необходимостью, скорее портит впечатление, отвлекает от сути. Моё предложение: либо а) опустить все ссылки на сборники Бродского и ограничиться одним по-

дробным примечанием после первой цитаты или в начале статьи, или в предисловии, если Вы захотите его написать, что, впрочем, совсем необязательно, — примечанием, что-де цитаты из стихотворений приводятся по таким-то изданиям, либо б) снабдить стихи краткими сокращениями названий сборников. Второй вариант мне нравится меньше: он тоже засоряет текст. Ведь в конце концов читатель не сомневается в том, что Вы цитируете поэта правильно. Подумайте над этим. Аппарат в его нынешнем виде очень мешает чтению и наслаждению статьёй: ведь её тон и слог отнюдь не диссертационный.

Жму руку, обнимаю.

Ваш Г.

P. S. Те примечания, которые являются истинными примечаниями, а не ссылками, можно сделать подстрочными (облегчает чтение и выглядит красивей). Ссылка на Горация вообще не нужна. И т. д.

17.02.88

Иерусалим

Дорогой Геня,

отвечаю коротко на два Ваших письма. Сведения о Цезаре Вольпе основаны, к сожалению, не на документах, а на предании, слышанном мною дважды: в Ленинграде и в Израиле. Последним повторил мне его *историк* М. Хейфец около года назад. Тогда я полагался на его слово как на документ (сейчас это не так), да и полифония, стоявшая за слухом, казалась, подтверждает его, — и я недостаточно тщательно обставил моё сообщение оговорками. Оговорки есть, но их, по обыкновению, не замечают (само слово *анекдот* подразумевает фольклорный, не академический характер сообщения; но есть оговорки и прямые; я всё время подчёркиваю, что статья пишется в условиях нехватки информации: «можно предположить», «можно допустить», «приняв с необходимыми оговорками», «правдоподобные сведения», необходимость «до-

искиваться», «читатель, приученный к советским эвфемизмам, ошибётся, но не по своей вине», «конечно, так можно заподозрить и напраслину» — посмотрите, сколько их). Оговорки и позволяют мне в двух или трёх местах, *в качестве комментария* к очень аккуратным подсчётам и (смею думать) нетривиальным наблюдениям, дать сведения, почерпнутые из устной традиции. Пересказ слухов и вообще небесполезен: он помогает выявлению истины (что мы и видим по опровержениям). Поэтому в собственном смысле опровергать в моей статье нечего, а оттенить и уточнить можно многое — уже просто потому, что и затронуто там многое. Я убеждён, что такого рода рискованная публицистика верно (и корректно) служит мысли.

Я надеюсь, что Вы уже получили новую версию моей статьи о Бродском. Из неё Вы можете видеть, что *все* Ваши пожелания учтены мною ещё до их получения: так они естественны и бесспорны. Между прочим, я писал Вам, что собираюсь сократить «аппарат». Вы просто забыли об этом (что при Вашей работе совсем немудрено).

Будете ли Вы печатать статью Бейзера о Биробиджане? Пригодится ли фотография?

Ариэль Голан очень огорчён, что его статья о Кавказе пойдёт без фотографий (действительно, мастерских и выразительных, — чего стоит хотя бы вид покинутого древнего села!). Вам он посылал копии фотографий, ибо оригиналами очень дорожит. Может быть, Вы всё-таки напишете ему? Его адрес: Ariel Golan, Merkaz Klita Gilo 88/14, Jerusalem, Israel. Он очень ждёт вестей от вас (и гонора, ибо нуждается).

Вы спрашиваете, получил ли я журнал №5 и гонорар: да, большое спасибо. Получил я и реплику Хазанова об авангарде, очень интересную, — но ставящую меня в затруднительное положение. Обращение «Дорогой мастер» (столь естественное в европейских языках) по-русски звучит иронически или вызывающе. Ещё не знаю, как я сумею выскользнуть из этой западни.

Что если я придумаю и буду вести у вас постоянную руб-

рику? (можно под псевдонимом). Тысяча марок в месяц позволила бы нам не умереть с голоду, а, может быть, и удержать квартиру. В 1984 Вы предлагали мне нечто подобное.

Место, где должна быть опубликована наша *Переписка из двух углов*, хорошо бы определить уже сейчас. Что Вы об этом думаете?

Обнимаю Вас,

Ю. К.

Из этого письма видно, что 17 февраля 1988 года у меня ещё нет копии 52-й страницы статьи А. Н. Артёмова из 5-го номера *Посева* за 1985 год, где сведения о Цезаре Вольпе практически совпадают с моими.

Мюнхен, 23 февр. 1988.

Дорогой Юра,
пишу Вам по странному и неожиданному для меня поводу. Мы получили из Москвы письмо о том, что дочь Цезаря Вольпе Елена Цезаревна Чуковская намерена прислать в редакцию протест, а может быть, и принять какие-то другие меры в связи со статьей Ю. Колкера «Живут и исчезают человеки...», где сообщаются некоторые сведения о Ц. Вольпе. Я пытался дозвониться до Вас, но неудачно. Коллеги [то есть Кронид Любарский и Вадим Меникер, сменивший в качестве соредатора Сергея Максудова в июле 1985 года] раздосадованы. Очень прошу Вас прислать срочно письмом (express) какие-нибудь данные о том, какими источниками Вы пользовались, сообщая о Вольпе.

Жму руку. Ваш Г. Ф.

Неправедное негодование по поводу моей статьи с пересказом невероятной судьбы Цезаря Вольпе удалось унять отсылкой в *Страну и мир* (разумеется, срочным письмом) фрагмента статьи А. Н. Артёмова *НТС и Освободительное движение времён войны* (*Посев* №5, 1985), что я сделал до 9 марта 1988 года. Не знаю, преследовала ли Е. Ц. Чуковская журнал *Посев*, негодовала ли на него. Знаю наверное, что негодование её и ей подобных было вызвано *предположительным* сотрудничеством Цезаря Вольпе с генералом Власовым, главой освободительного антисоветского движе-

ния. В этом кроется нечто курьёзное, комическое. Советские правозащитники (Е. Ц. Чуковская — лауреат премии имени Солженицына), в большинстве своём евреи, боролись за права человека с советской властью, прав человека не признававшей, — во имя советской власти! То есть они-то и были самыми советскими людьми на свете, тогда как советская правящая верхушка давно сделалась в своей сущности антисоветской. Но в 1991 году советская власть слиняла в одночасье, и громадное большинство советских людей сменило идеологию, как перчатки, даже перемены в себе не заметив. Для этого большинства генерал Власов из предателя разом стал героем. Не думаю, чтобы Е. Ц. Чуковская (1931-2015) принадлежала к этому большинству.

Неправедным же негодование против меня было вот почему: в моих словах о *предположительной* судьбе Вольпе не было клеветы, не было намеренного очернения Вольпе. В отличие от правозащитников, не понимавших, что они невольно борются против советской власти, я боролся против советской власти сознательно. Как и многие другие, я допускал, что в сороковые годы поражение Совдепии от Германии могло привести к возрождению России, к утверждению «России новой, но великой» (Ходасевича). Ещё были живы П. Н. Милюков (1859-1943), А. Ф. Керенский (1881-1970) и другие деятели, представлявшие настоящую Россию. Именно унижение Совдепии казалось мне путём к избавлению от большевизма; не помещало ведь поражение Франции «возрождению её величия» (по слову де Голля).

Я трудился во имя будущей России. До внезапного крушения большевизма (которого никто не предвидел) собирание по крохам того, что от нас утаивали, и публикация этих сведений — не одному мне казались задачей первостепенной и возможной только в эмиграции. Да, я опирался на устное предание, на слухи, но эти слухи были реальностью, притом всеобщей, а устное предание рано или поздно становится письменным, должно стать письменным, и кто-то должен взять на себя смелость записать его. Е. Ц. Чуковская прекрасно знала, что мою (и Артёмову) версию судьбы Вольпе обсуждают в кругах либеральной интеллигенции, но хотела замалчивания этих слухов, будто бы оскорбляющих Вольпе. Для неё, как и для многих в ту пору, печатное слово становилось правдой, в то время как для людей думающих — в печатных материалах каждому автору всегда оставлялось право на ошибку. Ведь я же не утверждаю, что

Вольпе стал власовцем. Моя формулировка «трагический анекдот» (не «трагический эпизод»!) не была понята и услышана. Анекдот по самому своему определению есть *малый жанр фольклора*, то есть слух, версия. Замечу и то, что представление, будто бы одним позволительно знать больше других (интеллигенции — больше, чем простонародью) по своей природе — очень советское. Е. Ц. Чуковская дожила не только до крушения её мечты о социализме с человеческим лицом, но и до эпохи интернета, которая практически стёрла границу между слухом и публикацией, что было, в некотором роде, торжеством моей правды, моего подхода.

Следующее письмо получено мною от Кронида Любарского, ведущего соредактора журнала *Страна и мир*. Оно полно придилок к моей статье о Бродском, которую, напоминая, я вовсе не предлагал журналу, а всего навсего послал Борису Хазанову на критику как частному лицу и другу. Несмотря на свои придижки Любарский хочет напечатать эту статью, потому что в декабре 1987 года Бродский получил Нобелевскую премию, и журналу нужно откликнуться на это событие.

[26.02.88]

Дорогой Юра!

Я хочу Вам сообщить некоторые мои впечатления от Вашей рукописи о Бродском. Может быть, Вы не найдете их вполне обосновательными. Прежде чем приступать к делу, хочу заметить, что я был огорчен появлением второго варианта рукописи. Дело в том, что первый вариант был уже полностью набран. Новый вариант — это не несколько поправок, которые можно без труда внести в набор. С точки зрения наборной — это совершенно новый текст. Значит пятидневная работа оказывается выброшенной на ветер. Это — неуважительное отношение к чужому труду; отправив рукопись в редакцию, тем самым принимают на себя некие обязательства. Но нет худа без добра. По крайней мере такая задержка дала мне возможность ознакомиться с рукописью. Я прошу Вас выслушать точку зрения не только редактора, но и читателя, возможно, не очень рафинированного, но наверное и не самого худшего из тех, что ожидают Вас.

С самого начала, должен сказать: мне импонирует критический пафос статьи, диссонанс с хором славословий. Это всегда полезно. Да и, честно говоря, мое личное отношение к Бродскому во многом совпадает с Вашим. В статье много точных мыслей, остроумных и нетривиальных наблюдений. Статья как бы идет по восходящей: начавшись вяло, она по ходу дела крепчает, а в конце есть вообще великолепные страницы: и по мысли, и по языку. «Новое платье короля» и «Точность как служение» звучат иногда, как стихотворения в прозе.

Все это я к тому, что я очень хотел бы видеть статью на страницах нашего журнала и надеюсь, что это скоро и произойдет. Но для того, чтобы это произошло, желательно ее доработать. Притом доработка нужна кое-где основательная. Пока же основная часть статьи (за исключением отмеченных мною особо завершающих частей) оставляет впечатление спешки, небрежности. Статья явно не отлежалась.

Начну с одной особой претензии: с тона. Статья груба. В ней явно нет умения «истину царям с улыбкой говорить». Оскорбительные выражения буквально заполняют ее: «языковая бедность и глухота», «невладение словом» (стр.4), «недостаток поэтического мастерства» (стр.6), «умственная лень», «мнимое глубокомыслие», «унижает читателя», «говорит 'не хочу' там где ему следовало бы признать: 'не умею'» (стр.6), «в должной мере не владеет повествованием» (стр.7), «авторская глухота», «под сомнением мастерство поэта» (стр.8), «нехватка мастерства и равнодушие к слову» (стр.9). После этого несколько раз сделанное заявление, что критик таланта Бродского не отрицает, выглядит пустой дежурной декларацией. Хорош талант, у которого нет ни слуха, ни языка, ни мастерства, ни мысли, ни любви к слову, ни уважения к читателю!

Не будем спорить о справедливости этих оценок. Мне думается все же, что поэт с указанным Вами набором качеств едва ли бы завоевал ту всемирную славу, какой пользуется Бродский. Но, возможно, я неправ. Критик, если он действи-

тельно знает свое дело, может объяснить все это читателю, и не прибегая к грубостям и лобовым штампам-ярлыкам. Вам это по силам. Вы это должны тем более понимать, что сами очень чувствительны ко всему, что задевает Вашу личность, и реагируете очень болезненно. Стоит предполагать такую же чувствительность и в других. Не говорю уж о том, что энергичность Ваших выражений не идет и в самое отдаленное сравнение с теми, какие когда-либо применялись к Вам. Это моя первая просьба к Вам: оставив вполне основные мысли Вашей статьи, изложить их в выражениях парламентских.

Другая моя просьба касается языка и небрежности формулировок. Видимо Вы писали второпях и не воспользовались советом, который Вы же сами даете Бродскому на стр.4: отложить текст (ну, пусть не «на десятилетия») и подвергнуть его отделке. Разрешите мне привести Вам несколько примеров таких небрежностей.

Стр.29. Египетские пирамиды — не «тетраэдры», как пишете Вы. У них пять граней и, следовательно, они пентаэдры. Тетраэдрами являются советские бумажные пакеты для молока.

«Когда поэт неточен, он либо невежлив, либо не царь.» Имеется, очевидно в виду выражение: «Точность — вежливость королей». В русском языке у слов «король» и «царь» разное семантическое поле, разные ассоциации. «Точность — вежливость царей» звучит странно.

«Произведение искусства, быстро меняющее свой смысл и облик, теряет в эстетическом достоинстве. Зато и служение высокому искусству означает аскезу». Какой смысл имеет здесь возмездительный союз «зато»?

«Вещь, сделанная кое-как, больше привязана к своему времени, потому и способна подчас доставлять более острое непосредственное удовлетворение». Давайте-ка «препарируем» эту фразу, как Вы препарируете фразы Бродского по словам и по буквам на первых 9 страницах, совершив то, что Вы называли «вылавливанием блох» (Вы сами обосновали необходимость этой операции). Можно ли сказать: «острое удовле-

творение»? Удовлетворение есть уменьшение чувства. Бывает острый голод, но острая сытость, удовлетворение голода — это бессмыслица. Очевидно Вы хотели сказать «острое наслаждение» или что-либо в этом роде. Далее: в сравнении с чем «вещь, сделанная кое-как», вызывает «более острое удовлетворение»? Очевидно в сравнении с вещью, сделанной на совесть. Чем это объясняется? Тем, что «кое-как» больше привязано к своему времени, чем «на совесть». Подпишетесь Вы под таким выводом, обоснуете ли его? Ведь по смыслу фразы это утверждение абсолютное: больше привязано к своему времени не иногда, а всегда. Это удовлетворение доставляется лишь «подчас», а здесь таких оговорок нет. Конечно Вы хотели сказать не совсем это, и понятно, что именно: небрежно сделанная вещь может быть зато злободневной (небрежность подчас и объясняется спешкой из-за чрезмерной злободневности), и эта злободневность возмещает недостаток отделки, приносит большее удовлетворение, чем принесло бы совершенство вещи. Мысль интересная, но выражена она коряво. Я посвятил разбору одной фразы много времени (больше делать этого не буду), ибо согласен с Вашей позицией, что именно «вылавливание блох» выявляет внутренние слабости автора. В данном случае — не Бродского, а Ваши.

Стр.3. «Самовластным жестом обращая свои недостатки в свои же достоинства, он показал себя принцем крови». Фраза двусмысленна. Первая мысль по ее прочтении: принцы крови обычно обращают недостатки в достоинства. Но, поразившись бессмыслице такого утверждения, начинаешь понимать, что автор усматривает королевскую кровь в «самовластном жесте». Но тогда «принц крови» ни при чем. Принцы крови далеко не самовластны. Литературная ассоциация тут же подскажет нам твеновского принца Эдуарда, а современность — принца Филипа. Да и Вы сами, написали «принц крови» просто по небрежности, что выдает Ваша следующая фраза: «Но... поэт забыл, что и коронованные особы вольны лишь в пределах...» Принц крови — особа НЕ коронованная!

Простите, но Вы напросились сами. Разбирая побуквенно

отдельную строку Бродского, не стоило так подставляться.

Стр.2-3. «Повесть *Исаак и Авраам* посвящена мистическому действию, которого, к тому же, не произошло». «Действо» не равноценно «действию», действие — это театр, представление. Странное представление о жертвоприношении Авраама, как о действе. Что значит «к тому же»? Это выражение применяется для усиления: вор и, к тому же, лжец; умница и, к тому же, красавец... А здесь — чему? Мистическое, да к тому же несовершившееся? Это бессмыслица. Потом: почему это не произошло? Исаака, что ли, не дорезали, беда какая. Произошло одно из важнейших событий в еврейской, если не мировой истории. Некоторые исследователи Библии усматривают здесь символическое изображение отказа от человеческих жертвоприношений и перехода на другой уровень цивилизации. Далее. Ладно, пусть не произошло. Чего это Пушкин «Графа Нулина» написал? Наталью-то Павловну не изнасиловали, в конце концов, мог бы и не беспокоиться.

Стр.6. «В библейском написании и произношении имен праотцев удвоенно гласной нет. Согласная, при переходе в европейские языки, изменяется в первом из них не менее сильно, чем во втором». Имена праотцев были названы за несколько фраз до этого пассажа, и всякий читатель должен воспринять «первый из них», как «первый из европейских языков». Потом, подумав, он разберется, но спотыкание на языковой небрежности неизбежно.

Стр.7-8. «Конечной, неосознанной целью выпячивания недостатков у талантливого писателя может быть только их преодоление. Недостатки преодолеваются им изнутри, не так, как велит школа, и это постижение через отрицание выводит к мастерству другой дорогой». Что в этом пассаже имеется в виду под «постижением»? «Преодоление недостатков»? Почему?

Стр.12. «...Бродскому противостояло нечто цельное и необозримое: мировоззренческий монолит... несущий в себе нерасчлененный запас позитивизма». Что значит — «нерасчлененный»? Может быть «нерастрченный»? Непонятно. А

что такое — «расчлененный» запас позитивизма? С той же массой, но разделенный на отдельные порции? Не очень осмысленная метафора, «красивость» которой очень быстро исчезает.

Стр.12. «Человеческая судьба поэта либо сканирует вблизи одной из этих трех луз, либо целенаправленно движется от одной к другой». Противопоставление «сканирования» «целенаправленному движению» явно показывает, что вы называете сканированием нечто вроде хаотического блуждания. Между тем, слово «сканировать», не очень принятое в «обычном» языке и лишь изредка проникающее в него из научной терминологии, означает совсем другое: систематическое просматривание по определенному закону некоей площадки, например, поля зрения. Так, луч в трубке кинескопа сканирует по экрану по параллельным прямым, тесно примыкающим друг к другу. Метафорически «сканировать» можно было бы (не очень удачно) употребить, как «тщательно просматривать». Вы же употребили слово, не очень ясно представляя себе его значение. Как «тетраэдр» для характеристики пирамид.

Стр.14. «У поэта всегда довольно поводов для мизантропии — право же его быть мизантропом можно оспорить не больше, чем вменить ему оптимизм». Так по-русски сказать невозможно. Можно «вменить в вину», «вменить в заслугу», «вменить в обязанность». Что имели в виду Вы? Этот глагол невозможен без поясняющих слов, иначе получается то же, что «товарищи, не нарушайте».

Стр.15. «Утвердилась мысль, что лучшие умы в каждом поколении уходят не в изящную словесность, как прежде, а в математику и физику». Если «прежде» этого не было, то очевидно, что не «в каждом поколении». Видимо, Вы хотели высказать не столь обобщенное утверждение, а имели в виду «сейчас», «в наше время», «отныне» или что-либо подобное.

«В отличие от Бродского, Брюсов в конце жизни делает неуверенную попытку...» Для Бродского, к счастью, «конец жизни» еще не настал. Может быть подождет, и тогда отличие от Брюсова не окажется таким уж резким?

Стр.16. Пушкин, Брюсов, Бродский — «все трое, и в равной мере — эпонимы». Знаете ли Вы значение слова «эпоним»? А если да, то не поясните ли Вы, в чем эпонимичность Брюсова и Бродского, да еще «в равной мере с Пушкиным»?

Стр.17. «Я не вижу большого смысла в профессиональном жаргоне, предписывающем называть выдающихся поэтов — поэтами. К стихам эта авторитетная конвенция ничего не прибавляет». Снова вопрос об употреблении слов. В каком смысле жаргон или его употребление является «авторитетной конвенцией», что Вы, собственно говоря, имеете в виду?

Стр.19. «Идущая от футуризма головизна». Слово «головизна» — неологизм, в словарях его нет. Разумеется, право автора — заниматься словотворчеством, но желательно это делать, все-таки, так, чтобы неологизм не совпадал по форме с давно существующим словом. Ваш неологизм прежде всего приводит на ум «пироги с головизною», и лишь потом рассуждаешь, что ударение должно стоять на «а», а не на «и». Вам просто изменил слух. Можно было бы придумать иной, не менее подходящий неологизм, если уж старого словаря не хватило. (Кстати, на головИзму провоцирует еще и футуриЗм).

Стр.21. «Максимова, принадлежащая к кружку почитателей Бродского». «Кружок» — не то же самое, что «круг». Уверяю Вас, кружок почитателей Бродского в Монреале еще не создан, и едва ли Вы располагаете неизвестными мне сведениями об этом.

Стр.23. «Слово само воздает насмешнику в конвертируемой валюте». Не поясните ли смысл метафоры «конвертируемая»? Что оно добавляет к единственному возможному оттенку, уже имеющемуся в слове «воздает»? Это ребус. Боюсь, что причина его появления — та же, что и «конвенции», «эпонима» и т. п.

Стр.23. «Архитектор прошлого, не знавший железобетона, не могший назначать механические свойства своих конструкций, а исходивший только из наличного в данной мест-

ности гранита и диабазы, был и свободнее, и искуснее нашего современника, столь часто растерянного и бездуховного». Вдумайтесь, ради Бога, какую фразу Вы написали! Почему Вы думаете, что архитектор, строящий из железобетона, может «назначать» свойства своих конструкций? Не может. Он тоже должен исходить «из наличного» железобетона, его свойства иные, чем у гранита, но тоже вполне определенные. Вероятно, Вы имели в виду, что в наше время набор стройматериалов так широк, что архитектор может выбрать материал практически с любыми свойствами? Не очень верно, но допустим, что так. Ну и нужно было это сказать, а не то, что написали Вы. И сделать это было очень просто: надо было вычеркнуть причастный оборот «не знавший железобетона». Фраза стала бы лаконичнее и вернее.

Далее, причем здесь «растерянность и бездуховность»? Разве она связана с набором стройматериалов? А что, работающие в мраморе скульпторы сейчас столь же духовны, как и во время оно?

Стр.25. Вы разбираете двустийные: «Груда белых тарелок выглядит на плите, как упавшая пагода...» и слово «упавшая» кажется Вам излишним, «сравнение затемнено многословьем». Зачем же отсутствие собственного слуха приписывать поэту? НЕ упавшая пагода выглядит не как «груда», а как «стопка» тарелок. И лишь рухнув, она превращается в груду.

Стр.30. Вы сочувственно цитируете свою жену: «отправная точка (Бродского) — футуризм... фантазирование, искусственность, сверхчеловечество». Едва ли Костина имела в виду «сверхчеловечество» (? «людены» или «странники» братьев Стругацких?), а скорее — сверхчеловечность. Понимаю, что Вы за Костину не в ответе, но тогда надо было бы аккуратнее относиться к выбору цитат, да и, честно говоря, можно было бы по-семейному исправить очевидную языковую ошибку. Костина Вам простила бы.

Я уже устал выписывать примеры, хотя мог бы продолжать и продолжать: языковые ляпы, стилистические огрехи буквально усеивают статью. Они еще не были бы заметны в

статье на любую другую тему, например, в экономическом обзоре. Но к статье, главное содержание которой состоит в уличении поэта в небрежности, неряшливости, отсутствии слуха и чувства языка, — требования иные. Врачу — излечиться сам.

Теперь, я хочу заметить еще одно. Вы неоднократно делаете Бродскому такие (совершенно справедливые) упреки: «неспособность говорить естественно» (стр.31), «затемняет текст, словно оберегая его от черни» (стр.30). Места статьи, где Вы выступаете в защиту литературной ясности — вообще лучшие в Вашей статье. Но как тогда прикажете воспринять такое, например:

«Большие таланты а молодости тяготеют к большим формам, а эти последние редко удаются писателю без формального задания, интригующего читателя и, главное, поощряющего автора, который помимо основной идеи постоянно имеет перед глазами второстепенную, вспомогательную, смиряющую и одновременно гармонизирующую вдохновение. Формальное задание (не обязательно новшество) служит еще для накопления *количества движения*, которое затем, внутри поэмы, в силу инерционных свойств, помогает преодолевать подъемы, подпитывает вдохновение в тех случаях, когда последнее оскудевает.

Бродский решает проблему махового колеса парадоксальным образом: он гипертрофирует, доводя почти до абсурда, те качества своих стихов, за которые их более всего упрекали: композиционную неуравновешенность и лексико-грамматическую невнятицу.»

Или такое: «Скажут: критик раболепствует перед синтаксисом, не разглядел гераклитовой метафоры, где семантические элементы и не должны создавать статической иерархии». (Стр.33).

От дальнейшего выписывания меня удерживает только непомерно разросшийся объем письма. В общем, я согласен с Вашим собственным выводом (стр.33): «Умышленные темноты (литературная мистика) часто являются признаком неуда-

чи в попытке одушевить слово».

Хочу отметить ряд странных (отнюдь не темных) утверждений, которые следовало бы как-то пояснить либо отказаться от них. Как понять упрек Бродскому (стр.24), что им, «с высоты последующего писательского опыта, не были устранены очевидные огрехи в лучших из его ранних вещей»? Значит ли это, что Пушкину позднее тоже следовало бы поработать еще над «О Делия драгая» и т. п.?

Верно ли (стр.14), что процесс «планетарной демократизации» был в СССР «заторможен созданием союза писателей». (Вы скажете, что я не понял Вашей фразы. Верно, и я даже догадываюсь, как ее следовало бы понимать, вырази Вы свою мысль без языковой небрежности. Но даже и в ее идеальном понимании высказанная мысль слишком плоска. Были причины и поважнее).

Не слишком ли смело, и не нуждается ли в аргументации утверждение (стр.13) о «единой в середине 1960-х русской интеллигенции»?

Не следовало ли бы развить хоть немного парадоксальное утверждение, что нежелание Бродского склонять фамилию «Венцлова» имеет сексуальный оттенок (стр.27)? Приводимое там довольно пространное рассуждение никак не подводит к этой ударной концовке.

Следующее, что мне хотелось бы Вам заметить — это поза, которую Вы заняли в статье по отношению к читателю. Так (стр.14) Вы для доказательства одного из Ваших утверждений небрежно заявляете: «достаточно вспомнить эпigramму А. Майкова на Байрона». Согласитесь, что эпigramму А. Майкова на Байрона могут не знать не только необразованные биндюжники, я проверил это на многих, отнюдь не самых серых и тупых знакомых. Все же это не общее знание. Тактичный автор вкрапит в текст это замечание так, что читатель непринужденно «вспомнит» этот текст, даже не зная его, или не почувствует своего незнания. Но для этого, конечно, нужно мастерство.

Собственно, поза эта (чуть брезгливого презрения) чув-

ствуется во всей статье (не задана ли она одним из эпиграфов — пушкинским?). Ее сопровождает очень высокая самооценка. Ну скажите, ради Бога, зачем Вам потребовалось примечание I на стр.1? Вторая его часть понятна: надо сообщить, что Вы писали еще до Нобелевской премии, это, действительно, существенное — психологически — обстоятельство. Но кому какое дело, что «выбор материала определился обстоятельством чисто внешним: предложением, исходившим от одного из европейских университетов». Если Вы считаете тему для читателей важной, то какое имеет значение, кто Вам ее предложил? Или оговорка сделана для копирайта? Так нет: университет даже не назван. Очевидная цель только одна: Колкер — человек значительный, ему европейские университеты статьи заказывают! Неужели Вы сами не ощущаете этой унижающей Вас нескромности?

Я очень прошу Вас дать немного отлежаться Вашей статье, а потом пройти по ней отстраненным взором, как если бы перед Вами был не Колкер, а Бродский, безжалостно ее выправить. Поверьте мне, в настоящем виде она Вас недостойна. Вы способны на гораздо большее, когда не теряете критичности к себе и доли юмора в самооценке. Мы будем рады ее тогда напечатать. Если Вы в процессе переработки еще и сможете сократить статью (это возможно и даже полезно: в статье много балластных, проходных мест), то это нам сильно облегчит дело. В таком виде она очень уж велика для СиМ. Можно, конечно, и такой объем взять, но журнал это не украсит. Если бы вместо 38 да 28 страниц!

Если Вы настаиваете на публикации в таком и только в таком виде, то я, конечно, не буду возражать. Я вовсе не хочу выступать в роли цензора. Но я в таком случае оставляю за собой право снабдить статью своими замечаниями. Это для меня важно с единственной точки зрения — в настоящей форме статья меня, как редактора, компрометирует.

Два слова о другом. Геня показал мне Ваше письмо о Вольпе. Простите но Ваши уклончивые рассуждения об оговорках, «анекдоте» и т. п. выглядят не очень красиво. Чтобы

Вы это почувствовали, я приведу ниже текст, в котором заменены только герой и его жизненные обстоятельства, а структура текста оставлена неизменной:

«Умолчания тоже дали бы немало анекдотов, по большей части трагических. Приведем один из них: поразительную историю литератора Юрия Колкера. Он "не выехал в Израиль на постоянное жительство", а под псевдонимом Васильев писал погромные статьи в газете "Труд", пока не был уличен в сотрудничестве с КГБ и предан общественному ostrакизму».

Как бы ВЫ себя почувствовали или Ваша жена, прочитав где-либо такой текст? Утешило бы Вас упоминание об «анекдоте»? Боюсь, что Вы присоединились бы к тем, кто «по обыкновению не замечает».

Впрочем, обстоятельства сейчас таковы, что, будь Вы в своих оговорках и объяснениях правы сто раз, излагать их в тексте извинения было бы пределом безнравственности. Простой текст: «Прошу простить меня за допущенную бестактность. Я доверился людям, того не заслуживающим, и наказан за это. Моей вины это ни на йоту не уменьшает. Никаких сведений, подтверждающих позорящие Ц. Вольпе утверждения в моей рецензии, у меня нет». Такое заявление не только Вас не унизит, но вызовет большое уважение. Невнятные оправдания будут иметь эффект прямо противоположный.

Простите за то, что это письмо оказалось не очень приятным. Что делать: Платон мне друг, но истина дороже. Надеюсь, что по спокойном размышлении Вы согласитесь, что я не во всем уж неправ.

Искренне Ваш

Кронид

26.2.88

Признаю с горечью: смысла этого письма Любарского я в 1988 году не понял. Смыслом этого письма было его, Любарского, ко мне дружеское расположение — несмотря на недостатки моей статьи о Бродском и народное возмущение моими статьями о Липкине и о ленинградских писателях-фронтовиках. Его слова: «Платон мне друг, но истина дороже» есть подтверждение дружбы. А в первой части своего письма он и подход мой

одобряет, и даже восхищается некоторыми кусками моей статьи о Бродском. Винюсь: хорошего я в этом письме не услышал, придирки же Любарского, из которых иные справедливы, вызвали у меня приступ бешенства (проистекавшего, между прочим, отчасти от моей беспомощности, вызванной отсутствием домашнего телефона; полных четыре года мы жили в Израиле без домашнего телефона, что буквально застило половину моего делового горизонта, — ведь иные дела можно уладить, перемолвившись несколькими словами). Не дружеское расположение, а враждебность услышал я в письме Любарского. На неделю я бросил всё: мою университетскую биофизику, мои правозащитные заботы, мою помощь друзьям, мои семейные обязанности — и написал самолюбивому редактору дерзкий ответ на десяти страницах, в чём-то справедливый, но всё же не свободный от несообразностей. При этом моим дерзким тоном я, в сущности, рвал с лучшим тогдашним русским журналом, единственным близким мне изданием в русском зарубежье. Не стоило, ей-богу не стоило; но что было, то было.

Не позднее 4 марта 1988 (это была пятница) я отослал в редакцию *Страны и мира* срочным отправлением два материала: копию страницы 52 из журнала *Посев* №5, 1985, где А. Н. Артамонов (между прочим, бывший редактор *Посева*) пишет о Цезаре Вольпе и моё письмо с объяснениями, поправками и извинениями, предназначенное для публикации в журнале. Письмо это опубликовано не было, а вскоре от Любарского последовал и «отказ от дома», как Хазанов определил нежелание Любарского иметь со мною дело и печатать что-либо из моих материалов.

[не позднее 4 марта 1988]

Уважаемые гг. редакторы,

прошу вас поместить это письмо в качестве комментария, дополнения и уточнения к моей заметке *«Живут и исчезают человеки...»*, напечатанной в #5(41) вашего журнала за 1987 год.

Упомянутая заметка представляет собою рецензию на справочник В. Бахтина *Ленинградские писатели-фронтовики*, вышедший в Ленинграде в 1985. В ней я отмечаю как достоинства, так и недостатки книги, причем к последним отно-

шу: (а) замалчивание темы ГУЛага и еврейского участия в войне; (b) искажающие недомолвки и эвфемизмы во множестве писательских биографий; и (с) характерную для СССР чрезмерную почтительность к писательскому труду, позволяющую обожествлять признанных (властью) писателей и убивать — непризнанных.

Рецензенту только естественно было попытаться дополнить составителя по пункту (b), опираясь на слухи и предания. Это я и делаю, поминутно подчеркивая, что заметка пишется в условиях резкой нехватки проверенной информации. Она буквально пестрит ремарками типа: «можно предположить», «можно допустить», «приняв с необходимыми оговорками», «правдоподобные сведения», необходимо «доискиваться», «читатель, приученный к советским эвфемизмам, ошибётся, но не по своей вине», «конечно, так можно заподозрить и напраслину», и т. п. Эти ремарки и дают мне смелость в двух или трёх местах, в качестве комментария к аккуратным подсчетам и не вовсе тривиальным наблюдениям, дать сведения, почерпнутые из устной традиции.

Однако же людей и тем в заметке затронуто так много, что я не сумел снабдить подобными оговорками каждый случай. Более того, я допустил ряд фактических небрежностей. Две из них я прошу у вас позволения обсудить особо.

Рассказу о гибели литературоведа Цезаря Вольпе мною предпосланы слова «трагический анекдот», тоже имеющие смысл оговорки: анекдот подразумевает фольклорный, а не академический характер сообщения. Рассказ этот я слышал дважды, притом в географических пунктах, отстоящих один от другого на тысячи километров. Эта полифония придала ему в моих глазах некоторую достоверность. Я, кроме того, опирался на фрагмент из мемуаров А. Артёмова (*Посев* #5, 1985), однако воспроизвёл его по памяти, ибо в нужный момент журнала отыскать не сумел (нет его у меня и сейчас: ни одна из иерусалимских библиотек *Посева* не получает). При всём том, с учётом сказанного, мой рассказ всё же не носил утвердительного, категорического характера. Для тех, кто за-

трудняется увидеть это из текста моей рецензии, я заявляю об этом особо: настоящим письмом. Тем, кто счёл себя обиженным или чьи интересы оказались затронуты (читательские отклики показывают, что таковые есть), я приношу мои искренние извинения за допущенную мною ошибку. Возможно, эти читатели хотя бы отчасти удовлетворятся уже тем, что и сам я, ценящий аккуратность и отчетливость не менее художественности, глубоко уязвлен неправильным пониманием моих слов и формулировок, свидетельствующим о моей писательской неловкости.

В рассказе о писателе Д. Н. Але (Альшице) мною неверно указана причина его ареста. Профессор И. З. Серман уточняет, что Альшиц не только не проходил с ним по одному делу, но как раз показания Альшица фигурировали в деле Сермана и его друга А. Г. Левинтона, осужденных в 1949 по статье 53-10 (часть вторая). Во время войны Альшиц служил в Смерше и в дальнейшем своей связи с органами не порвал. Возможно, поэтому он даже не был вызван на суд в качестве очного свидетеля. Альшиц был сослуживцем Левинтона в ленинградской Публичной библиотеке и попросту передавал по инстанции содержание их частных бесед. Посажен Альшиц был позже, вероятно, в 1950, а освобожден в 1956.

Уже самое наличие многочисленных читательских реплик могло бы убедить вас, гг. редакторы, что выбранный мною рискованный путь составления рецензии (присоединение к фактам и оценкам — слухов и мнений, цитирование по памяти) не бесплоден, ибо служит исторической правде по меньшей мере косвенно. В допущенных мною неточностях не было злого умысла. Я уже наказан за них, ибо привык вполне отвечать за каждое моё слово. Однако же я в какой-то мере предвидел это наказание и сознательно шел на риск: справочник (как вы сами теперь видите) заслуживал разговора, но внимания к себе не привлёк. Работать же всем нам приходится в обстановке столь специфической, что и страстная приверженность к точности не всегда ограждает от досадных фактических ошибок.

С искренним к вам уважением,

Юрий Колкер

Yuri Kolker:

36/4 Ha-Arba'a St

Pisgat Ze'ev, Jerusalem, Israel

9.03.83, Иерусалим.

Дорогой Кронид,

спасибо за Ваше письмо от 26.02.88 и содержащуюся в нем критику: она пришлась как нельзя кстати. Читавшие до Вас либо вообще хвалили, либо вообще ругали (исключение составляет Файбусович, сделавший несколько важных замечаний), мне же не хватало именно такого детального и придирчивого разбора, Теперь я прошу у Вас позволения перейти к частностям.

Текст, уже набранный вами (журналом; «пятидневная работа, выброшенная на ветер»), не предназначался для публикации по-русски и не был мною предложен вашей редакции, стало быть, и никаких обязательств перед вами я на себя не брал. Текст этот был послан Файбусовичу как частному лицу и моему товарищу, с просьбой высказаться о нем возможно более взыскательно: это был промежуточный вариант, подлежащий доработке. Когда в своем письме от 31.10.87 Геня предложил мне его напечатать, я ответил (письмо от 19-30.11.87, копия сохранилась), что я очень рад этому предложению, — но прошу статью пока не набирать, а дожждаться следующего, третьего «слоя», Затем я еще дважды повторил эту просьбу в моих письмах к Гене. Просил я также не слишком спешить с публикацией статьи: поместить ее во втором, а не в первом номере. Из сказанного Вы, я надеюсь, увидите, что никакого повода для резонёрства у Вас нет, и упрекать меня в неуважении к чужому труду было с Вашей стороны поспешностью.

Допустим, далее, что Вы правы, и моя статья груба по тону (Вы первый из читателей, кто на это указывает; например, Ваш коллега [то есть Хазанов] отмечает в ней «благородную

сдержанность»). Но тон предшествует литературному сочинению и является его единственной инвариантом. Поменять тон — значит поменять автора. Однако же мысль Вашу, что тон мой груб, Вы подкрепляете столь странно, что я невольно спрашиваю себя: серьезны ли Вы здесь? В самом ли деле Вы полагаете, что рядовое критическое замечание типа «недостаток поэтического мастерства» — это оскорбление? Простите, но это звучит почти дико. Может быть, и мне следует вызвать Вас на дуэль за то, что начало моей статьи Вы находите вялым, а тон грубым? Или речь идет об оскорблении величества? Совершенно не к месту и цитата «истину царям с улыбкой говорить». Бродский, точно, царь, — но я не отношусь к числу его подданных. Безотносительно к вопросу о подконтрольных территориях и казне (т. е. о таланте, славе, влиянии на современников и т. п.), я — тоже владетельная особа, и мой мандат получен в той же инстанции, что и таковой Бродского, а не по-соседству. В этом (разумеется, *только* в этом) смысле, в этой суверенности — мы равны. Так что Вам гораздо уместнее было бы процитировать другие слова того же автора: «к ногам народного кумира...». Этот подход просматривается в моей статье и отмечен Вами как достоинство. [Все эти мои слова не совсем к месту. Любарскому не понравилось слово *царь* (вместо слова *король*) в моей фразе: «Когда поэт неточен, он либо невежлив, либо не царь». Мне следовало бы объяснить, что, намеренно меняя *короля* на *царя*, я напоминаю читателю слова Пушкина из стихотворения *Поэту*: «Ты царь», — то есть отсылаю читателя одновременно и к пословице, и к Пушкину.]

Вы абсолютно правы: если все выписанные Вами из моего текста оценочные реплики *адресовать поэту*, то слова о его несомненном таланте в том же тексте будут звучать курьезно. Но Вам, боюсь, придется признать, что с моим текстом Вы обошлись не вполне корректно. Укажите мне хотя бы одну из упомянутых реплик, обращенную к Бродскому вообще, — и я тут же перестану Вам перечить. Таковых нет: каждая касается конкретного фрагмента текста Бродского и

является *выводом*, результатом открытого рассуждения, в котором читатель приглашается участвовать наравне со мной. Не приняв рассуждения (найдя его глупым), он с легким сердцем не примет и вывода. Именно поэтому слово *оскорбление* здесь совершенно не годится: на дураков не обижаются. Вообще, оскорбление предполагает поступок безосновательный и/или непоследовательный. С углубленным разбором частных, с авторской рефлексией (которой Вы у меня странным образом вовсе не замечаете) он не вяжется. Стало быть, Ваши слова о грубости, оскорблении и «клобовых(!) штампах-ярлыках» я просто не принимаю, полагая, что в них — больше от Вашего человеческого отношения ко мне, чем от вдумчивого анализа.

Прошу Вас, поясните мне, в каком именно смысле «всемирная слава Бродского» является аргументом в нашем с Вами разговоре о качестве его стихов. Не следует ли принимать в расчет всероссийскую и всемирную славу Маяковского, сравнивая его стихи, скажем, со стихами Анненского? Всемирная слава делается. Качества, необходимые для ее завоевания, лишь отдаленно соотнесены с поэтическим даром. Современники бывают слепы.

Статья моя, конечно, не писалась второпях, Вы не можете Этого не понимать. Обыкновенно в редакцию я отправляю третий, но чаще четвертый слой. Лежала статья (теперь уже) достаточно, недостатки есть в каждом тексте, и любая конструктивная критика, позволяющая сократить их число, для меня драгоценна. Обсудим коротко Ваш список, Пожалуйста, следите по абзацам Вашего письма: между ними и абзацами моего — имеется соответствие (хоть и не взаимно-однозначное).

С Вашей стороны было большой любезностью объяснить мне разницу между тетраэдром и пентаэдром, однако же ошибка моя в статье — отнюдь не математическая или тем паче лексическая: я не был в Египте и действительно думал, что у пирамид помимо основания три грани. Поэтому Ваши слова о том, что я «употребил слово, не очень ясно представ-

ляя себе его значение» (несущие, согласитесь, некоторый оттенок злорадства, никого не украшающий), мягко говоря преждевременны.

Разницу между царем и королем я хорошо понимаю, и, в свете пословицы, готов оттенить ее стилистически: большего здесь и не требуется. Вы могли бы заметить, что пословицу в предлагаемой Вами форме я не привожу. Стало быть, Вы домысливаете. Но если так, то я не вижу, отчего бы Вам не домысливать в благоприятном для меня направлении, в том, к которому я подвожу читателя: король и царь — оба монархи.

Противительный союз *зато* имеет у меня смысл возмещения и противопоставления. «Произведение искусства, быстро меняющее свой смысл и облик, теряет в эстетическом достоинстве [по сравнению с менее изменчивым, выполненным более тщательно, т. е. — в предлагаемой модели — стоящим ближе к высокому искусству. Тщательность требует большей душевной отдачи, поэтому] служение высокому искусству означает аскезу.» Примерно такой текст заменен у меня этим коротким словом. В развитом и заинтересованном читательском сознании он легко достраивается. Если хотите, я разверну мою мысль в статье, хотя она и так вполне прозрачна. Я дорожу краткостью, а статья и без того разрослась.

Вы не можете не отдавать себе отчета в том, что претензии к поэтическому тексту всегда выше, чем к прозаическому: первый представляет более высокий уровень организации речи, отношение между мыслью и формой в нем другое: более напряженное. Поэтому Ваши слова о том, что я напрасился сам на придирки, напрасны, а параллель между стихами Бродского и моим эссе недобросовестна (она, не в первый и не в последний раз в Вашем письме, обнаруживает скорее желание меня задеть, чем желание быть справедливым).

Удовлетворение есть столько же уменьшение, сколько и увеличение чувства: чувства довольства. «Острое удовлетворение» не большая бессмыслица, чем «молодые годы»: оба словосочетания демонстрируют известный Вам литературный прием перенесения качества. Наслаждение, в самом де-

ле, подразумевается, маячит за удовлетворением, ибо является его степенью. Словом, Вы не правы — но я готов уступить и пошевелить текст, потому что люблю уступать и хочу быть внятным.

Да, я подпишусь под выводом о том, что вещь, сделанная кое-как, любая вещь, больше привязана к своему времени, чем вещь, сделанная на совесть, и не иногда, а всегда. Довольно и того, что первая быстрее разрушается. Ее отличия не сводятся к злободневности. Удовлетворение же она способна интенсифицировать очень часто, но, Вы правы, не всегда. Это и сказано в моем тексте, если читать его внимательно. Вы не поняли моей мысли, переиначили ее — и объявили корявой; что ж, это тоже способ критики.

Во фразе «Но... поэт забыл, что и коронованные особы вольны лишь в пределах...» союз *И* выступает в качестве усилительной частицы, поэтому всё Ваше построение (и проглядывающее за ним самолюбование) ошибочно. Я говорю: принц позволил себе то, что непозволительно *даже* монарху. Самовластный жест может произвести не только принц крови, но естественнее ожидать такого самовыражения от принца, чем от нищего. Далее, особы, наделенные властью, привыкшие к тому, что другие от них зависят (не обязательно из королевской фамилии, в качестве отдаленного примера подойдете и Вы), не любят, когда им говорят об их недостатках, и склонны выдавать (обращать) свои недостатки за (в) свои достоинства. Не правда ли, возразить тут нельзя? Поэтому Вам и не следовало слишком уж «поражаться бессмыслице такого утверждения». Утверждения, кстати сказать, Ваше: ведь Вы одно слово (*свои*) убрали и одно (*обычно*) добавили. Разрешите спросить, известно ли Вам, как называется этот прием у карточных игроков?

Вы пишете: «действие — это театр, представление». Не согласитесь ли Вы, что во всяком обряде есть нечто от театра? (Мне даже кажется, что театр вообще вышел из обрядности.) Или, быть может, жертвоприношение — не обряд? Слова «к тому же» выполняют в моем тексте присущую им функ-

цию. Бродский отстраняет не только реальность, но (*к тому же*) и действие. Бессмыслица не в том, что я ставлю эти два отказа в один ряд, а в том, что Вы увидели в таком соединении оттенок осуждения. Его нет, стало быть, и граф Нулин здесь, говоря по Вашему, «ни при чем»: так, «красивость». Символическое значение жертвоприношения Исаака мне известно. Исаака действительно «недорезали, беда какая» (странная, кстати, формулировка): жертвоприношения не произошло, произошло другое.

«В библейском написании...» — относящееся к этой фразе Ваше замечание, пожалуй, справедливо, а мотивировка — опять с червоточинкой. Верно, имена названы за несколько фраз, но сочетание «имена праотцев» стоит в предыдущей. Было бы куда убедительней, если бы Вы просто сказали, что споткнулись здесь и советуете мне взглянуть в текст. Поправить его нетрудно.

Преодоление недостатков есть постижение потому, что Истина и Красота — два лица одной и той же сущности. Неужто и это новость?

«Нерасчлененный запас позитивизма» и в самом деле может напомнить читателю, что сейчас сосуществуют несколько вполне обособившихся позитивизмов. Например, позитивизм марксистов, позитивизм *Памяти*, позитивизм Осипова [?!], позитивизм академика Лихачева. Быть может, это и «красивость», которая «быстро исчезает», зато Ваша подстановка — «нерастраченный запас» — банальность, которая надолго остается. Вы отказываете мне в праве творческого отношения к языку — и, приходится допустить, потому, что сами Вы с таким не знакомы и живой материи слова не чувствуете.

Мне хорошо известно значение слова *сканировать*, употребленного мною вполне уместным образом. Сканирование есть движение (не обязательно строго) периодическое. Шар, перед тем как сесть в лузу, может совершать вокруг нее периодические движения (при некоторых простых условиях, налагаемых на поверхность движения, которую не обязательно представлять себе бильярдным столом, и на начальное уско-

рение). Уподобление конца луча шару — метафорическая смелость, понятная восьмикласснику. Вы опять вчитываете Ваш смысл («хаотическое блуждание») в мои слова и спешите иронизировать.

По временам мне кажется, что Вы слепы намеренно. «Поясняющее слово» в конструкции «вменить...» — не опущенная мною модальность, ибо таких модальностей может быть всего две или три (Вы очень уместно их перечислили), а дополнение (на чью роль годится множество слов и словосочетаний), и дополнение у меня на месте. Нет ни малейшего сомнения в том, какую из опущенных модальностей надлежит здесь выбрать: художникам еще недавно вменяли (в обязанность) быть оптимистами, и читатель, знакомый с советской действительностью, тут же воспринимает цепь ассоциаций, идущих от этой недомолвки (которой, признаюсь Вам, я горжусь). Зато когда Вы хотите проиллюстрировать мою будто бы неловкость, то берете не тютчевское «сквозь слез» (означающее: сквозь пелену слез), а вульгарное «товарищи, не нарушайте», т. е. опускаете как раз дополнение. Это ли не предвзятость?

«Утвердилась мысль, что лучшие умы в каждом поколении уходят не в изящную словесность, как прежде, а в математику и физику.» Вы рекомендуете здесь уточнение типа «сейчас», «в наше время», но это было бы только избыточностью: глагол стоит в настоящем времени. Впрочем, если настаиваете, я поправлю.

«В отличие от Бродского, Брюсов в конце жизни...» — здесь, Вы правы, есть оттенок бестактности, связанный с тем, что слова «конец жизни» могут быть восприняты как распространяющиеся на Бродского; исправление необходимо.

Да, я знаю значение слова *эпоним*. Ваш вопрос показывает, что Вы допускаете лишь его буквальное прочтение, мне же кажется возможным и плодотворным и тот (расширительный) смысл, в котором это слово употреблено в статье. Этот расширительный смысл, замечу, всё же много уже того, который имеет английское слово *epонут*, а языки ведь взаимодей-

ствуют. Вообще, значения изменяются, дрейфуют, и все мы участвуем в их метаморфозах. Но я готов признать, что *эпоха Пушкина*, *эпоха Брюсова* и *эпоха Бродского* — звучит по-разному, и слова «в равной мере» снимаю.

О поэтах и поэтессах. Не вообще всякий жаргон является авторитетной конвенцией, но, например, Вы не скажете *кóмплексное число* о математике или *астрóном* в другой известной Вам науке: профессиональное соглашение предписывает иное ударение. Говорить «она — поэт» — жаргон околотеатральных снобов. Но это не всегда было так. Был момент, когда эта лексическая фигура несла очень важную смысловую и даже нравственную нагрузку: недаром она подкреплена *авторитетами* Ахматовой и Цветаевой. Теперь роль этой замены кажется мне сыгранной (даже переигранной), и я убежден, что слово *поэтесса* заслуживает реабилитации. Вот Вам «авторитетная конвенция», сейчас свою авторитетность теряющая. Много ли тут нового для Вас? Чего, «собственно говоря», Вы не поняли?

Слово *головизна* в употребленном мною смысле едва ли можно назвать неологизмом: оно встречается у Пастернака («И вымыслов пить головизну Тошнит, как от рыбы гнилой.», 1931) и вообще бытует; его исходное значение полностью вытеснено, а новое связано с футуризмом. Ударение Пастернак ставил на *И*. Вам просто изменила память.

Кружок — это еще и маленький круг, и уж во всяком случае не только кружок в узком смысле, на котором Вы настаиваете; если Вам это сколько-нибудь важно, то эту поправку я принимаю.

Причина Вашего недоумения по поводу слова *конвертируемая*, увы, та же что и по поводу слов *конвенция*, *эпоним*: непонимание. Дословное значение — превращаемая, обращаемая. Конвертируемая валюта позволяет вернуть долг сполна. Слово воздаст поэту в (метафорической) конвертируемой валюте, а не *той же монетой* (по пословице), ибо эти двое — (метафорические) граждане различных (метафорических) стран. А вот «единственно возможный оттенок», имеющийся

в слове *воздает* и роднящий это слово со словом *конвертируемая*, я, пользуясь Вашей лексикой, решаюсь определить как ребус.

Железобетон изготавливается из набора ингредиентов, уже поэтому его свойства варьируют в нешироких пределах. Гранит тоже бывает разный, но желательный сорт может оказаться очень далеко. Что касается современных материалов, то, это хорошо известно, их свойства можно планировать уже в довольно широких пределах. Внимательный читатель увидит в моей фразе не только всё это, но и «кинетику процесса»: то, что возможности варьирования нарастают. Эта невысказанная мысль содержится в *построении* предложения, подчеркивающим нарастание возможностей. Этой мыслью, уступая Вашему (по существу ложному) пафосу, я готов пожертвовать, т. е. снять мешающий Вам деепричастный оборот.

Растерянность и бездуховность современного художника сложным образом связаны с прогрессом в порабощении матери. Ваш вопрос о скульпторах — риторический, т. е. лишний. Он ничуть не затрагивает цитируемый мною тезис Шишкова.

Груда тарелок, вполне потерявшая форму стопки, перестает быть образом пагоды. Но пусть я не прав: каким образом мою зрительную дефективность Вы простираете до отсутствия слуха?

Сверхчеловечество как общность сверхчеловеков существует только в научной фантастике, вообще же это качество человека, Слово *сверхчеловечность* неупотребительно, mannerно и бедно оттенками. Нужного смысла и напряженности я в нем не нахожу. Я, конечно, не несу ответственности за свою жену [речь о статье: Татьяна Костина. «*Дивясь красе жестоковыйной...*» (К 50-летию Александра Кушнера), *Русская мысль* № 3640, 1986], но в данном смысле с ее лексикой согласен (потому и цитирую). Но разрешите спросить, что Вы имели в виду, ставя мне на вид *семейственность* ?

Если Вы и впрямь уверены, что «языковые ляпы и стилистические огрехи» «усеивают» [мою] статью, то мне реши-

тельно непонятно, что мешает Вам как редактору эту статью попросту отклонить. Уж ни обязательство ли, принятое на себя (и на коллектив) Вашим коллегой [Хазановым]? Я, как вы помните, журналу статью не навязывал, а уступил просьбе. Но Вам, если Вы искренни, «очень хотелось бы видеть статью на страницах нашего журнала». Мне — тоже, но только при условии, что редакция отдает должное моему труду и моему месту в литературе (которое я понимаю как скромное, но достойное). Ибо моя статья — явление литературное, а внутреннее право на такой ракурс критики дает мне мой опыт поэта. Что до «врачу — излечися сам», то Вы опять подтасовываете, ставя в один ряд тексты стихотворный и критический. [Тут — забавность: половицу «вра́че, исцелися сам!», восходящую к евангелию от Луки, Любарский понимает не как обращение (форма вра́че — звательный падеж), а как приказ, императив... но это заблуждение — совершенно всеобщее.] (Да и критик — совсем не врач.) Не взять ли мне следующую производную и не показать ли Вам Ваши ляпы в письме, в котором Вы учите меня языку? А вместе с ляпами — и грубость, которая тем рельефнее оттенит мой сдержанный и примирительный тон? Ибо мое учительство выгодно отличается от Вашего как раз корректностью.

Двинемся дальше. Воспринимать талант «Большие таланты в молодости... лексико-грамматическую невнятицу» я рекомендовал бы прямо по смыслу, отчетливому и не затемненному. Из того, что Вы его не поняли, не следует, что он непонятен. На чтение моей статьи Вы едва ли потратили больше одного дня, а писал я ее полгода (по другому счету 6 лет), выверяя на смысл и звук каждую фразу. Гераклитову метафору (известный термин, введенный Мандельштамом) я готов пояснить.

Цитированный Вами «мой вывод» об умышленных темнотах и в самом деле настолько верен, что я не стану возвращать его Вам в духе Вашей иронической риторики. Вы смеесть над собой. Эта риторика на деле обращена против Вас — и воздаст Вам в конвертируемой валюте.

Поясните, пожалуйста, почему мне следует отказаться от моей мысли о желательности дорабатывать старые произведения? [Вот где мой главный промах в этом письме: стоило напомнить Любарскому, что Боратынский совершенствовал свои ранние стихи спустя двадцать лет и сам Пушкин переделывал свои лицейские опыты для печати.]

Вы также крайне обяжете меня, если объясните, как именно «следовало бы понимать» мои слова о заторможенности урегулирования между поэтом и читателем, происшедшей из-за создания СП, помимо их прямого смысла, и заодно научите меня, как тут обойтись «без языковой небрежности». Сам я свою мысль плоской не нахожу. Но и окажись она таковой, мне придется напомнить Вам, что погоня за оригинальностью — не моя добродетель, и что человеку, дорожащему истиной, иногда приходится повторять мысли не слишком броские, но зато верные.

Интеллигенция 1960-х, конечно, не была едина вполне, в этом вопросе Ваша компетентность много превосходит мою, однако сравнительно с теперешней интеллигенцией интеллигенция тогдашняя кажется (мне) монолитом. Если этот тезис для Вас приемлем, я изменю текст в соответствии с ним.

Нежелание Бродского склонять фамилию Венцлова, а «декларация» его «слабости к окончаниям падежным» имеют сексуальный смысл. Цитирую: «...перед нами дополнительный штрих, который бесполезно сопоставить с иронической декларацией Бродского его "слабости к окончаниям падежным"... фактическая небрежность поэта в обращении с грамматическими падежами подчеркивает фигуральный (сексуальный) смысл этой декларации». Что же: фамилия есть декларация, что ли? К чему эта игра? Ведь Вы получили естественно-научное образование, а значит, казалось бы, приучены уважать факты.

Мне, бесспорно, не хватает мастерства здесь и вообще всюду, этот упрек я принимаю с открытым сердцем. Мне больно слышать, что мне не хватает такта: я ставлю такт очень высоко, едва ли не выше таланта. Но мне не хватает

еще и книг. Вывезти мне позволили лишь 18 (*восемнадцать*), библиотеки тут пусты, живу я бедно, а некоторые книги не достать ни за какие деньги. Цитировать же Майкова на память я не решаюсь (твердо помню лишь последний стих: «А сноба в нем и не признали» [ошибка! память подвела меня; вот эта эпиграмма целиком:

Мне Байрон был всегда противен:
Что мог лишь взять — всё в мире взял, —
А бедный мир был так наивен,
Что в нём хлыща и не признал»]).

В БСБП эпиграмма не включена. Быть может, у Вас есть под рукой марксово издание Майкова? На поиски эпиграммы я потратил не один рабочий день.

Значения пушкинского эпитафиа над статьей Вы не поняли, точнее, поняли его наизнанку. Тупая чернь — это я, спрашивающий: о чем бренчит? Преамбула не оставляет в этом никакого сомнения. Впрочем, задавшись целью не понимать, исходя из отвращения к тексту и автору, можно и в трех соснах заблудиться.

Ваши слова о моей якобы непомерной самооценке — просто вздорная выдумка. Вы резонёрствуете на голом месте, и мои слова «поняли в меру Вашей испорченности». Думать о людях худшее вообще значит жить за чужой счёт. Наоборот, я самодостаточен, и для ощущения моей значительности мне ни европейские университеты, ни Вашингтон с Пентагонами не нужны: довольно и святого ремесла, по временам ставящего меня над целым миром. Я не чувствовал ущемлённости и в кочегарке. Европейские университеты заказывают статьи и людям вполне посредственным (таковые есть и в данном случае), а то и просто ничтожным (кем нужно себя чувствовать, чтобы не понимать этого?), скромность же, притом именно в себе, я ценю выше любой «значительности», она входит в мой символ веры. Вот как всё это выглядело на самом деле, раз уж Вы любопытствуете. В. Полухина (Кильский университет) заказала мне статью, зная о моем негативном отноше-

нии к Бродскому. Я ни на минуту не верил, что она ее напечатает, — так и вышло (после кооптации в редакцию Лосева). Нужно ли Вам объяснять, как в таком случае, с официальной бумагой на руках, повел бы себя человек амбициозный? Какой повод для скандала, для известности? Между тем упоминание одного из европейских университетов в примечании к обсуждаемой статье — единственный мой публичный упрек Полухиной, завуалированный и понятный немногим, в частном же письме я даже уговариваю ее не слишком стыдиться, не расстраиваться и подчиниться обстоятельствам. Упоминание европейского университета важно для меня лишь поэтому — но важно не слишком, и я его безболезненно сниму. Зато «внешние обстоятельства» важны чрезвычайно. Читатель должен знать, что я — не «специалист по Бродскому», не занимался им многие годы, и тема статьи — не Бродский, а неприемлемые для меня тенденции в русской поэзии.

Если Вы найдете в себе силы перечитать Ваше письмо ко мне (дав ему отлежаться и отстранив *Вашу* амбициозность) и вдумаетесь хорошенько в некоторые слова, Вами мне адресованные, в частности, в тот абзац, который я только что прокомментировал (и тот, что завершает письмо, точнее, предпоследний) — то Вам, я уверен, рано или поздно будет понастоящему неловко.

В моей статье многое можно улучшить, но лишь немного — сократить. Я был бы счастлив любому большому сокращению, не разрушающему перекрестных отсылок и общего равновесия. Боюсь, что это неосуществимо. У меня просто нет сил на ее радикальную переделку (всё отнимает борьба за существование). Балладных и проходных места в статье не нахожу. Если Вы всерьез заинтересованы в ней, дайте Вашу версию наиболее неприемлемых для Вас мест, — не слишком переиначивая мою, и с тем, чтобы я мог затем пошевелить (авторизовать) Ваши куски.

В одном из писем к Файбусовичу я сам просил снабдить статью отмежевательной редакционной репликой, переносщей всю ответственность на меня, так что Ваш проект сопро-

водительных замечаний только согласуется с моим желанием.

Теперь о Вольпе и сопутствующих обстоятельствах. Ваша остроумная идея пояснить мои «уклончивые рассуждения» притчей-парафразом содержит одну странность: упоминание Израиля. Спросите себя по совести, каким образом это слово оказалось в контексте, по смыслу бесконечно удаленном от него? Случайно ли? Возможно, Ваш ответ будет другим, я же вижу в этой случайности выражение общего Вашего предвзятого, неприязненного отношения к новым израильтянам, распространяющееся и на тех, кто никогда не был сионистом (хотя и в сионизме ничего дурного нет) и кого в Израиль привели такие старомодные чувства как благодарность и долг.

Это — к слову: отступление в духе Вашего. Говоря же по существу (или почти по существу), замечу, что на все реплики против меня в печати (были похожие на Ваш проект) я отвечаю одинаково: молчанием. Этому правилу я никогда не измению. Я верю, что в моих текстах и в моей судьбе есть нечто, говорящее само за себя и делающее меня недосыгаемым для клеветы.

Мои два отправления express'ом, включая стр. 52 из *Посева* #5, 1985, Вы, вероятно, уже получили [я посылал Любарскому не только выдержку о Вольпе из статьи А. Н. Артёмова, но и, отдельно, предназначенное к публикации письмо в редакцию с моими оправданиями и извинениями]. Вы видите, что я именно изложил все мои «оговорки» в тексте извинения по поводу Вольпе, проявив, как Вы это ловко определили, «предел безнравственности» [не нахожу письма Любарского ко мне с этими словами: «предел безнравственности»]. Нравственность Вашей риторики (и формулировок в проекте моего извинения) обсуждать не хочется. Что же до моей правоты, то прав я не «сто раз», как Вы пишете, а ровно один. Слова («безнравственность», «бестактность») не задевают меня: Ваша неправота и вовлеченность слишком наглядны.

Если Вы увидите, что моя статья о Бродском не может появиться у Вас во втором или третьем номере, пожалуйста,

сообщите мне об этом незамедлительно.

Кажется, и мое письмо вышло не из приятных, но с Платоном и дружбой у меня — в точности как у Вас. Вы отгадываете должное моей педантичности и покладистости. Ваши возражения приняты там, где это мыслимо, и я не зарекаюсь от принятия новых. Ни одно из Ваших замечаний не оставлено без внимания. Наоборот, Ваши попытки меня обидеть, далеко превосходящие то, что сами Вы подводите под слова *грубость* и *оскорбление*, мною не замечены.

Надеюсь, что и Вы найдете в моем письме не одну лишь напраслину.

Искренне Ваш,

Ю. Колкер

P. S. Если Г. Файбусовичу известно содержание Вашего письма ко мне (что наверное так), я прошу показать ему мой ответ.

Ю. К.

10.03.88, Иерусалим

Дорогой Геня,

я получил письмо от Любарского на 8 страницах с критикой, почти полностью несостоятельной, зато грубой. В моей аполетике, тоже пространной и нелицеприятной, я поневоле вынужден был упрекнуть Вас в невнимании к моей просьбе не набирать первый (черновой) вариант моей статьи, а дожидаться следующего. Я писал Вам об этом трижды (по крайней мере первое из этих трех писем, содержащее мой первый отклик на предложение поместить у вас статью, от 19-30 ноября, дошло; у меня сохранилась копия). Вы на эту мою просьбу не отвечали, что я понимал как согласие, а невнимание Ваше относил за счет общей Вашей загруженности и того соображения, что нет никаких оснований эту мою просьбу не принять, стало быть, и писать тут специально не о чем. Сейчас я вижу, что дело обстояло сложнее. Кажется, это не первое недоразумение, возникающее между нами, и опять я, по совести говоря, не чувствую за собой вины. Я в письме

прошу Кронида показать Вам мой ответ ему (в случае, если Вы примерно знакомы с его письмом, что наверно так); если он этого не сделает, я могу прислать Вам копию. В связи со всем этим у меня к Вам просьба. Если у вас (у редакции) сложится впечатление, что моя статья о Бродском не идет или откладывается далее чем до третьего номера, пожалуйста, сообщите мне об этом немедленно.

Надеюсь, что оба моих отправления express'ом получены, и теперь ответственность хотя бы частично переложена со СиМ на *Посев* (#5, 1935).

Искренне Ваш,

Юра

Следующим письмом Кронид Любарский порывает отношения со мною как с человеком, не достойным уважения.

[14.03.88]

Юра! Геня мне передал Ваше письмо [?]. Обсуждать его я не считаю возможным. Вы позволили себе интерпретировать естественное упоминание Израиля в гипотетическом примере о Вас (естественное, ибо Вы там живете, — живи Вы в США, я написал бы «США»), как «общее мое предвзятое, неприязненное отношение к новым израильтянам». Я это переживу, как пережил я княгиню Шаховскую, назвавшую меня «антирусским расистом». Вы позволили себе назвать меня шулером (как иначе прикажете истолковать Ваш вопрос: «как называется этот прием у карточных игроков?»). Я переживу и это. В карты я не играю, но выражения понимаю. Понимаю и выражение «перебор».

Вы перебрали по очкам. Все прочее в Вашем письме после этого уже малозначительно и несущественно. Потрудитесь более мне не писать. Письма будут возвращаться нераспечатанными. Потрудитесь также более не пересылать мне писем через Геню. Я буду вынужден возвращать ему их непрочитанными. Единственным решением могло бы быть полное и без оговорок извинение. Однако на это Вы неспособны,

как показало Ваше «Письмо в редакцию». Поскольку после этого «Письма» и Вашего письма ко мне уважение к Вам я потерял, остаюсь просто

Кронид

Что ж, Любарский прав: я-таки перебрал по очкам. Бешенство моё, вызванное его письмом от 26.02.88, признаю несправедливым, реакцию — мою чрезмерной... однако совершенно неизбежной, если взять в расчёт мои тогдашние обстоятельства.

Но вот странность: из этого письма Любарского приходится заключить, что моё письмо к нему от 9 марта 1988 года он получил... из рук Хазанова и — *уже распечатанным*. То есть Любарский не видел конверта, на котором моею рукой было написано его имя, и решил, что я пересылаю ему моё письмо через Хазанова!

Другая странность та, что он грозит возвращать мне мои письма не-распечатанным. Неужели он полагал, что после такого его письма с отказом мне в уважении я стану писать к нему и предлагать мои сочинения в *Страну и мир*?!

[От Хазанова]

Мюнхен, 15 марта 1988.

Дорогой Юра, я получил Ваше письмо от 10 февраля. Вы правы, в происшедшем недоразумении виноват я. Письма идут долго, мы хронически опаздываем с журналом, вдобавок статью было решено печатать не во втором номере, как предполагалось, а в первом. Я поспешил отдать её в набор. Дальнейшие подробности не имеют значения, так как причина придирок, упрёков и прочего в общем-то не в этом. Причина — и не в Ваших взглядах на поэзию Бродского. Всё испортила злосчастная история с Цезарем Вольпе. Думаю, что и «Посев» теперь уже не имеет значения.

Я прочёл письмо Кронида с замечаниями, Ваш ответ и то короткое письмо, которое он послал Вам вчера или сегодня. Всё это делалось без какого-либо предварительного разговора со мной, а так как мы оба обладаем правом вето, то это последнее письмо, написанное, очевидно, в крайнем раздраже-

нии, следует рассматривать как отказ от дома.

Скажу Вам откровенно, что я устал и с радостью ушёл бы в отставку. Но журнал, пожирающий всё моё время, даёт мне и моей семье возможность существовать. Кроме того, Кронид мой друг, а журнал — наше совместное детище. Бросить его тоже не хорошо.

Ещё раз прошу Вас извинить нас обоих.

Ваш Г.

Следующее письмо от Сергея Максудова (А. Бабёнышева) было прислано из Америки в редакцию *Страны и мира*, а оттуда — ко мне:

[22.03.88]

Дорогой Юрий Колкер,

Меня попросили из Москвы родственники Цезаря Вольпе узнать у Вас, откуда возникла версия его конца, изложенная в вашей рецензии. Кто это говорил и на каком основании. Какие есть источники и свидетельства, словом все, что вам известно по этому вопросу. Я постараюсь переслать ваш ответ в Москву или, если хотите, перескажу его своими словами.

С уважением,

А. Бабёнышев 22/III-88

5.04.88, Иерусалим

Дорогой Геня,

спасибо за Ваше письмо от 15 марта. Вы, конечно, понимаете, что вся эта буря в стакане воды не покажется мне достаточным поводом к тому, чтобы хоть в чём-то изменить мое отношение к Вам. Приятного для меня в ней мало, неприятного — куда меньше, чем кажется Вашему олимпийскому другу (который потому и неспокоен, что неправ). Вы извиняетесь за вас обоих; спасибо, охотно эти извинения принимаю, тем более что Ваша вина — пустяковая, а извинить столь глубоко несчастного (да к тому же и постороннего мне) человека, как Любарский, — угодное Богу дело. Вы пишете о том, что устали. Признаюсь Вам: я всё не решался сказать Вам об

этом, но вот уже с полгода как я почувствовал с грустью эту усталость в Ваших письмах ко мне. Когда в 1984 началась наша переписка, меня поразила в Ваших письмах не только ясная, выверенная, благородная мысль, но и то, что ни одно из моих замечаний Вы не оставляли без ответа, и ответа соразмерного. У меня никогда прежде не было подобного корреспондента. Я, случалось, наслаждался Вашими письмами, даже и не соглашаясь с Вами. Конечно, четыре года назад и я был посвежее. Ваши теперешние трудности я хорошо понимаю как раз потому, что они сходны с моими. Я тоже смертельно устал. И я, как Вы, не могу довольствоваться одним делом: хочется многого сразу, свобода упоительна. Но, кажется, я пытаюсь сблизить вещи уж слишком разнородные, и чем-то нужно поступиться. По логике вещей, в жертву должна быть принесена проза, публицистическая, критическая и литературоведческая, она отнимает больше всего сил и крови, приносит в основном хулу, не кормит, — а жить без нее можно. К счастью, мне всегда есть куда отступать. Остаются стихи, любимых поэтов и мои собственные, которых пишу всё больше. Странно сказать, но некоторое удовлетворение начали приносить и мои учёные штудии. Им поначалу я вовсе не придавал значения, понимал их как «мой бизнес» (из известного анекдота о негре, продающем морскую гальку), и времени на них жалел. Но вышедшая в конце прошлого года моя статья в *Journal of Mathematical Biology*, в которой я видел больше игру, чем серьезное исследование, неожиданно принесла благоприятные отклики. Запросы на репринты идут со всего мира; от Варшавы до Сан-Франциско, их уже получено 20. Еще важнее, что статья понравилась некоторым продвинутым учёным здесь (я ведь сочинял ее в полном одиночестве, ни с кем не советуясь, на свой страх и риск; мой шеф, милейший сабра профессор Бен-Цион Гинзбург, первые два года вообще не понимал, что я делаю). Понятно, что этот локальный успех не кажется мне поводом к чрезмерным самообольщениям, но он приятен и увеличивает мои шансы получить хоть какую-нибудь работу. Сейчас я рассылую мой CV и

одновременно заканчиваю вторую статью (продолжение первой), которая, пожалуй, может быть еще интереснее для «учёного мира». Впервые после долгого перерыва я, кажется, увлёкся чем-то, не связанным с поэзией. Подобное было со мной в 1969-74 годах, когда я писал диссертацию. Занятно, что в воздвигаемой мною сейчас теории я тоже спорю с нобелевским лауреатом, правда, давно покойным (J. Monod). Таня очень забавляется по поводу этого совпадения.

Что же до общих наших с Вами дел и тем, то им приходится подвести некоторый итог. Оглядываясь на историю моих отношений с журналом, я вижу, что она с самого начала не была для меня дорóгой, усыпанной розами. Неприятные воспоминания отмечают буквально каждое моё обращение в СиМ. Лишь однажды мы с Таней были виноваты перед журналом, притом без вины: Горбаневская попросила *carte blanche* на короткую выжимку для РМ из таниной (фактически, нашей с нею совместной) статьи о Кушнере, а поместила статью целиком. Неприятность была обоюдной; вы статью набрали, мы же увидели ее напечатанной в куда менее близком нам издании, да еще с искажениями. Все другие неприятности тоже не были односторонними, но виновата в них, насколько я вижу, была лишь одна — *другая* — сторона. Некоторые из этих неприятностей были чувствительны для меня. В моей первой статье у вас Вы столь тщательно выправили мой стиль, что она попросту перестала быть моей. Некоторые из моих мыслей и утверждений поменяли даже не тон, а знак, изменились на противоположные. Помню, что и после Вашего подробного объяснительного письма из примерно 220 поправок менее 10 я склонен был признать релевантными или хотя бы приемлемыми; среди прочих были такие, при одном воспоминании о которых у меня и теперь портится настроение. Мало того: моё коротенькое, десять раз переписанное и выверенное письмо по поводу журнальных искажений в статье, предназначенное для публикации (оно могло бы послужить образцом мягкости и толерантности), появилось у вас тоже в изуродованном виде, совершенно зачёркивавшем его

для меня. Вы помните, что от всего этого я не стал искать ссоры с Вами и журналом. И Вы, несомненно, поверите мне, что эта моя примиренческая позиция не была ни житейским конформизмом, ни данью суетной амбициозности: есть для меня ценности, рядом с которыми и гонорары, и сотрудничество в лучшем русском общественно-политическом журнале современности не стоят равным счётом ничего. Вы должны отдать этой позиции должное.

Три другие мои статьи в Вашем журнале (две опубликованных и одна отклоненная) дали Вашему коллеге не только повод для раздражения, но и повод наглядно (и публично) показать, кому принадлежит журнал и во что он ставит своего соредактора, номинально с ним равноправного. Вспомним коротко основные сопутствовавшие этим статьям моменты. Мне они видятся так. Первая статья (рецензия на мемуары Липкина) была Вами помещена не совсем кстати: как материал о юбиларе в номере, отмечающем 75-летие Липкина. Вы справедливо возразите, что согласовали со мной (по телефону, я звонил Вам от Наташи Розен) помещение статьи именно в этот номер. Однако же Вам было известно то, о чем я не знал: что моя рядовая рецензия окажется *единственным*, исключая редакционное поздравление, материалом о юбиларе, и что Липкин тяжело болен. Вы, работающий редактором, знающий, как невнимательно наши современники читают, как зыбко их самостоятельное мышление, могли предвидеть, что самая осторожная критика покажется руганью там, где ждут фанфар. Здесь Ваша заинтересованность была никак не меньше моей: журнал безразличен к откликам, даже порою слишком чувствителен к ним (иногда — до странного: до выговоров авторам за уже напечатанные, и, стало быть, одобренные редакцией статьи). Мы с Вами уже обсуждали всё это, и повторяюсь я не ради упрёка, а ради приведения всего нашего прошлого в систему. Собственно, у меня и вовсе нету здесь к Вам претензий: то, что статья не юбилейная, что рецензент не знает ни о годовщине, ни о тяжёлой болезни престарелого писателя — видно из текста рецензии, и надо быть

очень недалёким человеком, чтобы этого не заметить. Таковыми и оказались тогда все мои критики. Реплика Любарского глупа и, при всей ее краткости, полна противоречий; еще глупее и убоже, местами до анекдотичного, пространное выступление [Ефима] Эткинда. Всё это — премилые образцы отечественной тактики быстрого реагирования, армейский принцип; неверно — зато быстро. Оба ребячески оконфузились. Оба сами сказали о себе в этих текстах столько неблагоприятного, что возражать им было то же, что обижать слабого, наказывать ребёнка с излишней суровостью. В особенности благодарным материалом для издёвки был текст Эткинда. Поверьте мне, что ни в чем не отступив от корректности, ни на полтона не повысив голоса и — это важно — без тени апологетики или самовыпячивания, я мог бы выставить почтенного профессора на посмешище, да так, что это запомнилось бы не одному поколению. Я сдержался, руководствуясь моим общим правилом и сознанием собственного превосходства (морального, хотя, повторяю, стилист и мыслитель он в этом письме жалкий; недаром Наташа Розен, прочтя его, сказала: «Этот — тебе не противник»). Но всё это пустяки, — а существенно то, что я и сейчас подпишусь под каждым словом моей статьи о мемуарах Липкина, книге местами просто позорной. Это, как я теперь вижу, вообще худшее из написанного Липкиным. (Наоборот, присланная Вами мне *Декада* — лучшая его книга, вещь замечательная без всяких скидок и оговорок.) Другое дело, что я не стал бы публиковать мою рецензию на мемуары (кстати, навязанную мне обстоятельствами), сообщив Вы мне вовремя о болезни Липкина.

Следующая история — вокруг моей рецензии на справочник Владимира Бахтина. Здесь почти нечего напоминать, всё свежо. Моё отношение к происшедшему я закрепил в февральском письме на имя редакторов, о котором Вы меня просили (тоже, очевидно, отклоненном? я ведь в нем проявил «предел безнравственности»). Имеются лишь два момента, которые мне хочется оттенить. Чрезвычайно показательно, что находка мною текста в *Посеве*, от которого, через устное

предание, идёт моё сообщение о Вольпе, находка полностью снимающая какие бы то ни было (и то — лишь предположительные) упрёки и обвинения с СиМ, — она, как Вы пишете, «теперь уже не имеет значения». Стало быть, для внука Урана, вскормленного Идеей (правда, молоко было козье), не имеют значения истина и честь, а имеют — личные пристрастия, питаемые самодовольством и вельможной безнаказанностью. Вельможа часто приписывает себе ту степень обладания истиной, которую религия отводит Творцу. И второе; в проекте моего журнального извинения, предложенном мне Любарским (какая, между прочим, выразительная деталь! какая будоражающая мысль! — предложить писателю готовый текст извинения; не напоминает ли она вам стиль работы одного отечески-строного, обо всех пекущегося учреждения?), службу у власовцев он называет «позорящими Ц. Вольпе утверждениями». Здесь Ваш друг едва ли понимает, что говорит. По существу, он даёт свою версию сталинской максимы «у нас нет пленных, у нас есть только предатели». Ведь Вольпе — еврей, и для него нацистский плен был куда опаснее любого фронта. Позорнее ли вынужденная под страхом немедленной смерти служба в чисто фиктивном, бездействующем подразделении, преследующем, к тому же, не вполне низменные цели, чем вступление в коммунистическую партию, например, на фронте, где оно тоже всегда было *добровольным*? Ведь ещё шаг в этом направлении — и сам Любарский окажется неонацистом — оттого, что живёт в «неонацистской Германии» и «клеветает на Родину». Этих слов Любарского не понять — если не знать о его специальном, узко партийном отношении к НТС и всему тому, что около; и отношения этого — тоже не понять (идеологический гар между партиями едва различим), если не знать страсти сиюминутного лидерства, властолюбия, притом неудовлетворённого, если не поставить себя мысленно на место этого несчастного человека, вероятно, воображающего себя вторым русским политическим деятелем наших дней — не то после Сахарова, не то после Горбачёва.

Наконец последний экспонат нашего литературного паноптикума — история вокруг моей статьи о Бродском. Здесь тоже почти всё сказано и понятно, остаётся лишь еще раз, в рамках подведения общего итога, взглянуться в мои отношения с Любарским. Последнее его письмо (по стечению обстоятельств написанное в день моего рождения) — документ потрясающей обличительной силы, но обличаемый в нём — не я. Письмо это я сохранию. Содержание письма — «отказ от дома», разрыв отношений между журналом (вами) и автором (мною) — я, в общем, предвидел, отправляя мой ответ на предыдущее письмо (тема которого была для Любарского, конечно, лишь предлогом для ссоры). Но количество фактических несообразностей в этом коротком тексте Вашего коллеги далеко превзошло количество ожидавшихся, вообще превосходит возможности моего воображения. Вам, другу титаноборца, следовало бы вникнуть в них и по возможности объяснить ему, какой невосполнимый урон наносит он своей психике такого рода поспешностью. Ведь мы зависим от произнесенных нами слов, взаимодействуем с ними.

Почему-то этот чудаку думает, что я буду пытаться вернуть себе его расположение. «Потрудитесь более мне не писать.» Не странно ли, что для Любарского труд — это не писать? «Потрудитесь также более не пересылать мне писем через Геню.» Вторая фраза выглядит несколько избыточной: она ведь ничего не добавляет к первой. Но прелесть ее этим не исчерпывается: мое письмо к нему от 9.02.88 кончается просьбой показать его Вам, стало быть, возникает вопрос: читает ли испепелитель Тифона по-русски? вдумывается ли в прочитанное? Но всё это еще ягодки, прелюдия. «Единственным решением могло бы быть полное и *без оговорок* извинение.» Решением — чего? вопроса об обязательстве, добровольно принятом на себя журналом, попросившем у меня статью о Бродском? Извинение — за что? за то ли, что Любарский оказался, по его собственному определению, шулером, или за то, что Вольпе предположительно был власовцем? Но неважно, надо спешить. Я безотлагательно беру билет в

Мюнхен (писать ведь мне запрещено) и от ближайшей станции метро (а лучше из аэропорта) ползу на животе, как Мансур в *Декаде* Липкина, имея скромной целью омыть ноги Любарскому — и тем вернуть себе уважение человека с полностью рассредоточенным сознанием.

Но наивысшее несправедливое наслаждение доставляет мне следующее: ведь если отказ, притом ретроактивный, напечатать принятую его коллегой и другом статью, мало того, статью «импонирующую» громовержцу («мое личное отношение к Бродскому во многом совпадает с Вашим», «я очень хотел бы видеть статью на страницах нашего журнала», «Мы будем рады ее тогда напечатать») вызван личной обидой, то чего стоит вся, от начала и до конца, его общественная деятельность? Чему, в самом деле, он служит с такой страстью все эти годы в своем добровольном изгнании: истине или своей гордыне?

Я не называл Любарского шулером; передёрнуть и быть шулером не совсем одно и то же, слово произнесено им самим. Думал ли он, что (бездоказательно) назвав мои объяснения по поводу Вольпе «пределом безнравственности», он сказал нечто более примирительное, чем полученное им в ответ передёргивание (действительно присутствующее в его тексте, показанное мною на примере)? Или он полагает, что метать перуны — и в самом деле его прерогатива? Но поразительно, что психологически Любарский реагировал именно как карточный ловкач из благородных, пойманный с поличным; тот же беспричинный взрыв амбициозности, та же поза оскорбленного достоинства. Психологический рисунок ситуации, известной нам по литературе, воспроизведен с изумляющей точностью. Это хорошая мина при плохой игре — как единственный выход из постыдного положения. Но правоте внутренней ни поза, ни амбициозность не нужны, чему тоже, помимо нашего душевного опыта, даёт подкрепление литература.

Прделаем теперь мысленный эксперимент. Вообразим, что от меня, второстепенного писателя второй половины XX

(a minor poet of Brodsky's age), сгинувшего в эмиграции, не осталось не только памяти или отзыва в сердцах двух-трёх писавших современников, но и ни одного текста. Наоборот, слава Любарского жива в новом, возродившемся русском обществе, его именем названа улица в Москве, а может быть, и город на Волге или Оке. Сохранились и бережно изучаются его, Любарского, письма. И вот историк, не утративший критического чутья, натывается на письмо национального героя ко мне, датированное 14-м марта 1983. Что может он подумывать об авторе? Только одно; что перед ним безумец, чей разум помутился на почве мании величия. И тогда, боюсь, к памяти нового национального героя примешается столь характерная для русской жизни смешинка, установится отношение, напоминающее отношение к героям старым, к тем, чьими именами сейчас в России названы улицы и города... Но вообразим теперь уже вовсе невозможное; именно, что и от меня что-то там уцелело, ведь стихи живут долго, куда дольше любовью политической правды; с чем же тогда останется неуважающий меня «просто Кронид»? С Днём политзаключённого (приуроченным к его личной дате) — или с моим частным определением?

Навсегда разрывая отношения со мной, оказавшимся недостойным его уважения, Любарский доверительно удостаивает меня сообщением о своих человеческих склонностях. «В карты я не играю.» Занятно, не правда ли? До какой степени простирается барственное самолюбование этого человека, как умилительно он поглощён собою, как заботится о своём парадном облике — в глазах какого-то ничтожества! Немолодой нарцисс, «любовник старый и красивый»... Столь же доверительно он сообщает мне почему-то, что знает значение слова перебор, которого нет в моём письме (и словаре, ибо я не то что не играю, но даже не различаю мастей), и обещает пережить Шаховскую, что уже совсем не подвиг: ведь старухе, если не ошибаюсь, 82 года. Всё это от простительной поспешности, скажете Вы. Но в отношениях с людьми спешить не всегда достойно, особенно если ты небожитель. Спешит,

как правило, тот, кто людей ни в грош не ставит. Ничуть не возводя себя в пример, замечу, что настоящее письмо я написал не за один вечер: при всей моей занятости (не судьбами отечества, сколько программированием для приработка), я нашёл время обстоятельно взвесить историю моей дружбы с Любарским. Теперь, уяснив себе *casus*, разглядев детали, я с лёгким сердцем забуду о нём, да и Любарского вспомню не часто.

Мои отношения с журналом были не столь однозначны, как с одним из его редакторов. Прежде всего, был второй редактор, значение которого, несмотря на личное столкновение, я понял сразу. Затем, в участии в СиМ я видел для себя не только удовольствие (оказавшееся, как уже отмечено, специфическим) и честь, но и почти что долг; ведь позиция журнала, в сущности, неотличима от моей. (Поэтому я рад, что найденная мною цитата из *Посева* пригодится журналу, хотя она и «не имеет значения» для хозяина.) Но и не случись историй с Липкиным и Вольпе, моё участие в СиМ, я это чувствовал, близилось к концу. Статья о Бродском должна была сделать меня уже всеобщим врагом (а СиМ любит тех, кого любит публика и не любит делить ответственность со своими авторами). В ней, как и в предыдущих моих статьях, наши писатели-читатели увидели бы только одно: мои претензии на место в клубе, где места уже распределены, и новых не хотят. Многие из этой публики явственно страдают оттого, что «недополучили своё». К этому часто и сводится их ностальгия. Они не умеют с достоинством сносить тяготы одиночества и возраста, задыхаются без лести, болезненно реагируют на всякое новое имя, с которым нужно считаться, завидуют — не скажу талантам, а даже просто деятельным и самостоятельным авторам из новых — и инстинктивно воспроизводят худшие советские схемы: пытаются не пущать. Вы по себе знаете, каковы их ласки.

Поэтому еще задолго до разрыва я и начал склоняться к мысли, что не столь близкий мне *Континент*, не дающий мотивированных ответов авторам и в переписку не вступаю-

щий, журнал, с которым никогда не знаешь, чи напечатает, чи нет (но зато если да, то красиво и без искажений), — этот журнал предпочтительнее для меня как для автора, занятого, к тому же, не политикой, а литературой, чем близкий мне по духу и превосходный по манере и стилю СиМ, в котором работаете Вы. Теперь же вижу еще, что нейтральные отношения с редакцией — вообще предпочтительнее тесной дружбы, способной обернуться взаимной неприязнью. Какая дружба с Цезарем, хуже того, с Катилиной? Вообще, место публикации играет для меня всё меньшую роль. Здесь я повторяю путь одного местного автора, на днях сказавшего мне, что некогда он видел по некоторым признакам, что Любарский ищет его сотрудничества в журнале, а может быть и в редакции, что он (в точности как я) считает СиМ лучшим и самым близким себе журналом, но что на сотрудничество с Любарским и, уж во всяком случае, на зависимость от него он ни при каких условиях не пойдёт, ибо считает Любарского интриганом, к тому же — с пакостным свойством *jump to conclusions* (и многое рассказал мне в качестве иллюстрации).

И последнее. Вашей дружбой я дорожу и горжусь, и утрата ее означала бы для меня нечто гораздо большее, чем разрыв с журналом. Судьба наших отношений в Ваших руках. Мне не мешает то, что Любарского Вы называете Вашим другом; некоторых друзей, как и некоторых родственников, не выбирают. Поэтому, вплоть до того момента, когда Вы сами определенно обозначите нежелательность этого для Вас, Вашим другом и остаётся подписавшийся ниже

Юра

P. S. Пожалуйста, подтвердите моё впечатление, что письмо с моими поправками не будет напечатано. Это даст мне возможность напечатать его в другом месте.

Я получил от Вас запрос А. Бабёнышева без его адреса (и имени), поэтому, прошу Вас, перешлите ему прилагаемую записку:

Yuri Kolker:
36/4 Ha-Arba'a St.
Pisgat Ze'ev, Jerusalem, Israel
March 26, 1988

Дорогой г-н Бабёнышев,

отвечаю на Ваш запрос от 22/III-88, пересланный мне из *Страны из Мира*. Моя версия гибели Ц. Вольпе (как я теперь думаю, ошибочная) основана на следующем фрагменте из статьи А. Артёмова (Посев #5, май 1985, стр. 52): «Власов привлёк в "Русский комитет" ... и особенно талантливого и эрудированного М. А. Зыкова, числившегося майором (по нашим заключениям, из его рассказов о своих научных трудах, это был Цезарь Самойлович Вольпе, литературовед...)...». Обращаю Ваше внимание на тот факт, что в моей рецензии изложение этой версии не носит утвердительного характера. Родственникам Вольпе в Москве, вероятно, важно будет узнать, что К. Любарский определил мою версию как «позорящее Ц. Вольпе утверждение» и что наши с ним объяснения по этому поводу вылились в прекращение моего сотрудничества в СиМ.

С уважением,

Юрий Колкер

В этом моём ответе Бабёнышеву я, понятно, не пожелал назвать мой прямой источник: устное сообщение Михаила Хейфеца (не помню, от кого я слышал то же самое в Ленинграде), — а в Москве, надо полагать, прекрасно знали о публикации в *Посеве* — и ждали именно имён тех (многих), кто пересказывал власовскую версию гибели Вольпе.

Мюнхен, 2.V.1988

Дорогой Юра,

сегодня получил Ваше письмо. Мне нечего добавить к тому, о чем я уже писал Вам, разве только ещё раз перед Вами извиниться.

Пишу Вам кратко, чтобы сообщить, что 23-го этого месяца я собираюсь приехать (вместе с Лорой) в Иерусалим, в Еврейский университет.

Был бы счастлив повидать Вас.

Ваш Г. Ф.

Хазанов приезжал в Иерусалим выступать со своей прозой по приглашению профессора Дмитрия Сегала, возглавлявшего отделение славянских исследований в Еврейском университете. Пригласить Хазанова, если память меня не подводит, надумил Сегала я. Понятно, Файбусовичи были у нас в гостях в нашей новой квартире в Писгат-Зеэве.

28.XII 1988. Мюнхен

Дорогие Таня и Юра! Собственно говоря, я собирался написать Вам ещё две недели тому назад, но из-за разных обстоятельств, спешки перед окончанием года и т. п. делаю это только теперь, когда моё новогоднее поздравление уже безнадежно опоздало. Впрочем, у Вас там есть свой Новый год, да и вряд ли в этом климате может быть рождественско-новогоднее настроение; даже у нас зимой не пахнет. Особо срочных новостей у меня нет. Я хотел только сказать Вам, что раскрыв как-то раз — по случайному поводу — стихи Ходасевича, я снова на некоторое время погрузился в этого поэта, потом стал читать его письма к Берберовой, разные мемуары о нём, перечитал, снова с наслаждением, и Ваше, Юра, жизнеописание Ходасевича. А уж потом перейти к стихам самого Колкера («Послесловие») было почти естественным и необходимым шагом. Эти стихи все время лежат у меня под рукой, и я должен сказать, что по крайней мере некоторые пьесы из этого сборника всякий раз действуют на меня сильно и болезненно. В них достигнуто изумительное слияние места, времени и души; и хотя я никогда подолгу не жил в Ленинграде (исключая два первых года жизни), образ петербургской России и образ безвременья, слякоть и камень, и эта тоска, облеченная в безупречно строгую форму, — всё это меня

порабощает, стоит только прочесть одно-два стихотворения.

Мои собственные дела с тех пор, как мы побывали в Иерусалиме [Хазанов с женой Лорой гостил у нас в 1988 году в Иерусалиме], почти не подвинулись. Я корплю над неким подобием романа, но по разным причинам, и оттого, что у меня мало свободного времени, и из-за трудности задач (действительных или мнимых — другой вопрос), которые я перед собой ставлю, и от постоянной неуверенности, делаю ли я то, что нужно, это произведение пока ещё больших успехов не сделало. Время от времени я пишу или, вернее, вынужден писать разную ерунду: то статью для немецкой газеты, то передачи для радио о «культуре». А время идёт и чем дальше, тем неумолимей работает против меня. Не знаю, дошли ли до Вас книжки, которые я послал Вам несколько-то месяцев назад; к сожалению, в редакцию [журнала *Страна и мир*] почти перестало поступать что-либо путное.

Был бы рад получить от Вас весточку. Как поживает литературный кружок [под названием *Беседа*; затевался мною в Иерусалиме, но не состоялся]? Мы с Лорой, хоть и с опозданием, сердечно поздравляем Вас с Новым годом. Будьте здоровы.

Ваш Г. Ф.

Yuri Kolker:

36/4 Arha'a St, Pisgat Ze'ev, Jerusalem, Israel

tel. 850781

15.01.89, Иерусалим.

An Herrn Dr. Geronim Faibussowitch

Belfortstr. 10 (Rgb.)

8000 München 80,

Bundesrepublik Deutschland (West Germany)

Большое спасибо Вам, дорогой Геня, за Ваше письмо от 28. XII 1988 и новогодние поздравления, — поздравляем и мы Вас и Ваших близких. Вы правы, в нашем климате рождественское настроение если и бывает, то лишь у преследуемого меньшинства, мы от этого настроения отвыкли и новый

год никак не отмечаем. Только этим и объясняется то, что мы забыли вас поздравить. Не обижайтесь! Мы вас любим по-прежнему. Есть и еще оправдание: у нас были в гостях наши американские друзья (друзья еще по Ленинграду, они уехали [из Ленинграда] в 1978), жили у нас вчетвером целых 20 дней, — и мы несколько замотались. Но теперь всё позади.

Спасибо Вам за добрые слова о моих сочинениях. Ходасевича я, странным образом, редко вспоминаю и вовсе не перечитываю. Что до моих стихов, то я очень рад, что Вы набрали на них, и что Вас что-то тронуло. Сам я способен читать мои стихи той поры, почти не помня, кто их автор: более поздние стихи заслонили ту эпоху. В особенности — стихи последних полутора лет. Теперь, наконец, я доволен тем, что у меня получается (посылаю Вам кое-что на пробу). И это понятно: я практически прекратил писать критическую прозу; за последний год, кажется, ничего не опубликовал. Права Н. Я. Мандельштам: стихи и проза черпаются их разных источников.

Мою статью *Гарвардский синдром в эстетике* (Вы ее читали в рукописи, будучи в Иерусалиме) *Континент* отклонил — и как раз за то, что я хвалю Вас. Максимов [главный редактор журнала *Континент* Владимир Емельянович Максимов (1930-1995)] написал мне чрезвычайно глупое письмо, в котором он хотел унижить Вас, а унижил себя. Сейчас статья набрана в *Двадцать два* (где она тоже была встречена неприязненно, на этот раз — не из-за Вас), но сказать «она выходит» я не спешу. Тутушный истеблишмент относится ко мне не лучше европейского.

Отклонил *Континент* и статью о Бродском. В переписке о ней опять были упомянуты Вы (я ведь и там на Вас ссылаюсь), на этот раз — Горбаневской [Наталья Горбаневская (1936-2013) была заместительницей Владимира Максимова по *Континенту*], которая хоть и была (в письме) поумнее Максимова, но позицию его во всём разделяет. Это в высшей степени забавно: в статье речь идёт совсем не о Вас (и даже не о Бродском), имеются цитаты из десятка авторов, — они

видят только Вас. Прямо истерика какая-то. Боюсь, и с *Континентом* (и с *Русской Мыслью*) идёт у меня к разрыву. Скоро печататься будет совсем нигде. А злосчастную эту статью [о Бродском] я на днях пошла в гласную Россию — не всё ли мне равно? [статья была послана в Ленинград, поэтессе Ольге Бешенковской (1947-2006), и вышла в ее самиздатском журнале *ТОПКА* №2, 1989 (аббревиатура читается как Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторов); кажется, Бешенковская безуспешно пыталась пристроить статью в московский журнал *Наши современники*.]

В связи с публикациями опять встаёт сто раз решённый вопрос: быть или казаться? Конечно, быть! скажет любой из нас — но не связано ли одно с другим? Те, чей голос слышнее, действительно господствуют в литературе, действительно реализуются. Устраняясь или будучи устранены, мы теряем не только читателей, признание, славу, но и долю; нас становится меньше.

Перечитал Ваши слова о моих стихах — и вспомнил о той страсти, с которой хотел некогда увидеть что-либо подобное напечатанным обо мне. Вспомнил и моё гордое нежелание делать себе славу. В хорошие минуты оно не покидает меня, мне не нужно не то что славы, но и признания, я именно горжусь своей самодостаточностью; но что-то таких минут становится всё меньше, и я, случается, шепчу вслед за классиком: читателя, советчика, врача... В частных похвалах недостатка нет. (Одновременно с Вашим письмом пришло письмо от Лены Игнатовой, ленинградской поэтессы; до нее дошли и понравились ей те же стихи, которые перечитывали Вы.) Но нет и рецензий, и невольно спрашиваешь себя: а издавать ли остальное, лучшее? Кто издаст? кто прочтёт?

Роман Ваш ожидаю с нетерпением, в том, что он будет замечателен (и страшен, ибо Вы касаетесь страшного) — не сомневаюсь; боюсь только, что принят он будет не по достоинству: слишком много у Вас литературных недоброжелателей, слишком несвободна (идеологизирована) наша критика. Конечно, есть (по крайней мере, в теории) еще и читатель,

и у прозаиков он не тот, что у поэтов, но ведь и Вашу прозу понимать не проще, чем стихи.

То, что я не поблагодарил Вас своевременно за присланные Вами книги — величайшее свинство с моей стороны. Препятствием было, к тому же, не служение музам, а суета. И ведь книги мне тут жегодились. Я опять был на минуту заморожен Кублановским-поэтом (прозаик он жалкий), а отложив его сборник и перебрав в памяти других, кого ценю в современной поэзии, — опять подумал: есть многие, перед кем я почтительно и благодарно склоняю голову, но не видно того, перед кем мне следовало бы преклонить колено.

Вольфганг Казак [немецкий славист, составитель *Энциклопедического словаря русской литературы с 1917 года*] прислал мне русское издание своего лексикона — с просьбой написать на него рецензию и с сообщением, что он включает статью обо мне в следующее издание — правда, *китайское*. Я, стало быть, имею шанс увидеть мою фамилию, набранную иероглифами, а заодно и прославиться на Дальнем Востоке. Поздравьте меня скорее!

У нас всё по-старому. Мы с Таней решили «терпеть свою жизнь до конца», как советует Платонов. Лизе завтра исполняется 15, ростом она выше Тани. Будучи плохим отцом, я скромно обойду молчанием прочие её успехи. Таня кое-как держится, никогда не жалуется, всегда не совсем здорова. (Но на Масаду, когда были у нас американцы, поднялась пешком! — cable-car не работал). Я занят больше интегралами и программированием, чем литературой; после Вашего отъезда мне показалось, что я наткнулся на любопытную математику, работающую сразу в нескольких областях (энзимология, теория жидкостной адсорбции, рост клеточных популяций, фотосинтез). Сейчас мой энтузиазм несколько поутих; предстоит кропотливая и скучная работа — убеждать коллег, специалистов, подобных флюсу. (Знаете ли Вы такое милое высказывание: A philosopher is a person who knows less and less about more and more, until he knows nothing about everything. A scientist is a person who knows more and more about less and

less, until he knows everything about nothing. Юмор чисто английский, даже не переведёшь. А мне хочется добавить: A poet, i. e. a Philister, is a person who knows something about something.) По крайней мере одного (энзимолога) [Сергея Брауна, ещё не профессора] я уже обратил, он думает, что мы напишем на этом монографию. Мои надежды не идут так далеко; я надеюсь лишь, что он возьмёт меня к себе в лабораторию в октябре 1989, когда кончится моя постдокторантская стипендия. Еще я вяло, без надежды закончить, тяну два или три небольших прозаических текста (которые опять наживут мне кучу врагов, если состоятся), набираю [на компьютере, для заработка] сразу два тома ленинградского еврейского самиздата [Еврейский Самиздат, тома 26 и 27. Ленинградский еврейский альманах, вып. 1-4 и 5-8, под редакцией Юрия Колкера. Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, Иерусалим, 1988], набираю и редактирую (попросту переписываю) дурацкую книгу о Троцком [Йосеф Недава. Вечный комиссар. Перевод Б. Таубина. Литературная обработка перевода, исправления и добавления Юрия Колкера. Книгоготоварищество Москва-Иерусалим, Тель-Авив, 1989 (русское название книги придумано А. Воронелем, заказавшим мне литературную обработку)], где объясняется, что вся беда наркома была в его еврействе...

Что до нашей культурной жизни, то она бьет ключом. Писателей тут очень много; почти все; и всё прибывает. На прошлой неделе я оказался на писательском семинаре в пользу авторов, пишущих не на иврите. Провели три дня в киббуце, недалеко от Иерусалима. На первом же заседании представитель министерства абсорбции сообщил о прибытии в страну Йоны Койфмана, узника Сиона из Днепропетровска, с из ряда вон выходящей рукописью стихов, которые уже переводят на иврит лучшие местные переводчики. Поскольку я член приемной комиссии русской секции СП, мне пришлось познакомиться и со стихами, и с автором. Стихи оказались чудовищны, за чертой не то что литературы, но языка; а поэт —

ханжой, лгуном и недоучкой — и едва ли не уголовником. Но он патриот, это видно по его стихам, — и всеизраильская слава ему обеспечена.

Кружок, о котором Вы спрашиваете [речь идет о несостоявшемся иерусалимском кружке литераторов *Беседа*], зачах — принципы, заявленные в манифесте, оказались завышенными.

На этом прощаюсь, обнимаю Вас. Пишите нам. Что печатает сейчас Ваш журнал [*Страна и мир*]? Как он перестроился? Мы давно не держали его в руках. Вместе с Таней шлю мой поклон Лоре и привет Илье [жене и сыну Б. Х.].

Ваш Юра

11 февр. 1989

Дорогие Юра и Таня, я подумал, слегка переиначив Ваше изречение, что поэт — это тот, кто знает кое-что о том, чего не знает никто (a poet is a person who knows something about what nobody knows anything, если только меня не подвёл этот басурманский язык), и, может быть, в этом и состоит вся штука. Если это так, то слава не имеет значения. Но я хорошо понимаю, Юра, что Вы хотели сказать. Недостаточная литературная известность умерщвляет и то небольшое, что публика слышала о поэте, ибо заставить читателя читать и разгадывать стихи, подписанные ничего не говорящим ему именем, так же трудно, как трудно заставить себя вступить в разговор с прохожим на улице. Малоизвестный автор легко превращается в неизвестного, подобно тому как бедняку легко стать нищим, — между тем как к богатому деньги сами текут в карман. На знаменитого писателя работает его знаменитое имя. Что же остаётся делать? Ничего. Мы с Вами в одинаковом положении и вдобавок представляем ту часть литературы, которую можно сравнить с узкой специализированной областью, интересующей очень небольшой круг, а именно, тех, кто этой областью интересуется, — без тавтологии тут не обойдёшься. Русскому писателю или поэту очень трудно смириться с мыс-

лью, что серьёзная литература — это нечто вроде теоретической физики, о которой 999 человек из тысячи знают только, что она существует, или, пожалуй, некий экзотический спорт, о существовании которого (не говоря уже о правилах) вообще никто не знает, кроме самих спортсменов. Но не приближаемся ли мы к тому, что давно стало обычным в западных странах, где политикой, социологией и общественной нравственностью занимаются не поэты, а специалисты по этим делам, и где быть народным писателем, держать руку на пульсе жизни и как там это ещё называется значит попросту быть тривиальным писателем? Однако — если спуститься с небес на землю — есть простой выход, и, кажется, Вы на него уже набрели. Упомянутый Вами Юрий Кублановский (я иногда вижу с ним) опубликовал некоторое время назад подборку стихов в московском журнале, у которого читателей во всяком случае больше, чем у всех русских журналов за рубежом вместе взятых. Я видел также его имя в «Литературной газете». Вы понимаете, конечно, что я далёк от мысли ставить Кублановера Вам в пример. Но почему бы, чёрт возьми, и Вам, Юра, не печататься в России?

Я с наслаждением (не примите это за комплимент) прочёл Ваше письмо и снова подумал о том, как жаль, что проза для Вас всего лишь помеха поэзии. Замечательная мысль Надежды Мандельштам кажется мне глупой, как многое из того, что она вещала. Отвечаю с запозданием, так как меня не было в городе. Мы с Лорой провели две недели в Линдау на Боденском озере, в доме творчества. Представьте себе, такие учреждения есть и в Германии, хотя, конечно, содержатся не на казённый счёт. Это было прекрасное время, когда не надо было ходить на работу, и прекрасное место, среди холмов и яблочных насаждений, на опушке леса, который по утрам был весь седой от инея. Вернулись во-свояси, и всё началось по-старому. Вдобавок надо ещё искать новую квартиру: кажется, я говорил Вам, что нам предстоит переселение.

Стихи, Вами присланные, меня озадачили. Они мне по-

нравились (особенно первое и третье; больше всего, пожалуй, третье, «Дорога сворачивает на Камчатку», хотя и первое превосходно), но, как мне показалось, очень необычны для Вас, начиная с толчкообразного ритма, нагромождения согласных и этой формы двустий, к которой Вы прибегали, кажется, очень редко. В этих стихах лиризм ушёл куда-то на глубину, и возникает впечатление какого-то очень высокого внутреннего давления. К ним надо привыкать заново.

Спасибо за фотографии, которые нам с Лорой сразу напомнили славные дни в Иерусалиме, прогулки с Таней и наши разговоры. Гости из СССР побывали и у нас, как же иначе? Сердечно обнимаем Вас обоих. Не хандрите и не хворайте.

Ваш Геня

Р. S. Журнал, за неимением лучших книг, я Вам выслал.

8.7.89, Иерусалим.

Дорогой Геня, отвечаю на Ваше письмо от 11 февраля — и даже уже не извиняюсь за проволочку с ответом. Вы и сами понимаете, что она — не от лени. Ваши слова о писательстве и писателях слишком верны. Относительно публикаций в России: всё не так просто; Кублановский для них — жертва эпохи застоя, а я — все еще изменник; к евреям и Израилу у них эдипов комплекс. Но есть вещи и более простые: в литературном мире нужны знакомства, скрепленные застольем, лестью или еще чем-нибудь хорошим. Кублановский патриот, притом сразу в двух смыслах: и в прямом (любит Россию и плачет о ней), и — в смысле приверженности к литературному образу жизни, к литературной братии. Первое даёт возможность его пожалеть (утратил Родину) и в чем-то простить (жалеть и прощать мы иногда любим), за второе — его нельзя не любить, он — социально-близок. Я же двойной изменник. Для меня Россия — одна из стран, с которой я связан *de facto*; я ее не выбирал и слезы о ней не уронил и не уроню, ибо — с тех пор, как вышел из юности — в любви признаю только

взаимность. Я, по большому счёту, — космополит. А ведь там, как мы помним, родина — языческий божок, и писатели — авгуры священной рощи, где поклоняются камням и деревьям. Литературную же публику я, по большому счёту, терпеть не могу — за ее сакральную разнузданность, ни на чём не основанную надменность и интеллектуальную косность. Представления, которыми она живёт, целиком вынесены из XIX века и с тех пор не подновлялись. Понятно, что при таком отношении к делу друзей в этой среде я не завел, и хлопотать за меня некому. А у них — своих авторов неупрек.

Публикации в России для меня возможны двоякие: еврейские издания на окраинах (недавно рижский *Вестник еврейской культуры* без моего ведома напечатал мои стихи, переврав тексты и биографию) и, быть может, кооперативные издательства. Очередной сборник я хотел бы издавать в России. Здесь — это почти ни к чему; я окончательно уверился, что читателя в природе нет, он — застарелое суеверие, не более того. А издавать надо: без этого от стихов не избавишься и для новой жизни не освободишься. Пока, однако, путей я не нашёл (хотя и то сказать: ищу вяло).

В мае мы с Таней были в Англии. Я ездил по приглашению БиБиСи и неделю работал у них. Возможно, Вы помните, что я некогда просил у них места и получил отказ. Год назад я прошёл повторный экзамен в Тель-Авиве, а в мае они позвали меня в Лондон, что означало продолжение экзамена на месте. Неделю я сидел на переводе *dispatch* 'ей, по три в день, печатал их [на пишущей машинке] и наговаривал на плёнку, — после чего они уходили в эфир. Это, конечно, не единственное, что там делают, но приёмный тест основан на переводе. Кажется, я понравился английскому начальству, мне даже сказали, что я хороший переводчик. Русская публика там вообще убеждена, что я уже принят, — между тем официального ответа нет по сей день, и я, по некоторым признакам, вполне допускаю, что он будет отрицательным. Но к положительному ответу я готов еще меньше. Жить в Лондоне на одну зарплату нельзя даже впроголодь: квартира (более

чем скромная) съест 2/3 из нее, т. е. 600 фунтов из 900. Что самое главное: мне, боюсь, будет тяжело бросить мои уравни- ния. Контракт у меня тут до октября 1989. Если его не возоб- новят, а Лондон пришлёт приглашение, я, конечно, поеду ту- да, но сперва на полгода и один: это всё равно испытательный срок, к тому же, ровно столько я могу жить в ихнем хостеле. А дальше видно будет. Лондон привлекателен во многих от- ношениях; работа там очень скоро может стать постоянной, значит — долой нервотрепка; о культурном аспекте и гово- рить не приходится; и климат — наш, что очень важно для Тани. Она очень хочет туда, главным образом потому, что здесь летом буквально умирает от жары; ну и конечно, приро- да средней полосы, к которой она так привязана, да и язык понятный... Словом, поглядим. Пока говорить не о чем.

Пока я работал на БиБиСи, Таня была дома: она присо- единилась ко мне неделю спустя, мы еще две недели провели у наших англоязычных друзей под Лондоном — на полном пансионе и на бесплатных развлечениях. Нас водили на Шекс- пира в лучшие театры, возили в Стратфорд, Виндзор, окрест- ные замки, музеи... всего не перечесать. Подобного отдыха у нас в жизни не было. Я вернулся домой как новенький и сра- зу почувствовал, как возросла моя работоспособность.

Признаюсь Вам, мне несколько грустно было узнать, что из присланных мною стихов Вы выделили не те, которые больше дороги мне: первое и третье, а сам я больше люблю второе, а затем — четвертое. Правда Ваша, они — новые зву- ки, но как раз это меня больше всего и радует: я их ждал. Л. Шестов писал некогда, что «приобретение манеры [худож- ником] знаменует собою начало конца»: «Художник это от- лично понимает и рад бы отвязаться от своей манеры, которая ему кажется шаблоном. Но это требует слишком большого напряжения сил, новых мук, сомнений, неизвестности. Тот, кто однажды пережил "восторги творчества", второй раз до- бровольно ими не соблазнится...» Я очень люблю этот его пассаж. Там же он говорит, между прочим, что «...большин- ство людей, даже гениальных, *à la longue* не выносит творче-

ской работы», ибо «творчество — непрерывный переход от одной неудачи к другой... Общее состояние творящего: неопределенность, неизвестность, неуверенность в завтрашнем дне и, как венец всего, совершенная издерганность...» Не знаю, как у гениальных, а у меня — именно так.

На этом прощаюсь, сердечно обнимаем Вас и Ваших.

Ю. Колкер

P. S. Спасибо за журналы!

12.08.89, Иерусалим.

Дорогой Геня,
нашей дружбой, выдержавшей не одно испытание, закликаю Вас выполнить следующую мою просьбу, которую срочность из пустяковой превращает в обременительную: прочтите, пожалуйста, критически прилагаемый текст [*Изыщные науки*] — и сразу же, в двух словах, напишите, что Вам не понравилось. Я спешу отправить его в печать.

БиБиСи зовёт меня в Лондон на 11 месяцев, и поскольку здесь [в Израиле] мои служебные перспективы по-прежнему окутаны туманом, то я вернее всего поеду. Возможно, они обратятся к Вам с вопросами обо мне. Вы — под первым номером в представленном мною некогда списке арбитров. Сделайте милость, отпишите им.

И еще один вопрос. Как Вы понимаете *Aurea mediocritas* Горация (10-я ода II книги); всерьёз ли он хвалит золотую середину — или иронизирует? И если всерьёз, как это увязать с его же утверждением о том, что посредственность хороша для многих, но не годится для поэта (в Послании к Пизонам)?

Получили ли Вы моё письмо от 8.07.89? Поменяли ли квартиру? Вообще, как поживаете? У нас — в целом — без перемен.

Обнимаем Вас и Ваших,

Юра

Всемирная служба Би-Би-Си и в самом деле обратилась к Хазанову с просьбой отрекомендовать меня. Вот что он туда написал:

Мюнхен, 21 августа 1989 г.

Дорогая мисс Gianna Faccenda,

я знаком с доктором Юрием Колкером (Yuri Kolker) со времени, когда он приехал на Запад, то есть около шести лет. Я знаю его лично, поддерживаю с ним постоянную переписку, время от времени мы видимся. Еще до нашего знакомства я знал г-на Колкера как талантливого поэта, литературоведа и литературного критика. В свое время мне особенно рекомендовал его известный московский философ и публицист Григорий Померанц.

Я считаю Юрия Колкера одним из наиболее серьезных и ярких представителей современной русской литературы за рубежом и высоко ценю его поэзию, известную мне по ленинградскому Самиздату и особенно по нескольким поэтическим сборникам, опубликованным в эмиграции. Как поэт-лирик Юрий Колкер принадлежит к традиции русского постабмеизма, что не мешает ему быть вполне самостоятельным, сложившимся и оригинальным поэтом, чей голос невозможно спутать ни с чьим другим. Широкую и заслуженную известность получила большая работа Ю. Колкера — очерк жизни и творчества Владислава Ходасевича, лучшее из всего, что опубликовано до сих пор на русском языке об этом классике русской поэзии Серебряного века. Эта работа включена в комментированное Собрание сочинений [точнее: Собрание стихов] Вл. Ходасевича, подготовленное д-ром Колкером, когда он еще жил в Ленинграде, и выпущенное издательством Ymca Press [на самом деле издательством *La presse libre* при газете *Русская мысль*] в Париже.

Юрию Колкеру принадлежит ряд статей о современной русской литературе и литературной жизни в СССР и за границей, которые опубликованы в русских зарубежных журналах; в их числе — несколько высокоталантливых текстов, помещенных в журнале «Страна и Мир», одним из редакторов которого я являюсь.

В этой связи я хотел бы отметить особые качества ли-

тературно-критической прозы Юрия Колкера, резко выделяющей его из массы пишущих и публикующихся эмигрантов: четкость и ясность изложения, широкую осведомленность, прозрачный стиль и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, прекрасный русский язык.

Длительное личное и литературное общение с Юрием Колкером, высокообразованным и безупречно порядочным человеком, относящимся с большой требовательностью к себе, дает мне основание горячо рекомендовать д-ра Колкера для работы на Русской службе радиостанции Би-Би-Си.

Искренне Ваш

Д-р Г. Файбусович (Борис Хазанов)
редактор журнала «Страна и Мир»

Мюнхен, 17 августа 1989.

Дорогой Юра! Я не уверен, что это письмо дойдёт до Вас так же быстро, как дошло до меня Ваше письмо от 12 августа, но пишу Вам без промедления. Теперь по порядку: сначала о статье «Изящные науки».

Вы просите отметить места, которые вызывают (у меня) возражения. Этих мест немного.

1) Стр. 2. Несколько лукавые рассуждения о мотивах, руководивших проф. [Ефимом] Эткингом, о двух возможностях и т. д. Вся эта страница кажется мне чрезмерно обстоятельной, несколько избыточной, отчасти кокетливой. Дальше эта обстоятельность, может быть, и уместна; но начало статьи, мне кажется, должно быть более экономным, более сдержанным и энергичным. Оно немного расхолаживает.

2) Стр. 3, вторая строчка второго абзаца. Смысловая опечатка: «обличённых» вместо «облечённых».

3) Стр. 5, конец третьего абзаца. Мне непонятно слово «идеома». Если это «идиома» (выражение, не поддающееся буквальному переводу), то слово это здесь не на месте. Если это другое слово, образованное не от «идиос», а от «идея», то

что оно значит?

4) Стр. 6, предпоследняя фраза второго абзаца. «Весче». Вы уверены, что эта сравнительная степень от «веский» существует? Я бы употребил другое слово: весомей.

5) Стр. 7. Насколько я помню, «знаменитый антагонизм между физиками и лириками» изобретён не литературоведами. Первыми текстами на эту тему были, если не ошибаюсь, статьи представителей точных наук: одного английского физика и популярного в те годы романиста о «двух культурах» и одного советского инженера; несколько позже появились известные стихи Бориса Слуцкого.

6) Стр. 9, конец второго абзаца. Хочется добавить: его («если бы нашим спиритам удалось его вызвать...»). Вся фраза несколько неуклюжая, я бы вообще её похерил.

7) Стр. 9, третий абзац: «Весьма вероятно, что хлебниковский эксперимент, как и эксперимент большевистский...» Эта фраза возвращает нас к мыслям, развитым в Вашей последней статье [*Гарвардский синдром в эстетике*, журнал 22 №63, 1989; о споре Бориса Хазанова с Василием Аксеновым] (на которую я не откликнулся отнюдь не потому, что не заметил её). Я не хочу сейчас касаться темы, требующей особого обсуждения: политические параллели авангардизма, связь с революцией и пр.; просто у меня такое чувство, что здесь сопоставление двух «экспериментов» и соответствующие умозаключения, касающиеся лично [Ефима] Эткинда, неуместны, чрезмерны. Они выходят за пределы конкретной полемики и могут послужить поводом для того, чтобы упрекнуть Вас в том, что Вы приписываете Эткинду взгляды, которых он не высказывал. Я не читал статью Эткинда, которую Вы критикуете, мне трудно судить. Но при чтении Вашей статьи иногда возникает впечатление, что Вы приняли его статью, написанную, как это у него часто бывает, небрежно и поверхностно, слишком всерьёз. Впечатление, что Вы подчас инкриминируете ему слишком глубокие заблуждения, о которых, возможно, он и не помышлял.

8) Стр. 10, пятая строчка сверху: «этнонимы». Что суще-

ствует веками: народы или их обозначения (этнонимы)? Великое множество племён исчезло; их имена, однако, сохранились.

9) Стр. 11, второй абзац («Но профессор Эткинд...» и т. д.). Воля Ваша, Юра, но весь абзац кажется мне излишним. Вы дали волю своей злости.

Насчёт Горация. Мне кажется, что мысль оды II, 10 выражена достаточно ясно. Золотая середина не есть посредственность. Обратимся к тексту, вот первые три строфы.

Rectius vives, Licini, neque altum
Semper urgendo neque, dum procellas
Cautus horrescis, nimium praemendo
Litus iniquum.

Auream quisquis mediocritatem
Diligit, tutus caret obsoleti
Sordibus tecti, caret invidenda
Sobrius aula.

Saepius ventis agitur ingens
Pinus et celsae graviore casu
Decidunt turres feriuntque summos
Fulgura montes.

То есть:

«Ты будешь жить правильной, Лициний, если не станешь ни вечно стремиться в открытое море, ни держаться возле самого берега, опасаясь сильных бурь: берег тоже ненадёжен.

Тот, кто ценит золотую середину, равно избегает и ветхого крова, и завидных хором, он достаточно защищён, но и достаточно трезв.

Рослую сосну чаще сотрясают ветры, рушатся башни — и тем тяжелей, чем они выше, — и молнии поражают высочайшие горы».

Похоже, что это говорится без иронии.

Слово *mediocritas* может иметь (по словарю Дворецкого)

два значения: 1) посредственность, незначительность, заурядность и 2) умеренность.

Итак, если я Вас правильно понял, Вы поднимаете парус и по крайней мере ближайший год проведёте в Лондоне. По моему, это неплохое решение, ВВС пользуется хорошей репутацией, да и Лондон, по слухам, не худшее место в Европе. Сможете ли Вы там работать (то есть писать стихи)?

Письмо Ваше от 8 июля я получил, не сердитесь за то, что задержался с ответом. Писать пустяки не хотелось, а до серьёзного письма не добрался. Это же относится и к статье в «22» [*Гарвардский синдром в эстетике*, журнал 22 №63, 1989], где Вы почтили меня вниманием. Я ограничился тем, что послал Вам номер журнала со своей статьёй, где есть немного и об авангарде; дошёл ли он до Вас? Я почти закончил свой роман. Рижский еврейский журнал видел [*Вестник еврейской культуры*, №1, март-апрель 1989 (с искажениями)] и очень порадовался, найдя там небольшую подборку Ваших стихотворений. Там есть мои любимые стихи («Памятник»), есть и чудное стихотворение, которое я не знал, — о другой стране. В нём мне послышалась какая-то тайная переключка с Бодлером — «Приглашение к путешествию» (*L'Invitation au voyage*), знаете ли Вы эти стихи?

Сердечно обнимаем Вас и Таню.

Ваш Геня

P. S. Чуть было не забыл: через неделю мы переселяемся. Мой новый адрес следующий: Erkweg 8, 8000 München 81. Телефон 93 61 61.

12.09.89 Иерусалим.

Дорогой Геня,

большое спасибо Вам за Ваше письмо от 17 августа и критику, как всегда, справедливую, которую я — сколько хватило сил — постарался учесть. Грамматические ошибки (в словах облечённых, идиома) я заметил сам и уже исправил. В более сложных случаях проклятая авторская амбициозность пону-

ждает меня упрямиться даже и после признания Вашей правоты, хоть рассудком я с Вами. Конечно, «юный друг» — не идиома в точном смысле слова: но идиоматический оттенок у этого устойчивого сочетания есть, и я как раз о нем и пишу. Слово *весче* мне почему-то хочется сохранить, хоть и неологизмов я не люблю, и Таня, в точности как Вы, считает его рискованным. (Помню, как в 1971 меня раздражало прилагательное *золот* у Игоря Северянина, — и пожилой эстонец, профессор Вальмар Адамс, знавший Северянина и друживший с ним, со страстью уверял меня, что слово это законно и что оно вовсе не неологизм. Я поверил тогда ему, и теперь мне кажется, что и *весче* — из того же ряда и вовсе не грех.)

Кто эти двое: английский физик и романист, придумавший антагонизм между физиками и лириками, и советский инженер, подхвативший тему? Здесь, спору нет, я промахнулся (хотя Борис Слуцкий, конечно же, *литературовед*, а не поэт); вообще, 1950-е годы я, по моей периферийности, помню плохо.

Несколько энергичнее мне хотелось бы не согласиться с Вами в том, что я будто бы дал волю моей злости. Злиться мне на Эткинда никак нельзя: мы не в равном положении, его только жалко. Можно было бы, Вы скажете, старика пожалеть — и пощадить; но с такой меркой нам, боюсь, скоро придётся жалеть всю русскую словесность как целое: не лучше ли *пощадить* ее, пока не поздно? «Добро должно быть с кулаками», — сказал кто-то в ихнем Литературном институте, чуть ли не тот же Слуцкий. С известными оговорками я этот тезис готов принять.

Большое спасибо и за Горация. Здесь Ваша помощь просто неоценима, ведь я совсем не знаю латыни. Вопрос о противоречии оды II-10 и ст. 358-374 (по Фету) в послании *К Пизонам* занимал меня многие годы, местные эрудиты мне на него вразумительно ответить не смогли. Это — *противоречие*: по крайней мере в сегодняшней языковой и семантической оркестровке, уравнивающей умеренность и посредственность. Согласитесь, что замечание «рослую сосну чаще

сотрясают ветры» родственно многократно высмеянному обывательскому «не высовывайся»; тут — прямой выход к романтизму. Конечно, я помню, что человек (поэт в особенности) всегда соткан из противоречий; возможно, что и лексически места эти у Горация не родственны (т. е. в *К Пизонам* — не *mediocritas*), и романтическая интерпретация посредственности тогда не была понятна; и, разумеется, не упрекнуть Горация имел я в виду. Сопоставление этих мест у Горация лежит в русле всё тех же моих спекуляций об авангардизме и пассаизме. В качестве иллюстрации прилагаю два стихотворения, которые очень прошу подвергнуть нелицеприятной критике. Одно из них, вместе с эпитафией, объяснит Вам, почему я просил Вас пояснить мне Горация.

Вероятно, в середине октября я уже буду в Лондоне; билет (открытый!) получен, основные формальности преодолены. Таня и Лиза пока остаются здесь.

На этом прощаюсь. Обнимаю Вас.

Юра

21.09.89

Иерусалим

Дорогой Геня,

посылаю Вам текст Г. Померанца, привезённый гостящей у нас Риммой Запесоцкой. Г. С. предназначает этот текст для *Liberty* — или (если там почему-либо не возьмут) для Вашего журнала, *в дополнение* к уже посланной вам его большой статье о взглядах Шафаревича, — по статье последнего в *Новом Мире*.

Спасибо за Ваше письмо от 17 августа. На днях я отошлю Вам давно готовый ответ на него: его нужно только отпечатать, а принтера у меня нет. Хочу еще послать Вам кое-что из [моих] стихов на критику (которую *очень* ценю). А пока — выполняю просьбу Г. С.

Ваш Юра

3 окт. 1989.

Мюнхен

Дорогой Юра, я был в двухнедельной отлучке, вернулся домой и нашел Ваше письмо с текстом Померанца. Спасибо. Мне давно хотелось написать Вам о статье «Гарвардский синдром», которую я прочёл в Двадцати Двух, поблагодарить Вас и немножко с Вами поспорить, но всё никак не соберусь; может быть, немного позже.

В августе я получил от Би-Би-Си запрос, о котором Вы мне писали. Я ответил как мог и выслал ответ тогда же. Пользуюсь случаем послать копию. Не обращайтесь на литературные формулировки. Что у Вас с Лондоном?

Мы оба кланяемся Вам и Тане.

Ваш Г. Ф.

Мюнхен. 7 окт. 1989

Дорогой Юра! Стихи прибыли с небольшим опозданием. Надеюсь, и Вы получили моё письмо, посланное дней пять назад.

Мне трудно говорить о стихах. Как большинство читателей, я воспринимаю стих скорее стихийно, не зря оба слова имеют общий корень, и даже как будто немного боюсь анализировать любимые стихи, — это тоже распространённое суеверие. Кроме того, как мне кажется, я в состоянии хоть как-то судить о поэзии только внутри некоторого «поля», другими словами, если я ориентируюсь в поэтическом мире поэта. Это не так уж хорошо; не совсем честный приём; из-за этого новых поэтов, молодых или неизвестных, попросту не замечают. С Вами мне легче, Ваш мир — для меня, смею думать, не чужой город; и всё-таки.

У меня нет сомнений, что оба стихотворения — настоящая, неподдельная поэзия. Стихи замечательно оркестрованы, особенно первое. Стихи вдохновляют: это подлинно латинская муза, подстать эпиграфу. Но музыка стихов, их гармония и некоторая торжественность таят в себе определённую

ные опасности: Вы ведь ждёте от меня не общей оценки. Разрешите мне поэтому надеть сильные окуляры и на миг забыть о цельности.

Прежде всего сам этот эпиграф: я думаю, что в таких случаях необходима цитатная точность. *Aurea mediocritas* — это просто крылатое выражение, восходящее к Горацию; но не сам Гораций. Представьте себе, допустим, такой эпиграф: «Неразумные хазары» (Пушкин). Вы разрушили строчку, разрушили ритм сапфической строфы. *Auream quisquīs mediocritatem...* (Тот, кто золотую середину...) Видимо, так и нужно поставить, сохранив строчку и оборвав фразу, предполагая остальное известным читателю.

Далее: «Напрасно поэт проповедует страсть И крайности славит свои». Точнее было бы, вероятно: и славит безумства свои — но это, похоже, звучит банальней, изымает ключевое слово «крайность» и, кроме того, нарушает оркестровку. Дело, однако, не в этом. Какой поэт? Тот, на которого Вы только что сослались? Но ведь он-то как раз проповедует и славит обратное. Понятно, что Вы имели в виду не Горация, а традиционный романтизм, но при чтении возникает некоторое недоразумение.

«От страсти жестокостью густо несёт». Замечательная густота аллитераций. Но мне показалось, что «густо несёт» — не в стиле этого стихотворения. Это из какого-то другого ряда, в данном контексте — не поэтического. Снижает интонацию.

«И крайности плохи. Сплошная толпа...» Не кажется ли Вам, что эпитет «сплошная» было бы хорошо заменить каким-то более содержательным? Получается почти плеоназм.

«Посредственность — славный упрёк». Я не понял: что значит славный? Почему?

«Противен ей невсеобъемлющий храм, дика элитарная спесь». Вы будете правы, упрекнув меня в чрезмерной придирчивости, но у меня такое чувство, что тут какой-то ход в сторону. Элитарная спесь — что общего у неё со страстностью, с плебейскими крайностями, с авантюризмом, с дешё-

выми гиперболами рынка, с язычеством сиюминутности, со всем, чему противопоставлена похвала посредственности? Ещё одно: слово «невсеобъемлющий», по-моему, какое-то неуклюжее.

Предпоследняя строчка: может быть, вместо «засим» - «не зря»?

Второе стихотворение, без названия, понравилось мне больше первого. Оно как-то сразу подкупает своей интонацией, задумчивой речью, богатством мысли, грустной иронией, парной рифмой. Вообще, что касается рифмовки, этого особого шика русской поэзии, особого соревнования вроде национального пения, должен сказать, что Вы достигли почти идеального равновесия: Ваши рифмы естественны — свежи и вместе с тем не назойливы.

Это стихотворение [*Мой польский классик, за ручьем твоим...*], обращённое, если я не ошибаюсь, к Тувиму, полно маленьких загадок, которые только усиливают его прелесть. Какую-то часть его смысла, как мне кажется, я понимаю. Два замечания: Клио, как и все греческие женские имена на «о» (Сапфо, Эрато, Геро, Ио, Калипсо), по-русски не склоняется. Второе, собственно, не замечание, а так: христофор буквально значит богоносец (Христоносец); Вы это имели в виду?

Жму Вашу руку, поклон и сердечный привет Тане.

Ваш Г.

Dr Yuri Kolker:
BBC Beaumont Hostel
17-19 Prince's Square
Bayswater
London W2
United Kingdom

10 ноября 1989

Дорогой Геня,

отвечаю на два Ваших письма: от 3 и от 7 окт. 1989. Прово-

лочка была вызвана переездом: пишу Вам, как видите, уже из Лондона, в чем есть доля Вашей вины: с таким английским, как мой, сюда, вообще говоря, не берут. Спасибо Вам большое за характеристику. Лучшей я, кажется, не получал. Она здесь произвела некоторое впечатление.

Таня и Лиза пока в Иерусалиме — и совершенно неясно, как быть дальше. Вероятно, будем сдавать нашу квартиру и снимать здесь. Жильё здесь чудовищно дорогое, мы оба непрacticны, жалование у меня (относительно) скромное, словом... оставим пока эту приятную тему. Как только я пойму, как жить дальше, я тотчас напишу Вам об этом.

Ваша критика моих стихов, увы, замечательно точна. Эпиграф я просто прошил. Ведь в самом деле получается, что я возражаю Горацию (а не Цветаевой, которую я держал в уме). Что есть в этом стихотворении (Похвала посредственности) «ход в сторону», как Вы говорите, и не один, — это я и сам чувствовал. «От страсти жестокостью *густо несёт*» — последнее сочетание, точно сговорившись с Вами, в тех же словах отвергла и Таня; а я, честно говоря, всё еще не слышу. Переработка старых текстов всегда опасна, слои накладываются и торчат друг из-под друга. «Невсеобъемлющий» — конечно, неуклюже, это я чувствую ясно, вместе с Вашей правотой. Во втором стихотворении я, конечно, склоняю не имя Клио, а русификацию этого имени, принятую у поэтов прошлого века (наряду с Клио): *Клия*; но если *Вы* не вспомнили об этой русификации, то это значит лишь, что ее нельзя ставить в родительном падеже — во избежание смешения... Слово христофор я употребил именно в том значении, которое Вы подтвердили.

Перед самым отъездом я закончил подготовку рукописи новой книги (неновых) стихов. Подготовка на этот раз означала основательную переделку, некоторые вещи (даже и опубликованные) изменились очень сильно. Хотел было послать рукопись Вам на критику — но своевременно понял, что это означало бы нещадно Вас эксплуатировать: Вы бы постеснялись

отделаться отпиской или прямо сказать, что у Вас нет на это сил (что мне очень понятно, я ведь знаю, как Вы работаете). Издавать планирую либо у Синявских, если позволят, с тем, что большую часть работы сделаю я сам, — либо... в Худлите — если не заломят слишком дорого. Ибо это только вопрос денег. За мою книгу они могут спросить 2000 рублей в валюте. Эта сумма была для нас неподъёмной до нового курса рубля, а теперь кажется реальной. Хвастался ли я Вам, что ленинградские журналы *Нева* и *Звезда* хотят печатать мои стихи и чуть ли не спорят о них — и это без моей просьбы? Правда, и у них — очередь: стихи ведь всё ещё не перевелись в этой стране. Но сам факт любопытен. Он даже слегка щекочет мне самолюбие, хоть я и понимаю, что и интерес к эмигрантским писателям — всё та же конъюнктура, всё та же несамостоятельность... Всего этого Вам объяснять, слава Богу, не нужно.

Таня сказала мне по телефону, что Вы прислали нам копию какой-то статьи Кушнера. Спасибо. Но я, Вы знаете, не слишком ценю его прозу. Я и стихи его никогда не считал совершенством: я всегда твердил лишь о его поразительном мастерстве в обращении с поэтическим словом, — а мастерство ведь далеко ещё не всё, что нужно поэту. Затем, последние его стихи меня что-то совсем уже не трогают. Может быть, я оглох, — а может быть, положение «первого литературного чиновника Ленинбурга», как написала одна моя знакомая [поэтесса Ольга Бешенковская], сказалось на его творчестве. Я всегда думал, что стихи (как и молитва) не должны быть существенным образом связаны с профессией и заработком, что поэт должен зарабатывать преимущественно не ими. Вообще, мне странен человек, никогда и ничего, кроме писания стихов, не делавший.

О моей новой работе скажу пока лишь то, что очень устаю. Буду ли я любить ее, неясно. Но если стихи у меня в Лондоне будут писаться лучше, чем в Иерусалиме, я, вероятнее всего, постараюсь здесь закрепиться. Пока я занимаюсь переводами

и резаньем плёнки (на которую сам себя записываю перед выходом в эфир; живьём еще не читал). В коллектив (простите за это надоевшее слово) вживаюсь медленно, такого опыта у меня не было в прошлом, я всегда что-то делал в одиночку или в отдалённом контакте с кем-то. Преимущества жизни в культурном центре я оценю нескоро: экономлю, трачу на себя не более трёх фунтов в день (включая мелкие покупки), ведь и без того за крохотную комнату в общежитии я плачу сейчас больше, чем Таня — за нашу четырехкомнатную квартиру в Иерусалиме (боюсь, ей там на днях закроют в банке кредит — так мы увязли в долгах).

На этом пока прощаюсь с Вами — обнимаю Вас, поклон Вашим.

Примите от всех нас наилучшие пожелания к Рождеству и Новому году.

Всегда Ваш,

Юра

Этим письмом заканчивается первая часть моей переписки с Борисом Хазановым, самая интенсивная и плодотворная.

Я поселяюсь в Лондоне, в общежитии Би-Би-Си, 18 октября 1989 года, и работаю продюсером, то есть рядовым штатным сотрудником (старших продюсеров тогда ещё не было) на русской службе Би-Би-Си, с контрактом на 11 месяцев. Но что такое «русская служба» как не ошибка переводчика? (Ещё одна ошибка в громадном списке ошибок, возглавляемом такой нелепостью как «Организация объединённых наций», — ведь правильно-то: Организация объединённых *стран*!) Никакого *служения* русской культуре или России русская служба не подразумевала. Название обманывает. Правильный перевод: *русскоязычный отдел*, только и всего. Отдел, откуда голосят по-русски. Желательно, чтобы русский был родным языком говорящего, чтобы говорящий понимал жизнь в Совдепии и чтобы его голос был приятен, — вот и все требования. Правильный русский язык, литературный слог на этой службе не то что не нужен, он —

вреден, он мешает работать, ведь большинство слушателей — простонародье, а главное достоинство радиожурналиста — быстрая реакция, немедленный отклик на слова и события.

И вот в октябре 1989 года, на второй рабочий день, я с изумлением вижу, что из шестидесяти моих новых коллег пятьдесят говорят на языке подворотни, притом их ценят, а меня, выверяющего на звук и ритм каждую фразу, — не слишком. Спустя год или два я зарифмовал это наблюдение:

На Би-Би-Си работают моллюски.

Они свободно говорят по-русски —

и коллеги, включая начальство, это двустишие услышали, я не остался без аудитории.

Давно сказано (кажется, Синклером Льюисом): «Писателю годится любая профессия, кроме журналистики; журналистика разрушает душу». Но самый захудалый журналист — сущий Лев Толстой перед радиожурналистом, потому что радиожурналистика — открытое, откровенное отрицание литературы. Написанный тобою текст устаревает через час, через полчаса, ведь главное в этом бизнесе — мировые новости. Именно так это понимало начальство на Би-Би-Си: новостям — 80-90% сил и времени, культуре, притом преимущественно британской, — 10-20%. Если твой текст — о культуре, он устареет не через час, а через день, через неделю. Но разве таким видит срок жизни своего творения писатель?

На второй день работы на проклятых бибсиях я с ужасом понял, что сел не в свои сани. Однако ж дороги назад не было: в Израиле, в ту пору бедном, работы для меня нет, а семью нужно кормить. Чем компенсировать такие мои недостатки, как посредственный английский, изысканный русский, да ещё начинающуюся глухоту (это на радио-то!), о которой я тогда ещё не догадывался? Только неистовым трудолюбием и дисциплиной. И вот в первый же год я прослыл на бибсиях трудоголиком, каковым отнюдь не родился.

Первое время я работал почти исключительно на новостях. Работа выглядела так: приносят английский текст в 2-3 страницы, dispatch, сообщение о взрыве в Парадоре или фестивале поп-музыки в Скифляндии, и говорят: в эфир — через час, а то и через сорок минут. О черновике нечего и думать. Передо мною — не вполне исправная пишущая машинка

(нет рычага возврата коретки). Я сразу же начинаю нашлёпывать перевод. А вокруг — бедлам: в комнате — пятнадцать человек, включён телевизор, кто-то работает (переводит), но обязательно есть несколько человек бездельничающих и обсуждающих своё в полный голос, от футбольных новостей до курса акций («Нет, на этой много не заработаешь!»), тут же и обедают (полный обед из кантины разрешалось приносить на подносе на рабочее место), и уж непременно — курят. Закончив кое-как перевод в этом аду, я бегу в маленькую рабочую студию (счастье, если она свободна!), включаю магнитофон и наговариваю мой текст на плёнку, при этом спотыкаюсь, переговариваю сказанное (по части *флаффов*, как вскоре выяснилось, я был полным чемпионом; голос у меня слабый, дыхания мне не хватает), затем бегу назад в мою преисподнюю комнату, где все орут, сажусь на специальное устройство (тоже, в сущности, магнитофон), бритвой вырезаю эти мои флаффы, а в местах разреза склеиваю ленту другой лентой, клейкой. Когда запись готова, я надписываю мою бобину и бегу с нею с пятого этажа на третий, в большую студию, откуда уже идёт трансляция и куда опоздать на пять секунд значит погубить передачу, — всё бегом!

Нужно ли говорить, что эта работа была для меня проклятьем? Но я старался, и мне продлили контракт ещё на год. Тут мы с Таней приняли стратегическое решение: переезжаем, — и Таня с Лизой перебрались из Иерусалима в Лондон. Шестнадцатилетняя Лиза, всем сердцем привязанная к Израилю, не хотела ни жить, ни учиться в Лондоне, на нас смотрела волком, Англию ненавидела. Через пень в колоду окончив школу, она в 18 лет отправилась в Израиль — служить в армии. Таня с её хронической болезнью (оперированным позвоночником) и нашим с нею общим полным незнанием британской жизни в первые годы не могла и думать найти сносную подработку, не то что должность. Половина моего жалования (19 тысяч фунтов в год) уходила на оплату жилья, мы едва сводили концы с концами... а при этом я света белого не видел, — так я уставал, так был измотан ненавистным трудом и сонмом мелких унижений, неизбежных при такой жизни и работе.

Всё это вот к чему: первые три года на проклятых бибисях были не просто самыми тяжёлыми в моей жизни (работать тяжело мне и прежде приходилось), они были *худшими в моей жизни* — потому что *стихи ушли*. За эти три года я едва ли сочинил три стихотворения. Нужно ли

объяснять, что́ это для меня значило?

Спросим теперь такое: кто из русских поэтов пожертвовал своими стихами ради семейного счастья? Только Пушкин. (Счастье его, замечу, видится мне уродливым и неестественным: в тридцать с хвостиком жениться на 18-летней кукле без тени душевной близости с нею, и всё — ради того, чтобы, появляясь на балу с красавицей, привлекать к себе всеобщее внимание, — ради тщеславия! Но это — другая тема.) Не вижу ещё одного поэта, кроме Пушкина, поступившегося своим эгоизмом ради семьи (а ведь эгоизмом, по Бродскому, измеряется талант). Другое дело — обыватель, балующийся стишками: тот всегда поступится ласками Аониды ради ласк возлюбленной. И вот получалось, что я — обыватель!

На это сам себе возражу: поэтом я могу не быть, но выполнять мой долг обязан, — вот моя жизненная философия. Долг перед теми, кто мне доверился и от меня зависит, — выше любых утех. Я не поэт? Горько, но деваться некуда. Оставить без помощи Таню и Лизу я не могу... Но — жизнь стала кошмаром. Эти три года были для меня сплошным беспроектным кошмаром.

Стихи потом вернулись — когда меня из штатных сотрудников вытолкали во внештатники, на четверть нормального жалования, в бедность на грани голода, но зато — без новостей, без ненавистных Парадора и Скифляндии. Мне оставили только мой радиожурнал, который я в течение двенадцати лет под разными названиями выпускал раз в две недели на волнах Би-Би-Си с января 1991 года (в предварительной записи, не в прямом эфире). Замечательной особенностью этого радиожурнала было то, что каждый выпуск уходил в эфир без всякой цензуры, без утверждения начальством, в этом — отдадим бибисям должное; на других радиостанциях такого не бывало. Но уж и делать в этом радиожурнале мне приходилось решительно всё в одиночку, и за продюсера, и за оператора, — от выбора тем и участников (включая и Хазанова; я брал у него интервью по телефону) до отдачи операторам готовой 25-минутной бобины, — чего, замечу, до меня никто никогда на русской службе не делал, у каждого продюсера были помощники. Естественно, я подрабатывал и на стороне, переводами и чем придётся. Таня тоже начала подрабатывать, и мы кое-как выжили.

Затянувшееся вступление ко второй части моей переписки с Борисом Хазановым имеет целью только одно: напомнить (мне самому и гипотети-

ческому читателю), что главным содержанием моей жизни с детства и до старости были стихи. Я пишу о себе, то есть — о стихах.

Мюнхен, 10.02 1991

Дорогой Юра,
правильный ли у меня телефон: 004481/257 22 83? Я почему-то никак не могу до Вас дозвониться, всё время занято. Сочинение В. Ханана я получил и успел прочесть примерно половину. Но никаких латинских вкраплений я во всей рукописи не обнаружил. Можете ли Вы рассеять мои сомнения? Я нахожусь в нашей конторе каждый день (089/53 05 14) и при необходимости мог бы, если бы Вы позвонили, сразу Вам перезвонить.

Сердечный привет Тане и дочке, обнимаю Вас.

Ваш Г.

Дата в правом верхнем углу письма поставлена Хазановым ошибочная: на самом деле это уже 1992 год. Телефон мой рабочий, как свидетельствует моя визитная карточка (правда, не 1992-го, а 1996 года, когда я уже внештатник), он тоже приводит неверный. Правильный телефон был бы 0712572121. Рукопись ленинградского поэта Владимира Ханана я переслал Хазанову не для вычитки латинских цитат (и тут недоразумение!), а для публикации в журнале *Страна и мир*.

18.02.92

Лондон

Дорогой Геня,

простите: я ничего не сумел Вам толком объяснить. Всему виной спешка; время считаю на минуты, сплю по пять часов...

Ханан — Вам: *он* просил прислать Вам его текст, ибо видит в Вас единомышленника (и, наверное, хочет напечатать у Вас всё или часть). Если Вы помните, я Вам писал [этого письма не нахожу], что я от его текста не совсем в восторге, но я здесь не рекомендатель, а только посредник.

А латинские цитаты — в этом конверте. Кроме них есть еще немецкие и французские, и Вы меня бесконечно обяжете, просмотрев их внимательно. Ведь я ни один из этих языков не знаю (хотя латынь и французский учить пытался, самоучкой). Немецкие же цитаты я просто переводил вслепую.

Мой телефон на службе: (Англия) 71/2572121, а дома 81/2073616.

Обнимаю Вас.

Ю. К.

С этим письмом я пересылаю Борису Хазанову латинские, французские и немецкие цитаты из книги, работу над которой я только что завершил: Лорд Актон. *Очерки становления свободы*. Перевод Юрия Колкера, под ред. А. Бабича. *Overseas Publications Interchange Ltd.*, London, 1992, с моей статьёй об Актоне: *От переводчика: тема и метод*. (Значащийся редактором А. Бабич на деле никакой редактуре не внёс; все его немногочисленные поправки я, с разрешения издательства, отверг; всё в книге моё, включая и мелкие ошибки — вроде *Сэлсбери* вместо *Солсбери*, потом исправленные.) Переводил я, понятно, ради заработка, причём отобран был для перевода главным редактором издательства Ниной Карсов (не Карсовой; она полячка) в ходе конкурса. Русское название книги принадлежит мне (Нина Карсов составила книгу из нескольких отдельно опубликованных английских лекций Актона). Начертание *Актон* тоже моё (добрые люди говорили мне, что следует писать *Эктон*, что я отверг с негодованием). Даже и типографское исполнение книги — моё: чтобы пристойно её отпечатать, я, при нашем безденежье, купил лазерный принтер, стоивший около одной пятой вознаграждения, обещанного мне за перевод. Все иноязычные (не английские) цитаты из книги перевёл я; Хазанову, по моему выбору, мы с Ниной послали их только на проверку (и он, понятно, нашёл ошибки). Верно: ни одного из трёх названных языков я толком не знал, но в 1972 году я полных шесть месяцев посещал государственные французские курсы, немецкому языку немножко учил меня и Таню мой отец, а латынь — да, тут я самоучка и недоучка; в 16 лет, без учебника и наставника, предпринял отчаянную попытку взойти на Капитолий, но плюсквамперфектума не осилил.

С издательством *Overseas Publications Interchange* (OPI) я начал рабо-

тать ещё в 1990 году (Ф. А. Хайек. *Общество свободных*. Перевод с английского Александра Кустарёва [Александра Донде], под редакцией Юрия Колкера (на деле следовало бы сказать: в литературной переработке Юрия Колкера; я буквально переписал книгу от начала до конца). В 1992 году в *Overseas* вышла ещё книга: Йохан Хейзинга. *Об исторических жизненных идеалах*. С голландского перевела Ирина Михайлова. Под редакцией Юрия Колкера (опять не вся правда; перевод с голландского был таков, что мне пришлось заново, от слова до слова, переводить книгу с английского.)

Издательство ОРИ не было независимым коммерческим проектом. Финансирование шло из американских фондов, связанных с правительством США и спецслужбами в рамках программ холодной войны (подобно тому, как финансировалось радио Свобода и некоторые другие эмигрантские издательства). Директором ОРИ был Серафим Милорадович (о котором ничего не знаю). В руководстве издательством принимал участие писатель и историк Михаил Геллер. Издательство просуществовало несколько десятилетий. Мои книги были в числе последних книг ОРИ; издательство прекратилось в 1992 году. С Ниной Карсов, польской правозащитницей, в детстве чудом избежавшей Треблинки, я сохранил дружбу на десятилетия.

Книга Актона в моём переводе, с моими исправлениями и дополнительными комментариями (и, понятно, с моей статьёй о методе Актона) была переиздана в Москве в 2016 году издательством *Социум*.

10.03.92

Дорогой Геня,
большое спасибо за проделанную Вами работу — которую, пожалуй, только Вы и могли проделать. Издательство твердо обещает Вам заплатить (вообще, Нина Карсов ставит Вас чрезвычайно высоко), но не сейчас, а после того, как я пришлю Вам еще 15-20 строк латыни на проверку, а это зависит не совсем от меня. Что касается Актона, то книга, если Вы не возражаете, будет снабжена указанием: «Латинские, французские и немецкие тексты проверены и исправлены Борисом Хазановым». Другой подход — указать, с помощью постраничных ссылок, Вас в качестве переводчика тех фрагментов, в которых я запутался. Наконец, третий путь — тот, который предложите Вы.

Еще раз — большое Вам спасибо.
Обнимаю Вас; поклон Лоре.
Ваш

Юрий Колкер

Мюнхен, 13 марта 1992.

Дорогой Юра, я думаю, что нет никакой особенной нужды упоминать меня в этой работе, где моё участие по сравнению с Вашим было минимальным. Конечно, от гонорара, пусть небольшого, я бы не отказался, так как сижу по уши в долгах. Пришлите мне остальную латынь. Хочу Вам также почтительно напомнить, что Эйтан [Финкельштейн] ждёт от Вас обещанного для «Еврейского журнала» текста (или текстов), но стесняется докучать Вам. Кстати, он тоже платит гонорар. Если у Вас будет время, напишите мне как-нибудь, как Вы живёте, появилась ли надежда на творческую работу. Сердечный привет Тане. Обнимаю Вас.

Ваш Г. Ф.

P. S. Я подумал, что отказ может обидеть Вас. Решите сами: хотите, упоминайте Б. Хазанова, хотите — нет. Дело хозяйское.

Ваш Г.

С Эйтаном Финкельштейном, писателем и правозащитником, прошедшим советские лагеря, сотрудничество у меня, сколько помню, не состоялось. Вознаграждение за свои поправки к цитатам из Актона Хазанов спросил с издательства ОРИ такое, что у Нины Карсов лицо вытянулось, и она решила не включать в книгу Актона две его рецензии (*Американское содружество*, на книгу Джеймса Брайса, и *Историческая философия во Франции*, на книгу Роберта Флинта), мною уже переведённые.

Yuri Kolker
58 Milton Drive
Borehamwood Herts WD6 2BB
England
Telephones: 4471257 2121 (BBC),
4481 207 3616 (home)
Fax 4471379 8104 (BBC)
7 August 1993

An Herrn Dr. G. Faibussowitch
Erkweg 8
8000 München 81
Germany

Дорогой Геня,

пишу к Вам, по обыкновению, с просьбой: не согласитесь ли Вы несколько прояснить для меня термин *горацианство*? Прежде всего, восходит ли он только к *est modus in rebus, sunt certi denique fines* или еще к каким-то местам (и, кстати, откуда эта цитата)? Что касается смысла термина, то я вижу в нем обозначение не столько умеренности, сколько хорошего вкуса и сдержанности — прав ли я?

До меня дошли слухи, что Свобода переезжает в Прагу: что известно об этом Вам?

У нас — без существенных перемен. Лиза — в Израиле: при армии, но не совсем в армии; она уже хочет к нам и не возражала бы против отсрочки основной службы, но неясно, дадут ли. Таня сейчас работает на бибсиах через день — такой выдался период. У меня полная ставка до января 1994, а затем — неопределенность, но к этому времени я *надеюсь* получить постоянное резидентство. Пытаюсь издать книжку стихов в Петербурге — вероятно, последнюю.

Что слышно у вас? как Лора и Илья? — привет им от меня и Тани. Вышел ли Ваш роман? Напишите мне, пожалуйста, когда выберется минута.

Всегда Ваш

Юра

Мюнхен, 29 авг.1993

Дорогой Юра! Я вернулся позавчера из Москвы, где не был ровно одиннадцать лет, и нашёл Ваше письмо. Фраза Горация *Est modus in rebus, sunt certi denique fines* (букв.: вещам присуща мера, и вообще есть определённые границы) заимствована из «Сатир» (или «Бесед», *Sermones*), кн.1, сат.1, ст.106. Это гекзаметр, и его, как всякий латинский стих, следует читать не с обычными прозаическими ударениями, а в зависимости от долготы и краткости гласных — так, как я обозначил.

Ваше толкование понятия «горацианство» несколько отличается от общепринятого. Под ним обычно подразумевают эпикурейское умонастроение, наслаждение умеренной, но приятной и комфортабельной жизнью в деревенской глуши, вдали от столичной суеты, интриг и тщеславия. Душевное равновесие, независимость, созерцательность, мудрый скепсис и любовь к природе. Это настроение многих сатир и особенно од.

Я устал от поездки, было много волнующих и очень тёплых встреч, но общее впечатление удручающее. Ездил я вдвоём с Лорой, но она возвратилась раньше (в связи с работой). Мой сын мало интересуется Россией. Он проработал год в Южной Африке и стал, наконец, дипломированным врачом. Главная проблема — где найти работу. Хочет снова ехать в Америку. Мой роман под хитрым названием «Нагельфар в океане времён» вышел в Москве и под другим заголовком — по-немецки здесь. Нагельфар — это корабль, построенный из ногтей мертвецов; упомянут в «Младшей Эдде». Но речь идёт о самом обыкновенном московском доме, похожем на дом моего детства.

Радио Свобода, судя по всему, собирается испустить дух года через два, но о перебазировании в Прагу я ничего не слышал.

Сердечный привет Тане. Вместе с Вами надеюсь на осуществление Ваших надежд. Но почему книжка, которую Вы

подготовили, должна быть последней? В конце концов Вы моложе меня. Есть ли возможность почитать, хотя бы в рукописи? Обнимаю Вас, дорогой Юра.

Ваш Г. Ф.

P. S. Обратите внимание на то, что мой почтовый индекс изменился. У меня дома есть телефон: 930 40 57. Перед этим код страны и города.

Мюнхен. 25 янв.1995

Дорогой Юра,

рад был услышать по телефону Ваш голос и, конечно, рад тому, что Вам более или менее удаётся выгребать в море житейском.

В «Знамени», 1994.11, напечатан обзор В. Казака под названием «Конец эмиграции? К ситуации русских писателей

Третьей волны в постсоветский период». Я нашёл там и Ваше имя, в частности, обратил внимание на такое высказывание (правильно ли оно процитировано?): «В литературном смысле я никогда не считал себя эмигрантом, да и вообще в самостоятельную ветвь русской литературы не верю (таковая, может быть, была между 1925 и 1965, а с тех пор не было)». И дальше: «Никому из моих литературных друзей и критиков в Петербурге не приходит в голову считать меня чем-то отдельным: я для них свой, хотя и живу далеко». [После моего короткого визита в 1994 году в город на Неве, где я был обласкан, мне почудилось, что Россия жива и вот-вот воспрянет. Нужно ли говорить, что я ошибся?]

Я давно не имел от Вас вестей и, в сущности, ничего не знаю о последних годах: что Вы пишете, где печтаетесь. Время от времени я беру с полки Ваши книжки и читаю то один, то другой цикл. Ваша поэзия — решаюсь так выразиться — живёт в моей комнате. И мне было приятно прочесть Ваш ответ на анкету, ведь он означает, что Вы не только восстановили прежние связи, но и в целом не чувствуете себя одиночкой в литературе. Моё ощущение другое, оно связано не только с моей собственной ситуацией, как я её понимаю,

но и каким-то непреодолимым убеждением, что литература, по крайней мере *hic et hodie*, — это занятие, похожее на собирание марок или спичечных коробков. Огромное большинство людей марками не интересуется, и все, включая самих коллекционеров, знают, что филателия не имеет отношения к реальной жизни.

Я однажды написал рассказ о филателисте, который собирает марки несуществующих государств. Он даже сам живёт в таком государстве, имеет паспорт, занимает там высокое положение.

Я был дважды в Москве, в прошлом и в позапрошлом году. Встречи были очень тёплыми. Но сказать, что я там «свой», в литературном или в другом смысле, я бы не решился. Может быть, дело отчасти и в том (если говорить о литературе), что хотя я был когда-то сотрудником подпольного журнала, ни в какой собственно литературной, полуофициальной или неофициальной, жизни я не участвовал; я даже не знаю, существовала ли она в Москве. Были подпольные кружки и подводные течения, которые идентифицировали себя по идейному, политическому, национальному, националистическому признаку, — но литература в подлинном смысле слова? Её не было — в отличие от Ленинграда. Все диссиденты, которых я знал, были солидарны в своём отношении к литературному творчеству: оно должна быть «свободным», то есть участвовать в борьбе. Это было — сознательное или бессознательное — инструментальное отношение к литературе, наследие того варварства русской интеллигенции, о котором когда-то писал Степун.

Конечно, есть и многое другое. Например, различие жизненного опыта. Оно сказывалось и в Москве, и постоянно сказывается здесь, когда кто-нибудь приезжает в гости. Это различие — причина того, почему так часто, когда речь заходит об общих вопросах, в том числе о литературе, об эстетике, о литературных вкусах и ориентациях, — почему так часто нет взаимопонимания, нет общего языка. И это между людьми общего воспитания, людьми, где, казалось бы, ты

должен чувствовать себя «своим». И ты даже чувствуешь себя своим — до определённого момента. Весь старый пласт знаний и симпатий прекрасно работает до тех пор, пока собеседники остаются в толще этого пласта. Но стоит двинуться дальше, и на тебя смотрят удивлёнными глазами, наступает молчание. Кроме того, никто из нас — даже те, кто в глубине души ненавидит Запад, — не может жить конкретными каждодневными проблемами России, они кажутся отсюда или менее важными, или просто не такими, как они воспринимаются там. Россия вообще не кажется больше пупом земли. Но понять и принять это тем, кто там живёт, трудно. В глазах гостей мы безнадежно оторвались от жизни, хуже того — заелись и разжирили. А для меня многое, что я слышу оттуда, читаю в журналах и т. д., звучит каким-то унылым провинциализмом, неизлечимой отторгнутостью от мира.

Существовала ли особая эмигрантская литература? Существует ли она сейчас? Её «организационные» формы — издательства, журналы — развалились или влечат жалкое существование, совершенно так же, как распался, внешне и внутренне, литературный процесс в России. Они развалились, потому что развалилась литература там. Обе части, эмиграция и метрополия, оказались сообщающимися сосудами. Должно быть, это и есть самое очевидное свидетельство того, что самостоятельной эмигрантской литературы нет. Но есть писатели, живущие в изгнании, и это — нечто совсем особое, так же трудно смешиваемое с тамошней словесностью, как масло с водой. Когда-нибудь, если кто-то заинтересуется нашими сочинениями и нашей судьбой, станет ясно, что мы были литературной колонией, притязавшей на независимость от короны.

Вы спрашивали о моих делах. Наш сын работает в Чикаго. Лора тоже много работает в надежде выкупить нашу квартиру [сколько помню, она, с дипломом советского врача (как и Файбусович-Хазанов), работала в Германии медсестрой]. Я по большей части сижу дома [Хазанов утратил должность с прекращением в 1992 году журнала *Страна и мир*]. Пишу

кое-что для заработка. Собственно литература за редкими исключениями дохода мне не приносит. Мой роман, который по-русски называется «Нагельфар в океане времён», вышел в России, даже дважды, и чуть раньше, под другим названием — в Германии. Должен выйти по-немецки ещё один, последний («Хроника N»), но в России шансов издать его нет. Одна книжка вышла во Франции, другая застряла. Я занимаюсь тем, что сочиняю новый роман, ибо горбатого исправит только могила, но на сей раз, очевидно, в самом деле последний.

Приезжайте в Мюнхен, Юра. Будем читать стихи. Вы обещали мне прислать то, что у Вас издано.

Мы оба крепко обнимаем Вас и Таню.

Ваш Г.

18 февраля 1995

Дорогой Геня, спасибо за Ваше письмо от 25.01.95. Я звонил Вам пару раз в конце прошлого года, но к телефону никто не подходил. У меня даже мелькнула мысль, что Вы перебрались в Москву. Вспоминал я о Вас и до, и после, всё твердил себе, что должен Вас найти, — но замотался вконец и решил положиться на случай. Живу я сейчас суетнее, чем когда-либо, проклятая служба съедает последние силы, даже более того: внутренне поработила меня: она мне уже нужна — при том, что я ее по-прежнему презираю. Словом, чувство вины по отношению к Вам не покидало меня, и вопрос Нины Ставиской [Нина Серман, сотрудница русской службы Би-Би-Си; что за вопрос, я забыл] пришёлся очень кстати.

Казак правильно цитирует мои слова, неясно только, правильно ли он их понял и донёс до Вас. Кажется, он сделал это «с точностью до наоборот». Я никогда не чувствовал себя чем-то отдельным не от России как целого, а от узкого кружка эстетических единомышленников, и кружок этот не изменился за последние годы — или изменился мало. Здесь важно еще, что я никогда не был профессиональным литератором,

стяжателем славы. Взаимопонимание между мною и теми немногими, кем я дорожу там, имеет под собою равнодушие к политике и ярмарке тщеславия, а пожалуй — и к России. Во всяком случае, для меня Россия политическая и географическая — страна совершенно чужая, и сейчас — не больше и не меньше, чем в советское время. Но так — и с прочими странами. Та, в которой я живу в данный момент, становится домом, «раздвижным и прижизненным», в этом смысле домом была Россия (до того, как мы оказались в отказе и в полуподпольи), потом Израиль, а теперь Англия, — но я от этого не перестаю быть собирателем марок. Чувство метафизического изгнанничества и одиночества не покидает меня многие годы, я с ним вполне свыкся и никакого дискомфорта не чувствую. Коллективов, с которыми я не порываю более или менее добровольно, — по-прежнему два: семья и человечество, а любовью третий мне навязан.

Я очень понимаю описанную Вами ситуацию, когда собеседник замолкает и смотрит на Вас удивленными глазами. И я сталкивался с подобным, но чаще на службе — в разговоре с приезжими чужими людьми, чем в кругу друзей. Россия и в давние годы не была для меня ни на минуту пупом земли, ее неизбывную провинциальность я почувствовал (в ту пору — с горечью) еще школьником, а ее «конкретными каждодневными проблемами» (не исключая и борьбы за свободу) не умел жить никогда. Возможно, это потому, что я из провинции. Пожалуй, в Москве Россия и впрямь могла казаться центром вселенной, а у нас на окраине — не казалась. Я ненавижу Россию, когда в лучшие мои годы она отнимала у меня самый воздух, но едва ли я ошибусь, сказав, что это был единственный период, когда мои чувства к ней были сильны. Железá патриотизма у меня отсутствует.

К Москве — в особенности — у меня стойкая неприязнь. В этом городе, уж не обижайтесь, есть что-то бессовестное. Сейчас это качество выступает в иной форме, чем в советское время: все говорят и думают только о деньгах и наживе, цены на жильё для иностранцев — выше лондонских. В Питере, в

мае прошлого года, меня ни один человек не спросил, сколько я зарабатываю, а когда я пихал людям деньги, многие отказывались (потом, впрочем, брали). Не подумайте: я и по отношению к Питеру не патриот, хотя этот город и не чужой для меня. Но мои впечатления в точности совпадают с впечатлениями англичан, побывавших в обоих городах. Того, что Вы называете «унылым провинциализмом», в Питере, наверное, не меньше, чем в Москве, — но ведь так было и всегда.

Конечно, Вы правы, говоря о двух ветвях литературы как сообщающихся сосудах. А вот Москва и Питер, похоже, сообщающимися сосудами быть перестали — и едва замечают друг друга. На поверхности — та причина, что ездить стало дорого; на деле — можно не сомневаться — заявляет о себе глубоко укорененное различие в эстетической установке, непостижимым образом соединяющей самых разных людей и воплощающей *genius loci*. Питер — живое свидетельство того, что провинциальность бывает плодотворна.

Я, вероятно, отчасти уже ответил на Ваш вопрос о том, что я пишу и где печатаюсь. На литературу, увы, просто физически нет ни времени, ни сил. Сочиняю стихи (очень мало), печатаюсь в Питере — раз в два года. Говорят, будет подборка стихов в красноярском журнале *День и ночь* [Ангел очной ставки, 1(6), 1995, с грубыми и глупыми искажениями]. Но правильнее было бы сказать: не пишу и не печатаюсь. У меня появилось чувство, что я уже произнёс заповеданный мне звук — и что, в сущности, не очень важно, напишу я что-либо еще или нет.

На днях я выступал в лондонском университете с чтением стихов — и намеренно не пригласил никого из своих знакомых; да и самое выступление устроила мне без просьбы с моей стороны одна из новых приятельниц, — потратив почти целый год на то, чтобы убедить тамошних славистов, что меня нужно позвать. Всё же было, по таниным подсчётам, восемнадцать слушателей. Я зачитал перед ними манифест — уж не знаю, зачем, а потом — стихи из книжки *Завет и тяжба*, вышедшей в 1993 году в Питере. (И то, и другое прила-

гаю.) Кстати, до сих пор не могу понять, как это я не послал Вам ее сразу по получении. Читателей у меня раз два и обчёлся, а таких наблюдательных как Вы — пожалуй, и вовсе нет.

Новая моя книжка, о которой я говорил Вам, скорее всего, не выйдет — и то уже было удивительно, что меня целых полгода кормили уверениями, что она — «на мази».

Между прочим, и Вы обещали нам прислать Ваш последний роман — Нагльфара, и уже давно. Теперь выясняется, что он вышел уже вторым изданием, а мы всё еще ничего не получили.

На этом заканчиваю и прощаюсь с Вами. Я не сказал и десятой доли того, что хотел, а писал Вам — целых две недели: вот еще оно, вслед за отрывочностью и невнятицей письма, косвенное свидетельство о том, как мне живётся. Разговором с Вами я дорожу не меньше, чем в былые времена, а пишу — совсем не так, как раньше. Таня и я обнимаем вас с Лорой. Приезжайте к нам в гости.

Ваш Юра

Мюнхен, 26 марта 1995

Дорогой Юра! Вот я и собрался, наконец, Вам написать, большое и сердечное спасибо за книжку, за посвящение, тронувшее меня. Теперь «Завет и тяжба» прибавились к маленькой библиотеке Ваших стихов, которая у меня хранится. Мне понравились стихи, внешне как будто безыскусные, но которые не так просто понять; для меня эта задача отчасти, как мне казалось, облегчается тем, что я более или менее ориентируюсь в Вашем поэтическом мире. Нравится мне и предисловие, его важный, немного даже надменный тон, он напомнил мне предисловие Фета (мы, кажется, о нём когда-то говорили) к четвёртому выпуску «Вечерних огней»: «Что же касается до массы читателей, устанавливающей так называемую популярность, то эта масса совершенно права, разделяя с нами взаимное равнодушие. Нам друг у друга искать нечего».

О многих стихах можно долго размышлять — про себя и вслух; вот если Вы приехали... Упомяну некоторые из тех, которые я для себя выделил: Ещё ты полон этим днём холодным; Священные танцы; До востребования (удивительное воспоминание наоборот: из прошлого вспоминаешь «себя теперешнего»; всё стихотворение звучит как будто из потустороннего мира); Лучшие мысли (Вы — романтик, который притворяется классицистом); К Дельвигу, на Уткиной даче; В ночь смерти генсека возвращаюсь... (пожалуй; хотя китайское название как будто настраивает на другой тон); Ясон; Её первым любовником был (хотя немного мешает «Она видит» из-за проглоченного ударения); Мой польский классик (это, конечно, Тувим), и вообще много стихов.

Я люблю в Вашей поэзии предельную, почти невозможную требовательность к слову. Вы задаёте себе и читателю чрезвычайно высокий уровень, который, между прочим, ставит в опасное положение самого поэта, помещая его (и читателя) в поле высокого напряжения, где легчайшее неосторожное движение грозит ударом; всё на виду; ничтожная соринка мешает глазам в прозрачном, как кристалл, стихотворении. Нескольких мелочей (извините мне эту введливость):

Стр. 18: неправильное ударение в имени музы. Ведь все девять муз — женщины. А женские греческие имена на «о» произносятся с ударением на конце: Ио́, Геро́, Сапфо́, Клио́, Эрато́.

Другой случай — стр. 54, нужно: А́тропос.

На стр. 43, в прекрасном, глубоком и таинственном стихотворении опечатка: «безотлагательно».

Стр. 49. «Отбита и наточена брусом». Отбита — это и значит наточена. Я знаю это «из жизни», но и словарь Ушакова подтверждает. Тут же великолепная находка: «Коса поблескивает щучьей сталью». Длинная, блестящая и изогнутая коса похожа на хищную рыбу в траве. Вообще вся поэма прелесть.

Удивительное и странное стихотворение «Архитектура — вот что Ему...» Переключка с Ходасевичем (или, может

быть, мягкая пародия — в конце). А кстати, сплошные доль-ники — вот так пассаист!

С немалым удовольствием прочитал я Ваш манифест «Почему я ретроград», главное возражение против которого то, что Вы — не ретроград. Но, как я понимаю, название должно эпатировать современного мещанина, вроде того как футуристы эпатировали буржуа. Жаль, что текст нигде не напечатан. Хотя нужно признать, что русскую публику по обе стороны бывшего занавеса все эти темы мало колышат (как и вообще литература).

По-видимому, мы в самом деле переживаем время самоисчерпания авангардизма. Значит ли это, что он уходит навсегда?

Посылаю Вам копию обзора Казака и книжку, изданную в серии «Фантастика», для которой она мало подходит. Заодно посылаю небольшую статью, которую вопреки всяким ожиданиям тиснул «Новый мир» — с одной идеологической купюрой и без знаков препинания.

Ещё раз — спасибо.

Сердечно обнимаю Вас и Таню. От Лоры привет.

Ваш Г. Ф.

19 июля 1995

Дорогой Геня, большое спасибо за Ваше письмо от 26 марта — и простите, что отвечаю с таким опозданием. Надеюсь, что я еще не проклят. Спасибо громадное и за Вашу прекрасную книгу, и за критику моих стихов. Начну с последней. В ней я именно и люблю эту Вашу «въедливость», за которую Вы совершенно напрасно извиняетесь. Как всегда, всё, что вы говорите, — верно, но у меня припасены оправдания и оговорки, ведь я тоже въедлив. Ударения на последнем слоге в именах муз русская поэзия не приняла: отбросила еще во времена Пушкина; а Сапфо, хотя она и не совсем муза, встречается с двумя ударениями — и чаще с ударением на первом слоге. К

имени Атропос некоторые словари дают вариант Атропа, с ударением на о. Не говорю уже о том, что в обращении с ударениями известная свобода поэту позволительна. «Отбита и наточена бруском» — то же, что есенинское «не любишь, не жалеешь»: не противопоставление, а усиление синонимом (ведь жалеть и значит любить в российской глубинке). Но прав я или нет, а это в любом случае мелочи; даже у великих поэтов имеются промахи похлеще. Больше взволновали меня следующие Ваши слова: «Вы задаёте себе и читателю чрезвычайно высокий уровень, который, между прочим, ставит в опасное положение самого поэта... легчайшее неосторожное движение грозит ударом; всё на виду; ничтожная соринка мешает глазу...» Странно! Разве поэт может не быть альпинистом? не рисковать? не подставлять себя под удары? И не прямое ли малодушие — современная расслабленная поэзия, пуще всего боящаяся высоты — то есть усмешки, ибо высокое ближе всего к смешному? Кюстин, помнится, писал, что творчество сродни героизму. Без известной отваги не стоит и за перо браться. Вам ли этого не знать?

В чём я по-настоящему виноват перед Вами, так это в том, что сразу не откликнулся на Вашу книгу, которую проглотил с жадностью еще в апреле. А ведь к прозе у меня отношение столь же настороженное, как у некоторых к поэзии. Люди не понимают, зачем писать в рифму, — я давно уже потерял способность интересоваться судьбою вымышленного героя. В сущности, только Вас я читать и могу: другим просто не верю, мне всё кажется, что они врут. Ваш Нагльфар прекрасен, подлинен — и адресован далеко в будущее; современным читателям он не по зубам. Всё в книге взаимодействует, создавая стереоскопический эффект живой жизни, как сказал бы Тютчев. Слог насыщен мыслью (именно в этом — главное неудобство для современного читателя), серьёзен и в то же время полон игры. Герои похожи только на самих себя и настолько рельефны, что вмешиваются в твою жизнь, мешают тебе жить...

Я решусь всё же сделать несколько пустяковых замеча-

ний, имеющих, впрочем, скорее смысл вопросов. Точно ли мат способен нести в таком романе хоть какую-либо художественную нагрузку? нужен ли он вообще в литературе? По моему, бытовая проза проехала, а с нею — и все попытки приблизить письменный язык к разговорному (если уж мы берём героев, для которых мат — разговорный). (В этом смысле хуже всего, конечно, отказ от знаков препинания — для меня он закрывает целую группу авторов; у гениальной Петрушевской, которую все мне суют в нос, я не смог прочесть даже названия одной из ее шумных вещей, ибо оно есть грамматическая бессмыслица. Ей-богу, люди как-то неправильно понимают свободу...)

Телесная сторона любви занимает Ваше воображение чуть больше, чем моё; точнее, в ее описании Вы, отступая от своего же правила, называете некоторые вещи в лоб (история с проглатыванием спермы: вспомните, какое на дворе стояло время и кто ваши герои), и достоверность уходит.

Язык книги прекрасен; я всем твержу, и Вам прежде говорил, что Вы — в числе немногих (исчисляемых единицами) подлинных стилистов наших дней. Но слова «пишущий эти строки» кажутся мне непозволительным самолюбованием — Вы как бы купаетесь в лучах читательского внимания. Сочетание «как казалось» не просто плохо звучит (три к; помните ремарку Ахматовой?): пропуск местоимения (чаще всего, первого лица единственного числа), — вещь, в сущности, очень советская и тоже подсказанная какой-то ложной скромностью; «казалось» и «как имяреку казалось» — вот две формы, которые мне представляются законными. Сочетание «проживающий там-то» тоже выглядит странным в серьёзной прозе; это всё же язык околоточного и участкового, а в советские времена — ЖЭКа и ОВИРа; проживать можно время и день-ги; но может быть я не услышал у Вас в соответствующем месте глубоко спрятанной иронии. Наконец, фамилия Бахтарев может иметь ударение на первом и на третьем слоге — поэтому неясно, как звучит имя Вашего героя...

Ваша статья в *Новом мире* замечательна во всех отноше-

ниях. Читатель понимает, что пропуск знаков препинания у такого автора — это редакторские шалости. Мы с Вами совершенно одинаково понимаем родину. Помните, может быть, как я закончил мою статью о Бродском? Но штука в том, что и эта родина от нас уходит. Уход большевиков открыл шлюзы народному словотворчеству, через пятьдесят лет язык будет не узнать, и всех нас будут читать со словарем...

Внешне у нас всё по-старому. От Лизы одни неприятности, так что и говорить не хочется. Таня никогда вполне не здорова, но это не мешает ей чувствовать себя счастливой. У меня по-прежнему полставки на библиях; это заставляет браться за любую халтуру и себя не жалеть. На службу я тоже езжу практически каждый день, так что времени нету совсем. Этим и объясняется моя необязательность в переписке, а также тем, что я больше месяца (в мае и июне) провел в Питере. Это была моя вторая поездка за последние два года. Результат тот, что после нескольких лет почти полного молчания стихи стали писаться — не знаю, надолго ли эта благодать. Сочиняю по дороге на работу и назад. Я пока всё еще двужильный — и тоже не знаю, надолго ли. В январе побывал в больнице с сердечным приступом, но быстро всё забыл. Мне нельзя болеть ни по условиям контракта, ни по существу.

Не знаете ли, что стало с Нейманисом [мюнхенское издательство А. Neimanis]? Я посылал им свою книгу и книги питерских своих приятелей, но пакет вернулся. И еще один волнующий вопрос: существуют ли *Грани*, и если существуют, то где? В Питере я случайно нашел неизвестный мне номер от 92-го года с моими стихами — мне об этой публикации не сообщали и денег, соответственно, не платили.

В Питере у меня взяли подборки в *Неве* и *Звезде*, где, впрочем, уже печатали после разрушения берлинской стены. А еще меня тиснули в странном красноярском журнале *День и ночь*. Зато Москва остаётся городом закрытым. Поэзию там понимают как-то не так, и спекулянтам — полный простор. Лучший пример — некто Парщиков, человек откровенно бездарный и бессовестный.

В *Неве* — всё напоминает старые времена, отделом поэзии заведует не поэт, а какой-то шаромыжник из Лениздата, но где висел портрет генсека, там теперь висит портрет Бродского. Тот или иной Иосиф нашим идолопоклонникам необходим. В *Звезде* была конференция, приуроченная к 55-летию нашего гения, с докладами типа *Рояль в творчестве Бродского* — вывод из этого остроумного сообщения тот, что тема исчерпана до конца, и больше о рояле русским поэтам написать нечего. Оказалось, что в Питере, при музее Ахматовой (которой дали квартиру после смерти), имеется должность: хранитель рисунков Бродского. Распоряжения хозяин [то есть Бродский] отдаёт прямо по телефону, и все повинуются. Была там и литературоведша Полухина из Англии, которая приторговывает майками с портретом классика... Вот такая литература.

На этом заканчиваю, обнимаю Вас и Лору. Поклон от Тани.

Ваш Юра

Мюнхен. 17 авг.1995

Дорогой Юра. я тоже был в России (в Москве), на этот раз по приглашению журнала «Искусство кино», который оплатил мне поездку и гостиницу. Впечатление, пожалуй, несколько хуже, чем в прошлом году: тяжёлый, непригодный для жизни город.

Приехав, нашёл Ваше письмо и стихи. Читал их ночью и сегодня. Мне трудно сказать, какие стихотворения мне понравились — понравилось всё.

Говорю это, поверьте, не потому, что Вы меня похвалили. Быть может, эта книжка стихов [Хазанов получил макет моей книги *Ветилуя*, вышедшей в Спб в 2000 году] — вообще лучшее из всего, что Вы создали (из всего, что известно мне), лучше даже особо любимой мною книги «Послесловие». Я думаю, что Вы достигли полной зрелости, полного и суверенного владения материалом, когда стих оказывается одновре-

менно изысканным и естественным. Проза нуждается в утомительном многословии, чтобы хоть приблизительно передать то, что Вы умеете сказать в одной-двух строчках.

«Атака лёгкой кавалерии», «Над рукописью в Амстердаме», «За миллионы лет...», «Кто годы страшные со мною не делил...», «Чувством глубоким и словом возвышенным...», «Виноват: будет ящик тяжёл...», «Уткина дача, ночь», «Возьми в моём "люблю"...» (просто поразительное по красоте и глубине стихотворение), «Передай генотип и умри» (посвящено Раисе Берг; вот бы и мне что-нибудь посвятили!), «На сломе ужасного века...» (Вы — под Jack Union с крестами трёх святых, а я — под трёхцветным флагом...), «Свою вторую жизнь он так решил прожить...», «Всё влажно в стране островной...», стихи об Англии, стихи о Палестине, стихи о России, — я теряюсь, что выбрать. Одна пьеса лучше другой.

Когда-нибудь историк литературы назовёт Вас неоклассиком. Я знаю, что Вы не любите слова, которые начинаются с «нео-». Но для меня Вы не архаист. Я нахожу в Ваших стихах нечто в высшей степени современное — по крайней мере, лично для меня — и соотнесённое с вечным. За стихами стоят громадные бугорчатые тени, уходящие к дальним горизонтам прошлого. И вместе с тем в них есть что-то глубоко интимное. Умение обуздать хаос гармонией, набросить, так сказать, намордник на жуткое беснование, многоголосый лай, посреди которого мы живём и окликаем друг друга, как сказал Ходасевич. Разве не к этому в конце концов сводится миссия поэта.

Несколько вопросов, если позволите.

«Жизнь беспримерна. Пролистай века...». В последнем четверостишии «Колумбу, Казанове» прекрасно звучит, и дальше: «новизну, не дам, ни гроша». Но не кажется ли Вам, что Казанова не ложится в один ряд, в контексте всего стихотворения, с Колумбом и Галилеем? Может быть, «Колумбу, Магеллану, Галилею»?

«По утрам в полях столько слёз...». Чудное, великолепное стихотворение. «Храм упал» — очевидно, сознательная

реминисценция Боратынского?

«Поэзия умерла...». Впервые читаю у Вас верлибр. Немножко режет слух слово «лорковская».

«Материнскою твердью...». Забавно: говорится о хорее, а стихи написаны анапестом. В 4-м четверостишии слово «блаженство» мне показалось неточным. Нужно что-то вроде «добычи» — или я неправ?

В пьесе «Истина, какой она мне чудится...» Вы употребили маленькое грамматическое новшество — *participium futurum*, причастие будущего времени («скажущих»). Такая форма есть в латинском языке. В русском — только одно причастие будущего времени: само слово «будущий».

«Уж если читать, так поэтов. Прозаик солжёт...». Разумеется, я не мог не обратить внимания на это стихотворение. Молчу, не спорю. Но: вторая строка. К кому относится «в слезах»: к тому, кого осчастливит поэт, или к самому поэту?

«Бездельник любит лезть, а тот, кто домовит...». Любопытный неологизм: «скрупул» (лат. *scrupulus* — острый камешек; сомнение. недоумение; ненужная тонкость или въедливость). По-русски, кажется, есть только слово «скрупулёзный». Собственно, я не имею ничего против. Но не застревет ли это слово, как заноза?

Я думал о названии этой книги. Может быть, как раз наоборот: «Что-то случилось»? И тогда снять заголовок соответствующего (и, очевидно, программного, набранного курсивом) стихотворения.

Мне пришло в голову и другое. Другой ключ: стихотворение «Свою вторую жизнь он так решил прожить», которое содержит один из главных мотивов книги и очевидным образом перекликается с Пушкиным, «Из Пиндемонти» (и тот же любимый им александрийский стих, хотя Вы — и это тоже новшество — не соблюдаете цезуру в пятой и в предпоследней строках).

Тогда заглавие книги могло бы быть: «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ».

Я живу по-старому. Зарботков почти нет; всё тащит на

себе Лора. Мой роман, который никому, включая меня самого, не понравился, неожиданно взял (по инициативе Бена Сарнова) журнал «Октябрь». Тем временем я почти закончил другой, о котором, кажется, Вам писал.

Нейманис приказал долго жить. Поэтому пакет и вернулся. Журнал «Грани» я очень давно не видел, но, по-моему, он всё-таки существует.

О мате. Когда-то я написал полусерьёзную статейку о сём предмете, которую посылаю Вам. Из неё Вы увидите, что я отношусь к матерному языку с некоторым почтением (когда-то я и сам недурно владел им, но забыл, как забыл многое: иврит, греческий) . Мне кажется, что я всё-таки не злоупотребляю нецензурными словами в своих сочинениях; в «Нагльфаре» — только одна фраза, да и та вложена в уста паршивого уличного пса.

«Проживать» употреблено иронически и в определённом контексте (пересказ якобы имеющегося в архиве протокола дознания). Фамилия «Бахтарев» (кажется, от «бахарь», болтун) мне известна в другом варианте: Бахтырев, с ударением на «а». Если бы ударение было на последнем слоге, я бы поставил две точки.

«Как кажется» — не знаю, что сказать. Может быть, Вы правы. И, конечно, Вы правы насчёт проглатывания.

Вообще вопрос о большей или меньшей откровенности описаний плотской любви довольно тонкий. Для прозы — фундаментальный вопрос. Как балансирование над пропастью. Очевидно, что XIX век ушёл в прошлое: перечитайте, к примеру, описание первой близости у Тургенева в «Накануне». Но, балансируя, нужно и не упасть, и добраться до другого берега.

Вас удивило моё замечание насчёт высокого уровня, который ставит в опасное положение самого поэта. Конечно, так и должно быть. О чём спор?

Обнимаю Вас, дорогой Юра, сердечный привет Вам и Тане от нас обоих.

Ваш Г. Ф.

Yuri Kolker
58 Milton Drive
Borehamwood
Herts WD6 2BB
1 октября 1995

G. Faibussowitch
Erkweg 8
81927 München
BRD

Не извиняюсь, дорогой Геня, единственно, чтобы не повторяться, — в надежде на то, что и Вы, как моя Таня, простили меня «раз и навсегда». Есть у нас в семье такая формула взаимного вечного прощения — в сущности, подстраховочная, потому что, кажется, прощать нам друг друга не за что.

Я очень рад, что мои стихи пришлись Вам по душе. Лучшего читателя и ценителя невозможно и пожелать. В особенности приятно то, что новые стихи Вам нравятся больше прежних. Иллюзия совершенствования не менее упоительна, чем иллюзия совершенства, — и с успехом ее замещает, когда на совершенстве мы ставим крест. Впрочем, если пишется, то даже эта подстановочная иллюзия почти неважна. Мне незачем говорить Вам, что сочинительство — величайшее из наслаждений. Недавно я наугад полистал тома подаренного мне собрания сочинений Стендаля — и обомлел: любимый писатель предстал в совершенно ином свете, я увидел законченного графомана, почти бездумно упивающегося процессом писательства. «Башня св. Стефана в Вене имеет высоту 414 футов; башня св. Михаила в Гамбурге — 390 футов; Миланский собор возвышается на 327 футов над площадью... Церковь св. Софии в Константинополе... Пирамида Чолула в Мексике... Альгамбра в Гренаде...» Это — Прогулки по Риму! В слово *графоман* я по-прежнему не вкладываю никакой оценки; Пушкин едва ли не был графоманом, а Толстой был на-верное.

Насчет неоклассицизма и современности: пожалуй, Вы и

правы, но с оговоркой. Я всё же архаист, если это слово имеет хоть какой-то смысл: с ним ведь связывают обыкновенно представление о фактуре, а не о душе произведения. Стихи делаются из слов, говорит Малларме, и слова у меня не из самых новых, а порядок их и вовсе стар. Что до души, то в нее современность входит неизбежно — и едва ли не в одинаковой мере ко всем. Отличите ли Вы Козлова от Языкова?

Затем, есть еще критерий: соотношение игрового начала — и дела совести. Для всяческих измов (и для литературоведов) литература — игра, а произведение — игрушка. Для писателя в старину высокая литература была прежде всего делом совести; игра отдельно от совести не продавалась. Возьмите хоть [здесь — пропуск нескольких слов, а то и фраз, результат компьютерного письма; следующее слово — непонятный обломок] выставляет новизну как самостоятельную ценность. Почему я так упорствую во всем этом? В одной из Ваших статей Вы справедливо пишете, что устарел не только модернизм, но и нападки на него. Всё так. Но предрассудок жив, и пока он жив, литература несвободна. Консерватизм по крайней мере равноправен со всяческими изысками; весы должны качнуться в другую сторону. Потому-то я и продолжаю воевать с ветряными мельницами и ломиться в открытые двери...

Спасибо Вам за то, что Вы не ограничились одними похвалами моим стихам. Вы спрашиваете, на месте ли Казанова в стихотворении «Жизнь беспримерна...». Увы, он-то там, пожалуй, и главный. Мне нужны были три ступени авантюризма, три ипостаси жажды новизны: высокая, не совсем высокая и низкая. Убрать Казанову значит проиллюстрировать тезис только с двух сторон. По той же причине неудачен предложенный Вами вариант: «Колумбу, Магеллану, Галилею...» Колумб и Магеллан здесь — при всей их несхожести в жизни — *полные синонимы*. Это было бы недопустимым разжижением стиха, злоупотреблением читательским вниманием... Вообще, стихотворение начато лучше, чем закончено. Прямая афористичность вредит лирике.

«Храм упал» — Вы правы: конечно, это из Боратынского, и совершенно сознательно.

Верлибр удивил меня самого, но вообще это не первый опыт. Я вдруг увидел, что для меня живы мои верлибры написанные в 68-м году. Возможно, это меня и подтолкнуло.

В стихотворении «Материнскою твердью...» хорей только упомянут — как самый напевный, самый детский и материнский, самый народный из размеров (и не только у нас: вспомните Калевалу, Песнь о Гайавате). Он у меня — не главная тема. А насчет *блаженства* Вы, пожалуй, правы, и предложенная Вами *добыча* — годится. Если не возражаете, это стихотворение я Вам и посвящу в благодарность за критику.

«Прозаик солжёт...» — не про Вас, а про Солженицына: это его правда ничего не стоит. «В слезах» относится к самому поэту. Хотя понять, действительно, можно и иначе, я, пожалуй, не буду ничего поправлять: второй смысл — тоже верен.

Слово *скрупул* — не вовсе неологизм, я встречал его у поэтов (у того же Ходасевича), поэтому мне и не кажется, что оно «застревает как заноза». Но ведь в чужом тексте часто что-либо застрекает, не правда ли?

Шестистопный ямб без цезуры тоже не новшество, он появился едва ли не в прошлом веке. Заболоцкий и Ходасевич сделали его нормой. Правда, у них, помнится, стих не парный, не александрийский, но всё равно фокус это старый. Отсылка к *Из Пиндемонти*, конечно, очень прозрачная.

Теперь о названии будущей книги, если она состоится. Разумеется, «что-то случилось»: я живу иначе, чем жил; я старею; меня посещают иные настроения. Но моя мысль тут другая: ничего не случилось *по большому счету*. Помните, как у евреев: на вопрос *когда?* отвечают: Храм уже был разрушен, а мессия еще не пришел; это определение эпохи. Так же и у меня. Большевики взяли власть? Ничего не случилось. Большевики утратили власть? Виноват, слышал краем уха; слава богу, да только интересуюсь не очень. Буря в стакане

воды, игра на краю подмостков, в скифской глуши. На небе русской поэзии не видно разительных перемен. Мы живем в эпоху методов, а не идей, в эпоху баснословных успехов техники, а не мысли. Всерьёз обсуждаются экскурсии на Луну; компьютеры совершенствуются каждый день, позволяют нам, не вставая из-за своего стола, перелистывать книги заокееанской библиотеки или войти в храм Артемиды Эфесской — и сколь угодно долго рассматривать то, что нам хочется рассматривать, — а человек не изменился. Загляните в Максими Ларошфуко: трехсот лет будто и не бывало, мы всё там же, разве что измелечали. Ничего не случилось еще и потому, что я не осчастливил человечества и не посягал на это; я жил, я умер, имя мне легион.

Название *Вторая жизнь*, которое Вы предлагаете, по моему, неоднократно использовалось. Есть, во всяком случае, *Другая жизнь* Трифонова и *Вторая книга* Заболоцкого. Но так или иначе, а для моей гипотетической книги оно не годится. У меня есть чувство, что я живу не вторую, а третью жизнь: но кто такой я?

Ваша статья о мате написана блистательно, но меня скорее огорчила, чем обрадовала. Я по-прежнему держусь мысли, что мат всегда, всех и при всех обстоятельствах унижает. Не довольно ли нам низостей? К чему лишний раз обращаться к ним, пусть даже в шутку? То же самое и с половой близостью, на которой мат построен. Высокое и низкое нигде не стоят ближе, чем в любви; ценность нигде легче не переходит в мерзость (случается и наоборот). История Ромео и Джульетты, в сущности, грязь — если смотреть на нее со стороны. И я бы никогда не стал поднимать полог над альковым героев. Тем, у кого живое воображение, Вы можете сказать всё, оставаясь за дверью спальни. Тем, у кого нет воображения, никакая литература не заменит порнографического фильма... Но я говорю прописные истины, которые Вы понимаете лучше меня.

На этом заканчиваю, дорогой Геня, обнимаю Вас. Сердечный привет от Тани Вам и Лоре.

Ваш Юра

Мюнхен, 25 ноября 1995

Дорогой Юра! Последнее время я разъезжал по городам и весям и, как видите, тоже с изрядным запозданием благодарю Вас за стихи. Пожалуй, я не смогу прибавить что-либо существенное к тому, что я писал в прошлый раз. Я остаюсь при том мнении и впечатлении, о которых говорил тогда. Ваши стихи — факт Поэзии, которая, будучи однажды сотворена, существует независимо от того, в какой мере она становится известной, читаемой, публикуемой и обсуждаемой, как деревья и травы существуют независимо от того, любуются ли ими чей-нибудь глаз. Но Вы мне писали, что кое-что всё же печатается. К сожалению, в Баварской государственной библиотеке, куда я время от времени заглядываю, нет или почти нет петербургских журналов.

За посвящение большое спасибо. Из присланных Вами в этот раз стихотворений я бы особо отметил «Настанет день [, и родины не будет]...» и «На Крестовском острове я шалил» (глубокое, поразительное, с мучительными ударами ритма). Из чего впрочем, не следует, что другие мне не понравились. Но я не умею обсуждать стихи; вот если бы Вы как-нибудь приехали, мы бы почитали вместе.

Обмолвившись насчёт неоклассицизма, я замечаю, что наступил Вам на любимую мозоль. Многое, впрочем, — если не всё — зависит от того, как мы толкуем все эти термины. Кроме того, поэзия и проза — разные миры. Я, как Вы знаете, весьма далёк от авангардизма. С современными опытами в этом роде я отчасти знаком (иногда даже получаю письма и книжки от одного из представителей этого цеха, по имени Аркадий Бартов), но в моей собственной работе решаю, если можно так выразиться, другие задачи. В какой-то мере и я архаист. И тем не менее! (Если говорить о модернизме, о прозе XX века в целом). Я не представляю, каким образом можно писать прозу, делая вид, что этого века не было, что не существовало Пруста, Музиля, Джойса. И ещё одно: совестили-

вость и добросовестность не исключают, на мой взгляд, представления о литературе как о высокой игре. Но я опять-таки говорю о прозе .

Дорогой Юра, ограничиваюсь на сей раз короткой страничкой. Не забывайте обо мне. Мы с Лорой кланяемся Вам обоим.

Ваш Г.

С этого письма или с предшествовавшей ему (утраченной) короткой записки Хазанова наша переписка становится преимущественно, если не полностью, электронной.

[3.05.99]

Дорогой Геня, спасибо за привет из Мюнхена, он получен и прочитан. Значит, нет никаких проблем для нашей электронной переписки.

Сегодня я слушал в Лондоне Великого Писателя Земли Русской, г-на Пелевина.

Жду с нетерпением Ваших тем для моей *Европы*. [Четвёртого мая 1999 годы вышел в эфир последний, 138-й, выпуск моего радиожурнала *Парадигма* на волнах Би-Би-Си; вместо него с 18 мая я выпускал радиожурнал *Европа* (до 3.10.01).]

Обнимаю. Ваш Ю. К.

5.05.99

Дорогой Юра! Возможная тема для первой беседы [в моём радиожурнале *Европа* на волнах Би-Би-Си]: Культура в массовом обществе на исходе века. Можно ли попрежнему разграничивать массовую и высокую («элитарную») культуру. Думаю, что можно (почему) и даже нужно. Представление о том, что литература нужна всему «народу», не соответствует действительности этого общества: актуальные проблемы решает публицистика, литература нужна — если вообще нужна — лишь как развлечение. Попытки «обогащения» равно демонстрируют беспомощность высокой культуры и убожество

массовой. Простачки верят, что серьёзная литература заимствует кое-что у тривиальной. На самом деле тривиальная литература паразитирует на серьёзной (притом не на современной; современная говорит на абсолютно недоступном для неё языке). Ситуация напоминает Высокое средневековье, когда богословие, философия, поэзия наглухо заперты в своих раковинах. Судьба европейской литературы в следующем веке: или крах (потонуть в варварстве), или — дальнейшая инкапсуляция.

[22.05.99]

Дорогой Геня,
первое Ваше интервью пойдет в эфир в программе *Европа* [во втором выпуске радиожурнала, который я выпускал по вторникам на волнах Би-Би-Си, тема: Культура в массовом обществе на исходе века] 1 июня, в 22.30, и затем будет повторено: в среду, в 19.30, в четверг, в 14.30, и в пятницу в 21.00, всё — по московскому времени.

Между тем мне необходимо второе интервью, притом срочно: о том, как в Германии отмечают (или не отмечают) юбилей Пушкина. Сделайте милость! Опять: ничего специального, только Ваш драгоценный голос и самые общие слова (которые в Вашем случае заведомо не будут общими); на пять минут максимум. Я буду звонить Вам в понедельник, и интервью хочу получить тоже в понедельник — или, во всяком случае, до четверга [это интервью не состоялось]. В пятницу я улетаю в Питер.

Придумайте и еще какую-нибудь европейскую (или европейско-германскую) тему.

Заранее спасибо. Обнимаю Вас.

Ваш Ю. К.

[8.12.99]

Дорогой Геня, как Вы поживаете? Получили ли деньги от бибисей? [По моему приглашению Хазанов трижды участво-

вал в моём радиожурнале *Европа*, выходившем в эфир на волнах Би-Би-Си: в №2, 1.06.99, (Культура в массовом обществе на исходе века), в №3, 15.06.99, (Избрание федерального президента и закон о гражданстве в Германии), в №11, 5.10.99, (О переносе столицы Германии в Берлин); в] Хочу просить Вас еще об одном материале. Пожалуйста, откликнитесь.

Ваш Юра Колкер

[11.12.99]

Дорогой Юра, вчерашнее моё письмо к Вам (18 КБ) вернулось: неправильный адрес. Я писал Вам о Седаковой и Ваше статье. У меня имеется три Ваших электронных адреса, и все три ненадёжны. Один из них слишком длинный. Сообщите мне какой-нибудь один, но такой, чтобы можно было им пользоваться. Я могу посылать Вам письма и вообще всё что угодно с помощью attachment. Hotmail в моём компьютере оказывается слишком громоздким, к тому же этот ящик всегда перегружен: слишком много абонентов. Посылаю Вам это сообщение наугад по двум адресам. Сообщите правильный адрес! Обнимаю, Ваш Г.

[11.12.99]

Дорогой Геня,
единственный адрес, который совершенно точно не работает, это demon. Остальные пока не подводили. Если Вам не нравится покойник Oxenstierna [у меня был псевдоним Никифор Оксеншерн и электронный адрес с этой фамилией], пишите по адресу

yuri_kolker@bigfoot.com

Сейчас (пока) я получил только одно из Ваших писем, посланное на

nicephore@hotmail.com

Думаю, что придут и другие, — но Вы можете, раз Вы другим адресам не верите, использовать этот как проверенный.

Я перезвоню через несколько минут.
Обнимаю.
Ваш Ю.

Позвонив Хазанову «через несколько минут», я спросил его, не готов ли он прочесть критически набросок моей статьи *Седакова в анатомическом театре* (о сборнике стихов поэтессы Ольги Седаковой *Дикий шиповник*.) Он согласился, я послал ему текст. Следующее письмо Хазанова — критика этой моей статьи.

[11.12.99]

Дорогой Юра, как и прежде, я восхищён Вашей прозой, благородством языка и слога, выверенностью каждого слова. Я могу поставить Ваше умение писать в этом жанре только рядом со статьями Ходасевича. И, конечно, я согласен — поневоле согласен — с Вашим анализом стихотворений «Две книги я несу...» и «Где-нибудь в углу...», — он убийствен, — с каждым или почти каждым Вашим замечанием. Кстати, на фоне этой критики Ваша похвала другому стихотворению Ольги Седаковой звучит особенно весомо.

Всё же я думаю, что Вы не совсем справедливы, выбрав из всего сборника две едва ли не самые неудачные пьесы. Возможно, Вас раздражила рекламная фраза «профессора поэзии»; Вы пишете, что её можно оставить без обсуждения и тем не менее обсуждаете её; но согласитесь, что Седакова в этой глупости не виновата.

Мне кажется, некоторый недостаток Вашей статьи тот, что Вы не рассматриваете «Дикий шиповник» — раз уж зашла о нём речь — как целое и целостное произведение. Не далее как на прошлой неделе Вы толковали мне о том, что поэтическая книга есть именно книга, нечто законченное и замкнутое в себе, а отнюдь не случайное собрание стихотворений. А теперь Вы как будто забыли об этом. Между тем «Дикий шиповник», насколько я могу судить, да оно и бросается в глаза, завершён в себе, каждая пьеса соотносится с це-

лым; Вы, как мне показалось, игнорируете этот факт.

Я бы не решился (это уже между прочим) упрекать поэта в том, что он злоупотребляет эпиграфами, не стал бы говорить о филологической спеси или даже самолюбовании. Эпиграфы вышли из моды, это другое дело; советская поэзия отказалась от них, ни одного эпиграфа нет, если не ошибаюсь, ни у Маяковского, ни у Твардовского. Но вспомните, как пестрит эпиграфами «Поэма без героя». Мне эта переключка с далёкими голосами поэтов не мешает. Что касается мнимой заносчивости, то в сборнике «Стихи» 1994 года, куда вошёл и «Дикий шиповник», имеются примечания, все иноязычные цитаты аккуратно переведены или растолкованы; поэтесса отнюдь не отмечает «непосвящённых». Вообще Седакова работает достаточно серьёзно, кокетство и в стихах, и в прозе ей чуждо; я думаю, что эту серьёзность нужно уважать.

На случай, когда Вы будете собирать Ваши литературно-критические статьи и этюды для книжки (давно пора): в стихе из заупокойной мессы *Tuba mirum spargens sonum* у Вас опечатка, а перевод несколько своевольный. Буквально это означает: «Труба, распространяя (распространяющая) дивный звук». Имеется в виду труба Страшного суда, но *mirus* (средний род *mirum*) — слово двусмысленное, как и соответствующий русский корень: чудо — чудовище; чудный — чудной.

Сослаться на Баха после слов *Ach, wie nichtig, ach, wie flüchtig* (О, как ничтожно, о, как быстротечно) вполне естественно: именно хорал Баха является источником этой цитаты, так как имя поэта давно забыто. *Selva selvaggia* — так у Данте, Седакова даёт точную ссылку и, конечно, пишет *selvaggia* с маленькой буквы, а не с большой. Имя «Иов» я, как и Вы, произношу с ударением на первом слоге, но это вовсе не обязательно: по-еврейски (Ийов), как и в западных языках, под ударением стоит «о»; такое же ударение (на русском втором слоге) даёт Энциклопедический словарь «Христианство» (1993) и для библейского Иова, и для русских церковных деятелей, носивших эти имя.

С переходом на новый вид электронной почты у меня пока ничего не получилось. Привет Тане.

Дорогой Юра, не забывайте.

Ваш Г.

[15.12.99]

Дорогой Геня,

спасибо за Ваше письмо от 11.12.99. Принимаюсь за ответ, выпустив программу [мой радиожурнал *Европа* №16 на волнах русской службы Би-Би-Си, 25 минут 12 секунд, вышел в эфир 14 декабря 1999] и почти выкарабкавшись из гриппа.

Спасибо и за похвалы, в Ваших устах они стоят немало, но я любые похвалы слушаю в пол-уха — *и особенно признателен за Ваши замечания*, будоражащие мысль. На них я хочу возразить по пунктам.

Стихи для критики я всегда выбираю исходя не из качества, а из количества. У Седаковой полно *длинных* стихотворений, куда более беспомощных и жалких, чем разобранные, — но стихотворение, которое подвергается резкой критике, должно быть представлено перед читателем *целиком*, иначе он лишен возможности тут же, на месте, не согласиться со мной, ведь источника у него может не быть под рукою. Это простая вежливость и неременное условие диалога: выложить все карты. Наоборот, там где я хвалю, я позволяю себе вырывать кусок из целого. Так я и поступаю с Седаковой.

Отстраняю я и Ваш упрек в том, что за деревьями не вижу леса. Это ведь тоже — принцип и установка. Совершенно так же устроены и другие мои критические статьи. Принцип вот в чем: мастерство *можно* положить на весы, здесь достаточно быть честным аптекарем, даром что таковых сейчас мало. Положить на весы талант, оценить автора или его книгу в целом, — дело совсем другое: тут — полный простор для спекуляций. (К тому же у человека не вовсе бездарного целое всегда убедительнее части.) На этот путь можно и нужно становиться, если автор вас увлек или вы ему поверили. Если нет — остается первый путь. Я Седаковой не верю ни в од-

ном ее стихотворении.

Теперь главное. Никак невозможно не говорить в связи с Седаковой о физиологической спеси и самолюбовании, потому что они торчат из каждой щели. И они — худшее, что может случиться с поэтом. Вы не хуже меня знаете, что Муза не прощает только самодовольства — помнится, и говорили мне об этом не раз, хоть и другими словами. Причем эпитафьи у Седаковой — лишь самое наглядное выражение спеси. Сами стихи кричат об этом еще громче.

Едва ли эпитафьи просто вышли из моды, хотя, действительно, в наши дни есть тенденция включать их прямо в текст стихотворения в форме скрытой цитаты. Гораздо важнее, по моему, другое. Есть несколько стандартных приемов оживить заскучавшую Музу: половая несдержанность, вино, наркотики, путешествия. Эпитафья как прием — стоит в этом же ряду. Он подхлестывает, пьянит и ведёт. Например, произнесешь мысленно: «Глупцы не чужды вдохновенья...» — и руки тянутся к перу, перо — к бумаге. Но подлинная лирика (как и настоящая любовь) застают человека врасплох и овладевают им против его воли. Вдохновение не стоит приманивать. Делают это не от хорошей жизни. *Поэма без героя* потому и пестрит эпитафьями, что поздняя Ахматова силится подняться до ранней.

Вы пишете, что в Вашем издании Седаковой эпитафьи переведены и растолкованы. Для меня это лишний довод против эпитафьев. Назначение эпитафьи — служить камертоном, подсказкой и комментарием. Но дорого ли стоит комментарий, нуждающийся в комментировании? Стихи — не то, что научный трактат, они рассчитаны на непосредственное восприятие, не на изучение. Пояснения нарушают их целостность. Особенно смешны авторские примечания. Поэт признаётся, что всего сказать стихами не смог.

Если Седакова «работает достаточно серьезно», если «эту серьезность нужно уважать», и «кокетство... ей чуждо», — то моя критика недорого стоит, и Вам, ей-богу, даже ради эпистолярной вежливости не стоило эту критику хвалить. Я

именно как раз и не вижу *ничего*, что я мог бы в Седаковой уважать. Она — полный провал. Всё в ней искусственно — сплошные *тафтяные цветы*. Но, разумеется, отправной момент для меня — ее ребяческое невлаждение словом, проистекающее из ее человеческой незначительности.

Боюсь, что Вас Седакова взяла своею образованностью. На фоне всеобщей серости сегодняшней пишущей братии Седакова, владеющая несколькими языками, стоит особняком — и рядом с Вами. Вот Вы и откликаетесь на родное в ее текстах — и готовы закрыть глаза на то, каким образом это родное туда попало. Я же остаюсь при своем. По-моему, поставить после слов *Ach, wie nichtig, ach, wie flüchtig* имя Баха — дурной вкус. Пусть Бах донес их до нас — не он написал их и первым пережил. В контексте нашей сегодняшней культуры его имя под эпитафией — нагнетание значительности, и больше ничего. Автор тянет одеяло на себя. С точки зрения поэзии — слова, сами по себе столь прекрасные, ни в каком имени не нуждаются.

Насчет Данте: боюсь, что у него всё-таки *Selva selvaggia*. Сколь ни высок в моих глазах Ваш авторитет, а мне затруднительно будет поверить Вам больше, чем И. Н. Голенищеву-Кутузову, посвятившему всю жизнь изучению флорентийца. Передо мною — академическое издание 1962 года из серии Литературные памятники.

Насчет Иова. Во времена моей молодости ударение в этом имени было пробным камнем образованности — проверкой на вшивость, так сказать. Ударение на втором слоге было *новоречью* и хамством. Конечно, язык движется всегда только в одном направлении, и наше дело безвыигрышное, но разве подобает торопить собственные похороны? Завтра выйдет (а может, уже и вышел) словарь, в котором слово *лозунг* будет устаревшим, а вместо него предлагается слово *слоган*, — что же, Вы немедленно покоритесь?

Интернет. Если Вы, с божьей помощью, читаете мои приложения, то Вам нет никакой необходимости переходить на hotmail или другого бесплатного поставщика (раз уж это Вам

так не по душе). Дело ведь в том, что во время первого тура наших электронных сношений я легко читал Ваши приложения, а Вы мои — читать не могли. Вот переписка и заглохла, о чем я очень тогда жалел. Теперь, Бог даст, с этим всё в порядке. Мне просто необходим диалог с Вами — и Ваша цепкая и язвительная критика (похвалы, повторяю, нужны меньше). Кстати, не согласитесь ли прочесть макет моей книги стихов [*Ветилуя*] — именно на предмет придираек? Это отнимет у Вас один вечер, книга невелика.

Поклон Лоре.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваш Юра

[15.12.99]

Dorogoy Yura, spasibo za interesnyi - i, konyechno, vyes'ma sporny - otvyet. Nyezavisimo ot togo, sumyeyu li opravdat' Vashi ozhidaniya, prishlitye, pozhaluysta, makyet knigi stikhov. Tol'ko vot kakim sposobom prislal', nye znayu. Mozhet byt', prosto po pochtye? Na vsyakiy sluchay - moy adres: G.Faibussowitsch, Erkweg 8, 81927 Muenchen/Deutschland. Zhmu ruku, obnimayu. G.

Дорогой Юра, спасибо за интересный — и, конечно, весьма спорный — ответ. Независимо от того, сумею ли оправдать Ваши ожидания, пришлите, пожалуйста, макет книги стихов. Только вот каким способом прислать, не знаю. Может быть, просто по почте? На всякий случай — мой адрес: G.Faibussowitsch, Erkweg 8, 81927 Muenchen/Deutschland. Жму руку, обнимаю. Г.

[17.12.99]

Kolker5

Дорогой Юра, я получил сейчас извещение от Postmaster'a, что несколько моих последних электронных посланий Вам не могли быть доставлены адресату. Между тем Вы на них

ответили, из чего следует, что Вы их получили. Я думаю, эта путаница отчасти связана с тем, что Вы пользуетесь несколькими адресами, обратный адрес (когда я посылаю Вам «Re») оказывается другим и т. п. Установите для переписки со мной один окончательный адрес, по которому я мог бы посылать Вам мои письма. Вчера вечером читал стихи и наслаждался. Но предпочитаю читать небольшими порциями и буду ещё перечитывать. Ваш Г.

[17.12.99]

Дорогой Геня, спасибо за письмо. С интересом жду критики — но не тороплю Вас.

Я убежден, что все мои адреса работают, но предпочтительный адрес — yuri_kolker@bigfoot.com. Это распределитель. Посланные на него письма я получаю и на бибиси, и дома (и вообще в любой точке планеты, где могу войти в сеть).

Обнимаю.

Мюнхен, 27 дек. 1999

Дорогой Юра! Я прочёл книгу «Ветилуя» и буду говорить о ней («Завет и тяжба» мне уже знакомы, о поэтических переводах судить не решаюсь).

Не хочется рассыпаться в комплиментах, — Вы знаете, что я высоко ценю Вашу поэзию, нахожу в ней многое, что мне близко, всегда наслаждаюсь гармонией, строгостью, важностью Вашего стиха; и в новой книге Вы всё тот же. Назову некоторые пьесы среди тех, которые мне особенно понравились: *Ничего не случилось*; «Всё влажно в стране островной...»; *Уткина дача, ночь*; «Материнскою твердью...»; «Возьми в моём люблю...»; *Ориенталии*; «Кто годы страшные...»; «Передай генотип и умри...»; «На Петровском острове...»; «Жизнь кончилась, а человек живёт»; «Куда как просто Фауста сыграть!»; «Те двое никогда не разлучались...»; впрочем, и многие другие.

Общее впечатление от сборника: качества Вашей поэзии

в нём сгустились. Провозглашённый (уже в который раз) консерватизм почти нарочито, чтобы не сказать — назойливо, заявляет о себе на каждой странице. Размеры XIX века, мелодика, античные реминисценции, концовки, скрытые цитаты из Бо(а)ратынского, из Ходасевича. На этом пути, как мне показалось, больше, чем в прежних книгах, Вас подстерегает опасность, которая не миновала второго из названных поэтов: велеречивость, переходящая в риторику. Довольно много стихов-деклараций (не знаю, хорошо это или плохо) и то и дело повторяющимся за стихами автопортрет автора, всегда занимающего оборону против кого-то. Я бы отметил также некоторую избыточность и пестроту имён, терминов, паролей разных эпох и культур.

Решаюсь сделать несколько частных и мелких замечаний (под девизом: «Картину раз высматривал сапожник...»).

В стихотворении «Истина, какой она мне чудится» (стр.16) Вы употребили любопытную грамматическую форму — причастие будущего времени действительного залога. В русском языке известно только одно *participium futuri activi*: это само слово «будущий». У Вас: «скажущий». Любопытный неологизм.

Стихотворение «Проста меня пославшая» (стр.18). Декларативность доведена до предела; это, я бы сказал, уже не апология, — идеология. Как бы то ни было, такие стихи требуют безупречной внутренней логики. Речь идёт о Музе и её слугителе. Это скиталец, неточно названный паломником (ведь в четвёртой строфе говорится о том, что вера — прах). Суму, тем более — хлеб не берут взаймы: они достояние нищего. Почему рассудку приписывается боковое зрение? Агасфер тоже явно не вписывается в обозначенный ряд, это из другой оперы. Бигуди — может быть, и атрибут суеты, но отнюдь не блестящей: ведь никто не красуется в бигуди или, скажем, в папильотках. (В последней строчке — опечатка: лишнее «то»).

Примерно то же можно сказать о стихотворении «Берсерк» (стр.21): третья строфа выпадает из образа; Валгалла,

Голгофа, Синай, смешанные в одну кучу, совершенно не работают.

«Видсид» (стр.23). Тут меня смутили «бавары». Предки нынешних баварцев именуются баюварами (Bajuwaren).

«Висит хвостатая звезда» (стр.26-27). В строчке «Косматый кельт, этруск и галл» неправильное перечисление. Кельты — родовое обозначение, галлы — видовое. Галлы были кельтами.

К стихотворению «Сладко уразуметь, как прядут и ткут» (стр.28) подошёл бы эпиграф из «Фауста» (хотя Вы не любите эпиграфов):

So schaff ich am sausenden Webstuhl! der Zeit
Und werde der Gottheit lebendiges Kleid.

Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

А может быть, и такой: *В избушке, распевая, дева...*

Между прочим, Вы употребили в этой пьесе редкий размер, он придаёт ей какую-то диловатую прелесть.

«День гнева» (стр.29). Вообще-то замечательная вещь. Но...

«Чем от руки нанявшего его» — очень косноязычно. Вдобавок убивали не сами властители, а наёмные убийцы, *bravi*.

«Бальдаччо никому не уступал...» и т. д. — все три строчки звучат, как из учебника и чуточку пародийно. «Считалось, что держать вождя опасно...» — тоже как-то неинтересно, школярски. Зато дальше начинается замечательная история.

«Река Тамесис...» (стр.32-33). «Не ты ли ятью свет преобразил?». Я не понял, что это значит. Вдобавок ять (название буквы) мужского рода, справьтесь в словаре. В стихотворении «Рог, чаша, спираль» (стр.35-36) вызывают протест первые пять строк. Мне даже показалось, что вещь, в целом очень хорошая, выиграла бы без этого вступления.

«Пракситель розу изваять не смог

И раковину, нежности обитель...
Не нашей мерой жаркий трепет красок
Отпущен им...».

Пракситель *мог* изваять и розу, и раковину: он был скульптор. Чего он не мог, так это (по смыслу стихотворения) воссоздать живую розу и натуральную раковину. Да и с красками ваятель не работает. Я уж не говорю о том, что эти стихи («нерукотворные дворцы», «жаркий трепет») риторичны, маловыразительны, но в этих пяти строках есть внутренняя неслаженность, нелогичность.

Надеюсь, не обидел Вас.
С Новым годом!

[28.12.99]

Дорогой Геня,
огромное Вам спасибо! Я именно и ждал от Вас того, что получил (к похвалам я равнодушен). Все замечания основательны. Не вижу, кто бы еще мог проделать ту работу, которую проделали Вы.

С круглой датой Вас и Лору.
Ваш Юра

[2.08.00]

Дорогой Юра, я прочёл в журнале «Крещатик» вашу статью «У стен Ветилуи». Мне близок её пафос (я имею в виду мысли о высоком и низком), и я припоминаю, что сам писал нечто в этом духе в моей литературной автобиографии («Октябрь», 10, 1999). С некоторыми пассажами в Вашей статье можно поспорить, но это другой вопрос. В целом статья прекрасная. Обнимаю, Ваш Г.

Упомянутая Хазановым статья *У стен Ветилуи* — мой доклад, прочитанный в июне 1999 года на «конгрессе поэтов» в Петербурге.

[Хазанову, 2.08.00]

Дорогой Геня, спасибо за письмо и сочувствие. Как Вы поживаете? У меня ничего нового (кроме того, что книжка [*Ветилуя*] вышла; почти все Ваши замечания удалось учесть; еще раз спасибо). Живу чудовищно и суетно: ничего не успеваю. Зарабатываю на бибисях меньше прежнего. Одно утешение: Таня работает (в местной русской газетке [*Лондонский курьер*]), правда, почасовиком и на фиговых правах, но ведь и мои права не лучше. Обнимаю Вас. Привет Лоре

В августе 2000 года я посылаю Хазанову рукопись моего отклика на книгу М. Гаспарова *Записи и выписки*. Хазанов отвечает:

[25.08.00]

Дорогой Юра,

имя М. Гаспарова мне, конечно, знакомо, я кое-что читал, у меня есть подготовленное им превосходное издание Авзония; я привык его уважать. Ваши замечания убийственны и, по-видимому, увы, справедливы. Я говорю: «по-видимому», потому что рецензируемую книгу не читал.

Прежде всего — одна неточность у Вас. Iam вместо jam — не ошибка и не опечатка: так как у римлян буквы j не было (она появилась у средневековых переписчиков), то среди филологов-латинистов считается хорошим тоном её не употреблять. Так было и в моё время. Так печатаются — без буквы j — тексты авторов в научных изданиях. Но это мелочь.

Ещё одна мелочь: «Не излишним ли постмодернизмом дышит позиция учёного...» (стр.2). Скажите на милость, причём тут постмодернизм.

Вы, вероятно, написали эту рецензию в расчёте на тех, кто знаком с книгой. Я её не читал, и это в большой мере обесценивает все мои возможные замечания. Всё же скажу о двух вещах. По-видимому, возмутительная операция над Боратынским была произведена не с бухты-барахты, но по какому-то поводу, в определённом контексте, который если и не извиняет, то по крайней мере объясняет её. Вы (полагая, как и

сам Гаспаров), что *sapienti sat*, ничего об этом контексте или поводе не говорите. Это ослабляет Вашу критику, ибо рецензии пишутся не только для тех, кто прочёл рецензируемое сочинение и хорошо его помнит.

То же можно сказать о некоторых других Ваших замечаниях, которые более или менее справедливы, но касаются мелочей, выхваченных там и сям из книги. Никакой обобщающей характеристики книги Гаспарова у Вас нет, неизвестно даже, о чём она.

Второе моё возражение или, лучше сказать, соображение касается заключительного пассажа о «литературоведах». Эти бедолаги могут быть талантливыми или бездарными, эрудитами или невеждами. Но я не мыслю существования литературы, включая поэзию, без литературоведения. И я вполне допускаю (как и сами они), что формальный анализ стихотворения вовсе не обязательно разрушает его целостность и прелесть. Я допускаю, что о литературе можно и бесполезно говорить на метаязыке, внеположном ей. У Вас чувствуется какая-то личная нотка, мешающая читателю; Ваше раздражение доходит до того, что Вы готовы чуть ли не всех историков литературы и литературоведов объявить скопцами в серале.

А вообще-то — я прочёл рецензию с удовольствием.

Жму руку. Ваш Г.

[31.12.00]

Дорогой Геня,

от всего сердца поздравляем Вас с новым годом. Пусть новое тысячелетие принесёт Вам больше удач, чем уходящее.

Помним и любим Вас. Что у Вас нового?

Юра и Таня Колкер

[9.01.01]

Дорогие Юра и Таня, спасибо за весточку и поздравление. Я только что вернулся из Чикаго, поэтому отвечаю с опозданием. Основной текст [новогоднего поздравления], на-

писанный, видимо, кириллицей, нечитаем, зато аттачмент [тот же текст в приложении] отлично читается. Мы живём в общем по-старому. Как поживает Ваша муза, Юра?

От Лоры привет. Сердечно Ваш Г.

P .S. Мое письмо, посланное сегодня утром по другому, указанному Вами адресу, вернулось. Попробую теперь по этому адресу. Сколько у Вас электронных адресов и какие из них более надежны? Г.

[9.01.01]

Дорогой Геня,
спасибо за письмо. Я получил и утреннее Ваше письмо (так нередко бывает: письмо доходит, а отправитель получает уведомление о невручении). Как Вы понимаете, снаружи в моем новогоднем письме был тот же текст, что и в приложении, — для страховки: не одно, так другое прочтётся.

Адресов у меня с полдюжины, но лучше всех —
yuri_kolker@bigfoot.com .

Это распределитель, он пересылает на все прочие адреса. Второй по удобству yuri.kolker@bbc.co.uk, он хорош тем, что пересылает письма, приходящие на бибиси, еще и домой.

Муза моя, спасибо, пока жива, хотя и дышит на ладан. Все силы пожирают тексты для заработка. Помню, было одно умное высказывание (правда, не помню, чье [Синклера Льюиса]): журналистика — единственная профессия, мешающая писательству. Не иначе, как кто-нибудь из вас, немцев, сказал; уж больно умно. Конечно, еще меньше я бы хотел быть полным профессиональным поэтом, то есть кормиться от стихов. Немногие в России примеры показывают, что такое до добра не доводит. Лучше всего (для тех, у кого нету Ясной поляны) — владеть хорошей ручной профессией, отстоящей от литературы как можно дальше. Думаю, что Вы держитесь тех же мыслей — хотя, конечно, прозаику зарабатывать прозой не зазорно... В прошлом году я издал в Питере книжку, вероятно, последнюю [*Ветилую*]. Ее выдвинули на тамошнюю премию, Северную Пальмиру, которую я не получаю в мае этого

года. К моему удивлению, не все рецензии на книжку были ругательные.

А как поживает Ваша муза? Не удивлюсь, если со времени нашего последнего обмена письмами Вы роман написали.

На этом пока прощаюсь. Передавайте наш поклон Лоре.

Всего Вам доброго. Ваш Юра

[13.01.01]

Дорогой Юра, я рад, по крайней мере, что Вы не лишились работы на «бибсиях», — опасность, о которой Вы несколько раз писали.

Хотя мы вернулись (из Чикаго) уже почти неделю тому назад, я всё ещё не пришёл в форму. Это оттого, что обратный полёт происходит в противоестественном направлении, как если бы Вам предложили пробежать стометровку спиной вперёд.

Минувшей осенью я посетил, после почти двухлетнего перерыва, Москву. Я давно уже чувствую себя там только гостем. Прожил там две недели в хороших, надо сказать, условиях. Но впечатления какие-то невесёлые. Кроме того, у меня остался неприятный осадок от посещений издательства с названием, похожим на имя морского гада, — «Вагриус», — которое собирается выпустить сборник моих сочинений. Оно бы, конечно, и неплохо, но редакторша принялась немилосердно править и сокращать мои тексты, приведя три довода: 1) правка — «в моих же интересах», 2) «у нас демократическое издательство», и 3) книга невыигрышная, неизвестно, кто её купит. Последняя мысль, конечно, справедлива, но раз уж взялись... Я похерил все исправления и уехал, и с ужасом думаю о том, что они там могут сотворить из моих изделий. Утешаться можно разве только тем, что если книжка выйдет, вряд ли кто-нибудь там — редактриса права — будет её читать. В Новосибирске подготовлен к печати маленький сборник статей и этюдов. «Далёкое зрелище лесов» должно выйти по-немецки осенью.

Я публиковал разные вещи в разных журналах, главным

образом (как и прежде) в «Октябре». Но последний мой роман им, кажется, не приглянулся. Он называется «Аквариум» и в самом деле, что называется, не блещет.

Вместе с Джоном Глэдом мы составили книгу бесед о литературе, эмиграции, жизни и разных других увлекательных предметах на основе электронной переписки, которую вели почти целый год.

А так — жизнь идёт по-старому.

Сердечно обнимаю Вас, дорогой Юра, как бы хорошо было встретиться, поговорить, почитать стихи. Тане поклон.

Ваш Г.

22.01.01

Простите, дорогой Геня, что отвечаю с опозданием на Ваше письмо от 13 января. Каким-то непостижимым образом оно не попало в мои основные ящики. Я нашел его сегодня на библиях, где бываю редко.

Вы очень занятно пишете о Москве и морском гаде, хотя, конечно, веселого в этом гаде мало. Что ж, за удовольствие выходить без редакторской правки нужно платить. Я продолжаю платить, поскольку даже графикой своего текста не готов поступиться, не то что звуко-смыслом. Моя *Ветилуя* обошлась мне в 800 долларов (если быть совсем точным, мне — в 300; 500 заплатил Леонид Резников, редактор денверской газеты *Горизонт*, которого я никогда в глаза не видел). Книгу выдвигают в Питере на Северную Пальмиру, но дальше короткого списка я не продвинулся, потому что как раз вовремя поссорился с Кушнером, а он там полновластный хозяин. (Стыжусь, что до сих пор не прислал Вам книгу, частично исправленную в гранках по Вашим замечаниям.) Было несколько занятных рецензий. Конечно, критик всегда лезет грязными руками в душу, но кое-что дельное всё же было сказано. Кстати, у меня появился электронный сайт со стихами и очерками. За чисто символическую сумму его мне сделал один школьник в Эстонии. Не хотите ли и Вы обзавестись сайтом? Вам это обойдется в сущие копейки.

Не пришлете ли мне адрес *Октября* и других московских изданий, которые могут поместить рецензию? Я до сих пор не послал книжку ни в один журнал, но, может быть, еще не поздно [так и не послал ни в один].

Виноват, не знаю, кто такой Джон Глэд. Должно быть, знаменитость... [Джон Глад (1941-2015), американский литературовед хорватского происхождения].

Не знаете ли, случаем, кто автор строк? —

Men feel their weakness, and to numbers run,
Themselves to strengthen or themselves to shun.

[Я переводил ради заработка рецензию Роя Портера (Roy Porter. *The Need for Buddies*, *London Review of Books*, т. 22, № 12, июнь 2000) на книгу: Peter Clark. *British Clubs and Societies 1580-1800: The Origins of an Associational World*, Oxford University Press, 2000, — и не сразу заметил, что Портер называет автора: это английский поэт Джордж Крабб (1754-1832). Перевёл я тогда это двустушье не совсем точно, погнавшись за звонкой рифмой:

Всяк робок внутренне — вот истина простая.
Уверенность в себе даёт мужчине стая.

Лучше бы перевёл так:

Мужчины несильны. Чтоб от себя укрыться
И силу обрести, спешат с толпою слиться.]

Тутошние эрудиты и словари ответа не дают.

Обнимаю Вас, дорогой друг, и тоже мечтаю о встрече.

Привет Лоре.

Ваш Юра

27.01.01

Дорогой Юра! Я послал запрос Джону Глэду, кто автор стихов «Men feel their weakness...», но и он не смог ответить.

Это мой старый приятель, профессор-славист и полиглот, переводчик русской прозы, критик и т. д., живёт в Вашингто-

не. Книжка, которую мы замыслили и даже довели до кондиции, ждёт издателя; не уверен, дождётся ли.

О том, чтобы издавать мои писания на собственные деньги, я, откровенно говоря, никогда не помышлял, хотя преимуществ, о которых Вы говорите, очевидны. Но эту книгу наших бесед в Москве, как мне сказали, можно было бы в принципе выпустить таким способом, тысячи за две. Ах, не хочется об этом говорить, пропади они все пропадом. Да и денег у меня таких нет.

Электронный сайт, зачем? Кто это будет читать? В короткое время Интернет успел превратиться в чудовищную мусорную свалку. В Москве модно говорить о «сетевой литературе». По-моему, это что-то вроде выгребной ямы. Или кладбища литературы.

Сообщаю Вам по Вашей просьбе два адреса.

Октябрь: Москва 125124, ул. Правды, 11/13. На чьё имя писать: может быть, В. Пуханову, он сам поэт. Тел. 214 51 68. Или А. В. Воздвиженской, она ведает литературной критикой. Тел. 214 71 34.

Знамя: Москва 103863 ГСП, ул. Никольская 8/1. Рецензиями там занимается А. Л. Агеев. Тел. 923 62 61.

Буду очень благодарен, если пришлёте мне книжку. У меня ведь целая библиотечка Ваших поэтических книг. Иногда я читаю из них кое-что вслух кому-нибудь или самому себе. Петрарка сказал: *Nec metuit solus esse dum secum est*. И [он] не страшится быть одному, доколе вдвоём с собой.

Жму руку, обнимаю. Тане сердечный привет.

Ваш Г.

Виталий Пуханов

Найди меня, когда я стану камнем.

А если я не стану камнем, помни:

Мы все равно с тобой, как камни, канем

Туда, где корни.

Что тянут к небу в голоде древесном

Чужую смерть из нерожденной стали.

Бессмертно все. Но в страхе бессловесном

Мы в ствол уйдем и деревом не станем.

(сб. «Деревянный сад», М., 1995, с. 94)

Не позднее июня 2001 года А. И. Шлепянов затевает в Лондоне издание журнала *Колокол* и приглашает меня работать над журналом в качестве своего помощника, без должности и оклада. Естественно, я прошу материалов для журнала у тех, в чей талант верю, в том числе и у Хазанова.

Мюнхен, 4 янв. 2002

Дорогой Юра! Я получил Ваше новогоднее поздравление и сразу же ответил по адресу отправителя (другой адрес, [http](http://), оказался негодным). Но нет уверенности, что мой ответ дошёл до Вас, тем более, что Ваши электронные адреса то и дело меняются: у меня их уже целая коллекция. Так что поздравляю Вас и Таню на всякий случай ещё раз.

Последнее известие о Вас, дошедшее до меня, была рецензия на «Ветилую», кажется, в «Знамени», которая порадовала дружелюбным тоном. У меня ничего особенного нет. Весной вышла моя книжка прозы под титулом «Город и сны» в издательстве, которое носит название, напоминающее имя морского гада: Вагриус. И гад морских подводный ход. Что касается книги о литературе, моей и Дж. Глэда, о которой я, кажется, Вам писал, то она, как ни странно, нашла издателя (Игоря Захарова) и даже вроде бы вышла неделю или две тому назад. Называется «Допрос с пристрастием». Там есть кое-что о литературе в эмиграции, небезынтересное, быть может, для Вас. Если бы она до Вас дошла, не хотели бы Вы написать рецензию — разумеется, нехвалебную, желательно зубастую.

Ваше сообщение о «Колоколе» заслуживает всяческого внимания [в 2001 году я оказался помощником А. И. Шлепянова (1933-2016), издававшего в Лондоне журнал *Колокол*, и пригласил Хазанова участвовать в журнале; *Колокол* издавался на личные средства Шлепянова — и платил гонорары]. Что это за предприятие? Как часто выходит журнал? Вашей реко-

мендации достаточно, и я непрочь поучаствовать. Сообщите мне, пожалуйста, какого рода текст, какого объёма, кому и т. д. я мог бы прислать.

Что Вы пишете? Поддерживаете ли связь с «Арионом»? [Журнал *Арион* издавал в Москве Алексей Алёхин. У меня там вышла статья *Седакова в анатомическом театре*: №1, 1998, и затевалось ещё несколько проектов, но когда Алёхин отклонил моё стихотворение *День гнева* (под тем предлогом, что он публикует *современную поэзию*), я прекратил с ним общение (написав: современная поэзия есть то, что пишут современные поэты).] Можно ли Вам позвонить и по какому телефону.

Обнимаю, привет Тане. Ваш Г.

[4.01.02]

Дорогой Геня, спасибо за письмо и поздравления. Адрес правильный, отвечайте на него.

Определить *Колокол* довольно трудно. Издатель (Александр Шлепянов, 68 лет, искусствовед и антиквар) убежден, что подобного журнала в русской ойкумене нет. Образцом ему служит *Нью-Йоркер*. Оформление — роскошное, авторы (по замыслу) — отовсюду и самые-самые. Упор на вещи интеллектуальные. Выходит (пока) раз в квартал, следующий выпуск — в марте. Туда еще можно встрять. Пришлите безотлагательно главу из *Города и снов*, а когда сможете — и самую книгу. Лучше всего нам подходят эссе — в духе Ваших. Темы — любые (культурно-исторические, злободневные, политические). Печатаем и литературу: короткие рассказы и стихи. Журнал гонорарный, и гонорары нешуточные. Не знаю, как пойдет дальше, пока все это Шлепянову в прямой и многотысячный убыток, но он — человек денежный и кое-кому платил за статьи по 500 долларов. Мы с Таней при нем чем-то вроде редактора и корректора. Ваше участие не то что желательно, а прямо необходимо.

Я пишу мало, если не считать журнальной фигни, кото-

рая идет большей частью под псевдонимами. С *Арионом* я давно поссорился. Звонить мне можно по старому телефону: ++ (44) 20 8207 3616. Я работаю преимущественно дома, на бибисях бываю не чаще двух раз в неделю.

Обнимаем. Привет Лоре. Юра (и Таня)

Мюнхен, 7 янв. 2002

Дорогой Юра! Вчера я послал Вам два текста [для *Колола*] и, что называется, с трепетом ожидаю Вашего решения [решения принимал не я, а Шлепянов]. Недостатки первого сочинения до некоторой степени ясны мне самому. Повесть отзывает памфлетом. И я в общем-то занимался в последние годы совсем другими вещами, далёкими от столь навязчивой актуальности. Но у меня было сильное, до ощущения необходимости, желание написать это. Первую, значительно отличающуюся от этой редакцию я предлагал месяца два тому назад журналу «Знамя», в виде теста. Этот тест они блестяще выдержали, отказавшись, как и следовало ожидать, от публикации. Тем сильнее хочется увидеть повесть напечатанной, — само собой, вместе с приложениями. (Ответ «заместительницы», само собой, — моё собственное сочинение). Что касается фрагмента переписки с Дж. Глэдом, то и он, похоже, — не лучшее в нашей книжке, но уж так получилось.

Я открыл Ваше <http> и с удовольствием перечитал статьи мне известные, а заодно всё, что прошло мимо меня. Например, заметку о Житинском, в самом деле замечательном поэте, чьё имя слышу впервые. С творчеством Геннадия Айги я едва знаком, то, что приходилось читать, не произвело на меня никакого впечатления. Подозреваю, что Ваш приговор в целом справедлив, хотя одного единственного стихотворения в качестве улики маловато. В статье встречается кое-что, против чего мне хотелось возразить, например, такой пассаж: «Поэзия, подсовывающая нам действительно новую мысль, может случайно оказаться хорошей философией, но наверняка будет плохой поэзией». Вот те раз.

Между прочим, я занимался летом, как ни странно (и некоторая наглость с моей стороны), составлением антологии европейской поэзии. Отобрал около 50 стихотворений античных, средневековых и новых поэтов — греческих, латинских, русских, французских, немецких и английских. Из авторов минувшего века брал тех, кого уже нет (следуя славному правилу: «Они любить умеют только мёртвых»), и руководствовался собственным профанным вкусом и пристрастием. Иноязычные стихи я привёл в оригинале, снабдив самодельными прозаическими подстрочниками, отказавшись от переводов. Кроме того, присовокупил к каждому стихотворению краткий комментарий. Нашлась, представьте себе, даже издательница, но пока что всё — вилами на воде.

Жму руку, обнимаю. Тане привет.

Ваш Г.

Память не удержала деталей; не помню, что было в первой присылке Хазанова. Из других источников знаю, что Хазанов посылал через меня в *Колокол* свои работы: *Шульц, или общая систематика осени* (о польско-еврейском писателе и художнике Бруно Шульце, погибшем в гетто в 1942 году) и *Христиана Вульпиус* (о семье, тесно связанной с Гёте), — но, по-видимому, не в первой присылке. Ни одна вещь Хазанова, сколько помню, напечатана в *Колоколе* не была.

[7.01.202]

Дорогой Геня, мое решение здесь ни при чем. Я, вероятно, могу влиять на Шлепянова, поскольку он спрашивает мое мнение, но не рвусь. Моя страсть — расставлять запятые и ставить строчные вместо прописных.

Оба Ваших текста Шлепянову понравились. Оба он хочет публиковать, но не в одном номере, конечно. Про повесть (он называет ее рассказом) сказал: «очень силен». Про диалог — что не мешало бы сократить. Как вы смотрите на сокращения? Так сказать, журнальный вариант создать. Шлепянову кажется, что мысли там — не на пять с половиной тысяч слов.

Насчет оригинальности мысли в поэзии — продолжаю держаться моей реакционной точки зрения. У Пушкина — не то что своей мысли, у него ни одного своего сюжета нет (включая и Онегина). Только — поэзия. Версификация — не от слова ли версия? Поэзия, прости господи, глуповата, простодушна.

Шлите еще. Шлепянов отдает должное именам (устраивает что-то вроде парада имен), но о текстах судит самостоятельно и, по-моему, с пониманием.

Обнимаю.

Ваш Юра

8 янв. 02

Дорогой Юра, «версификация», как и «версия», восходит к глаголу *vertere*, поворачивать, и в этом, может быть, всё дело. Может быть, мы говорим об одном и том же. Хотя сюжет и мысль не одно и то же, хотя незачем (по словам Гёте) придумывать новые сюжеты, но можно сказать, конечно, что и новых идей с тех пор, как существует литература, ни поэты, ни прозаики не высказывали. Но это верно только в самом общем и формальном смысле. **Важны «повороты».** Вы сослались на Пушкина (поэзия, прости Господи...), однако Пушкин — это поэзия чувства и поэзия мысли. И Фет — поэт поразительной мысли. И я не в состоянии провести границу между поэтической мыслью и эмоцией. (Мог бы сослаться и на Ваши вещи). Во всяком случае, я не могу понять, куда Вы с Вашей теорией денете того же Гёте, куда деть Гёльдерлина, Рильке (*Дуинские элегии*), Готфрида Бенна, что делать с Элиотом, с Эзрой Паундом, и мало ли ещё кого можно назвать.

Если Ш. [Шлепянов] пожелает опубликовать по очереди оба текста, я буду рад. Конечно, мне очень хотелось бы, чтобы вначале пошёл рассказ. (С запятыми, которые Вы любите расставлять, а также кавычками, строчными буквами и т. д. там всё в порядке.) Хочу попросить Вас оставить диалоги в кавычках-ёлочках, так всегда печатаются мои тексты). Что ка-

сается отрывка из нашей с Дж. Глэдом книги, то можете сокращать его как Вы сочтёте нужным. Дело в том, что книга (а также жанр беседы-переписки) задаёт другой ритм, нежели журнальная статья, отсюда впечатление рыхлости, недостаточной концентрации, многословия.

Есть ещё одно предложение: я могу выбрать из книги какой-нибудь другой кусок.

Вы просите прислать ещё что-нибудь. *Вы просите песен. Их есть у меня...* Посылаю Вам наугад две вещички.

Ваш, с любовью, Г. Ф.

11/01/02

Дорогой Геня, мы, я думаю, говорим о поэзии одно и то же, и понимаем ее одинаково. «Важны повороты...» Но повороты не являются мыслью для философа или математика. Эти двое могут одну и ту же мысль выразить по-разному во всей ее полноте, а поэт — не может: мысль неотрывна от слов, составляет с ними одно целое. Поменяйте слова местами, и мысль будет другая. Потому-то она и не мысль в обычном понимании, а эмоция. Мысль же оригинальную зарифмовать и втискивать в размеры незачем, она и так жива. Поэт, когда он мыслит, перестает быть поэтом. Так, во всяком случае, видится дело мне.

«...куда Вы с Вашей теорией денете того же Гёте, куда деть Гёльдерлина, Рильке (*Дуинские элегии*), Готфрида Бенна, что делать с Элиотом, с Эзрой Паундом...»

Насчет остальных поостерегусь, а куда девать Элиота, знаю совершенно точно: в помойную яму.

Едва ли Шлепянов решится вставить Ваш рассказ в следующий номер. Там идет рассказ Василя Быкова, тоже большой, и его Шлепянов помещает скрепя сердце, ради имени (и потому, что просил). Два больших рассказа номеру не потянуть. Я уговариваю его вставить сразу хотя бы Вашу с Глэдом идеологию, а рассказ пустить потом. Сократить я ее взялся бы с удовольствием, но это отнимет порядочно времени, а потом еще придется согласовывать с Вами, то есть рабо-

та может получиться двойная. Может, Вы создадите журнальный вариант?

Запятые и кавычки. Вы не хуже меня знаете, что журнал, не пропускающий текст через свое сито, это не журнал. Меня СиМ редактировал нещадно, а подчас и плохо (в одной из моих статей я [после правки Хазанова!] приписываю себе премию, которой не получал). У нас — чистка минималистская, но ее проходят все, не исключая Битовых и Быковых, которые, конечно, Вам не чета, но более имениты. Кавычки в прямой речи я у Вас готов оставить, хотя мне это и не кажется правильным. Вы насаждаете английскую норму, то есть роете яму под собою же и под всеми нами. Со знаками препинания и строчными у Вас, решаюсь думать, не все чисто. Вот пример. Вы открываете предложение в скобке, а точку ставите после закрывающей скобки. Это никуда не годится. Смысл скобок в том, что находящееся в них в принципе может быть вынuto, и облегченный текст должен читаться гладко, у Вас же в нем получатся две точки подряд. С прописными и строчными — тоже странности: «Чистые пруды... и Красные Ворота». Во втором случае прописная ни к чему. Есть, конечно, и просто описки, что очень понятно. Тот, кем владеет вдохновение, невнимателен к пустякам. Если хотите, Вам я буду присылать Ваши тексты на авторизацию, но вообще на это времени и сил не остается, и с другими авторами я не церемонюсь.

Разумеется, шлите другой кусок — и вообще все, что есть. Шлепянов — читатель. Надо как можно сильнее втемашить в его голову Ваше имя. Заметьте, что нам не обязательно, чтобы текст вовсе не бывал в печати. Если он был опубликован в задворочном издании или давно, он — годится. Нужно только сделать две-три косметических поправки (например, сократить, поменять название), и новая версия готова.

На этом пока прощаюсь.

Ваш ЮК

Мюнхен, 12 янв. 02

Дорогой Юра, жаль, конечно, что мой текст не может пойти в этом номере, я напрасно так спешил, и вдобавок журнал ведь может на первом номере и прекратиться, как это бывало со многими начинаниями. Что касается нашей с Джоном переписки, то, мне кажется, лучше всего от неё вообще отказаться, тем более, что книжка уже вышла (хотя до меня всё ещё не дошла).

Правда, я послал Вам 8 января, по Вашей просьбе, ещё два текста: рассказ почти такой же длины (dorf.n.doc) и значительно более короткую «публицистику» (exil.doc). Может, она бы подошла?

Ставить в одном случае прописную букву (Красные Ворота), а в другом — строчную (Чистые пруды или, скажем, Красная площадь), конечно, нелогично; об этом и я могу догадаться. Но я старый москвич и, кстати, вырос в этом районе, в переулках между Красными Воротами и Чистыми прудами. Могу Вас заверить, что таково традиционное, не придуманное мною, но с давних пор установившееся написание, его надо уважать.

Точку перед второй скобкой во фразах, заключаемых в скобки, я тоже ставил раньше и постоянно поправлял нашу наборщицу, но это противоречит правилу русской пунктуации (см. справочники) и к тому же плохо смотрится. Для читателя это было бы некоторым затруднением. Видимо, поэтому и установлено такое правило, и его всё-таки надо бы соблюдать. Две точки здесь, само собой, не нужны.

Можно было бы написать маленький трактат об излюбленных знаках препинания у разных авторов (злоупотребление тире у Горького, постоянные двоеточия внутри фразы у Андрея Белого, пристрастие к паре «запятая, тире» у А. Н. Толстого и т. д. вплоть до бесконечных многоточий у Фридриха Горенштейна. Сюда же — рассуждение Блока о разнице между тремя и четырьмя (!) точками в многоточии). Возможно, Вы заметили, что современные авторы игнорируют правила различного употребления двоеточия и тире — ре-

зультат плохого школьного образования — и ставят тире там, где надо и где не надо. Почти исчез знак точка с запятой, столь любимый нашими классиками; видимо, утрачено ощущение его интонационного и смыслового значения. Многие якобы образованные люди, начиная фразу со слова «однако», ставят после него запятую, но забывают выделить его в запятых, когда это слово стоит внутри фразы. Не все знают, что нехорошо начинать абзац с цифры, её нужно писать в строчку. И так далее.

Из всего этого, однако, можно сделать вывод: абсолютизм пунктуации недопустим, при всей строгости общеобязательной школьной орфографии она оставляет возможность для некоторых индивидуальных вариаций. Знак препинания — Вы это знаете лучше меня — может иметь немалое стилистическое значение. Как и на всём в прозе, на нём играет отсвет души.

Я, как и Вы, придаю большое значение разнице между точкой с запятой и двоеточием, между двоеточием и тире. Для меня очень важно членение текста на абзацы, которые я ввожу иногда как бы не там, где полагается, сознательно нарушая привычную логику повествования

Насчёт кавычек. Я использую «ёлочки» для однозначно прямой речи. Для передачи «мыслей» я не пользуюсь никакими кавычками: в моих текстах, где прямая речь перетекает в косвенную, персональная — в «объективную» (авторскую или псевдоавторскую), где вообще часто стёрта грань между личным и внеличным, — в кавычках вообще нет надобности. Да и в других случаях я стараюсь по возможности избегать кавычек (злоупотребление ими, весьма распространённое, — принадлежность дешёвого газетно-фельетонного стиля, а то и просто признак малограмотности).

Замена привычных тире кавычками в диалогах отнюдь не является исключительно западным (не только английским) заимствованием: такой способ употреблялся и в России, постепенно выходя из употребления. Я восстановил его в моих текстах, и они всегда так печатаются.

Я соблюдаю также иерархию кавычек: «гусиные лапки» внутри «ёлочек».

Все эти вещи имеют большое значение во втором рассказе, «Сера и огонь», — если Вы сочтёте возможным взять его для журнала.

Юра, спасибо Вам за все хлопоты, извините, что докучаю пространными рассуждениями. Жму руку, всегда Ваш Г.

[12.01.02]

Дорогой Геня, оба текста (от 8 января) получены. Я тотчас переслал их Шлепянову, а сам прочесть не успел. Шлепянову определенно нравится («Стилист!»), но второй номер еще не вполне составлен. На днях будет ясно, войдут ли.

Народная традиция, спору нет, важна, но в ее основе могла быть простая ошибка. Я живу на улице Мильтона; рядом — улица Байрона и улица Теннисона, и фамилия последнего написана на табличках с грамматической ошибкой. Что же, исходя из этого и я должен писать Tennison вместо Tennyson?

Точка внутри. То же самое. Розенталь друг, но истина дороже. Да и не друг. Это ведь от него, кажется, пошло вздорное написание Би-би-си вместо Би-Би-Си. Прикажете и *Московский комсомолец* сокращать Мк, а не МК? А на насчет того, как что смотрится, есть разные мнения. Начертание слов и знаков — дело писателей, а не розенталей.

Совершенно с Вами согласен: люди просто забыли про двоеточие и всюду лепят тире. Я это всегда говорил. Обратная тенденция — только у Андрея Белого, он часто ставит двоеточие вместо тире. Четыре точки Блока — вздор, который нужно уважать только в посмертных изданиях Блока, раз для него это было важно.

В любом случае, разговор у нас идет о меристеме языка, в котором всегда есть спорные вопросы. Тех авторов, которые хоть задумываются над подобными вещами и хотят произнести свое слово в споре, нельзя не уважать, — но я, признаться, не знаю третьего во всей теперешней русской ойкумене. А

в журнале, согласитесь, необходимо некоторое стилистическое единообразие.

Опять жму Вам руку: «злоупотребление ими (кавычками), весьма распространённое, — принадлежность дешёвого газетно-фельетонного стиля, а то и просто признак малограмотности...». Это — текстуально то, что я твержу многие годы. Об иерархии кавычек Вы могли бы не упоминать в разговоре со мною. Мы ведь с Вами, с божьей помощью, естественнонаучное образование получили. Это филологу такую вещь не втемяшить — как и то, что кавычек может быть только четное число.

Ничем Вы мне не докучаете. Спасибо Вам, а не мне. Таких писателей, как Вы, на горизонте не видно. Все Ваши соображения драгоценны, даже когда я с ними не согласен. Честно сказать, людей, равнодушных к графике текста, мне затруднительно считать писателями.

Всегда Ваш Юра

Kolker13. 14 янв. 02.

Дорогой Юра, — приятнейший, неожиданный подарок: я ведь не знал, что первый номер уже подготовлен. Журнал пришёл сегодня. И, конечно, я бросил все дела и стал читать и перелистывать. Многое отложил на потом, а пока что — первое и по необходимости поверхностное впечатление.

Начать с того, что мне очень понравилось редакционное вступление. Догадываюсь, что написано Вами. Из того, что я успел прочесть в журнале, это — лучшее, и, думаю, что и после того, как будет прочитано всё остальное, вступление останется самым ярким материалом. Читается с наслаждением. Абсолютно никаких возражений.

Статья «Прав ли Берлускони?» [моя; о некоторых достоинствах ислама] тоже очень интересная, но требует обсуждения — не столько по фактам, которые там приводятся, сколько по самой постановке вопроса, — однако сейчас я не могу в это вдаваться. Заголовок показался мне не совсем удачным, то

есть недостаточно привлекающем внимание: что за фигура Берлускони? Сегодня он здесь, завтра о нём никто не вспомнит.

Журнал ищет — и, кажется, уже нашёл — некий особый жанр. Это попытка наполнить «глянцевый» журнал серьёзным содержанием. Нужно привыкать к тому, что текст Герцена соседствует с западной рекламой и т. п. Свободомыслие намерено ужиться с коммерцией. Так сказать (простите за лёгкий тон), и рыбку съесть, и... Что ж! Журнал, если говорить о содержании, об уровне, действительно оказался серьёзным, интересным, достаточно разнообразным и предъявляющим определённые требования к читателю. Но тут возникает противоречие: цена номера рассчитана на богатого покупателя, который ничего такого на дух не переносит. Распространять такой журнал в России, боюсь, будет непросто. Люди, которых он в самом деле заинтересует, без сомнения, найдутся, но они не смогут его приобрести, не говоря уже о подписке. Может быть, надежда на рекламу, но ведь и она не увеличит подписку.

Меня несколько разочаровали стихи Кушнера, стихотворение о Тютчеве показалось мне нелепым (там даже есть биографическая неточность), а последнее стихотворение звучит пародийно.

Совсем не могу понять, каким образом на Ваших страницах засияло славное имя Лимонова, да ещё в таком обширном материале и с богатейшей иконографией. Мне кажется, этот писатель вовсе не заслуживает никакого внимания; это — для других потребителей и других страниц.

Но всё это мелочи.

Журнал, конечно, не литературный. Это очевидно, и говорить об этом нет необходимости, но я-то принужден заниматься литературой. Общественный, политический, публицистически-эссеистический журнал, который может позволить себе побаловаться между делом и коротенькой беллетристической в качестве украшения, и даже стишатами. Вероятно, авторы вроде Вашего слуги вряд ли смогут найти в нём уголок, но

это говорит не против журнала, а против таких авторов.

Словом, дерзайте ныне ободренны, я в самом деле и от всей души желаю Вам, Юра, хорошей, интересной работы и успеха. Сердечно благодарю Вас. Ваш всегда Г.

16.09.02

Дорогой Юра, рад, очень рад получить от Вас весточку [эта записка утрачена; в ней я, очевидно, сообщал о моей поездке в город на Неве]. Я тоже был в отъезде, прожил три недели в Париже, а теперь должен буду 25-го лететь в Чикаго, помочь Лоре опекать нашего старшего внука, но собираюсь также навестить и Юза в Новой Англии. Домой, то есть в Мюнхен, рассчитываем с Лорой вернуться 8 октября. Письмо Ваше не очень-то весёлое, я не совсем понимаю, почему в октябре должна окончательно, как Вы пишете, закончиться Ваша деятельность на BBC, — это после того, как Вы проработали там столько лет. Правда, журнал, если я Вас правильно понимаю, стоит на ногах достаточно крепко. Занимались ли Вы в Петербурге литературными делами, кроме «Колокола»? Я был занят в Париже одной работой, которую затеял примерно полгода тому назад, это нечто вроде небольшого романа. Закончил или почти закончил. А что дальше? Всегда, и на этот раз ещё больше, чем прежде, меня отвлекает мысль о том, что вся эта работа никому не нужна. Что бы я ни писал — это никому не нужно. И, конечно, остаётся неизвестным, кто и где это будет печатать. Но ничем другим заниматься я не в состоянии. Как поживает Ваша муза? Обнимаю, привет Тане. Всегда Ваш Г.

[16.09.02]

Дорогой Геня,
первое и главное: *Зов родины* на выходе в четвертом номере [*Колокола*; сколько я ни настаивал, Шлепянов снял это сочинение]; еще две Ваши вещи выйдут в будущем году. Журнал, как будто бы, умирать не собирается. Но тут я плохо пони-

маю. Шлепянов не делится, а я не спрашиваю. О бибисях [видимо, в утраченной записке Хазанов страшивает, почему меня уволили с Би-Би-Си] говорить не хочется. Никаких объяснений [моего увольнения в октябре 2001 года] нет. Мне и не нужно. Думаю, что я получил, что заслужил. И на бибисях, и вообще. В Питере я мало занимался литературными делами. Один раз через силу выступил в Бродячей собаке. Получил один крохотный гонорар. *Звезда* просила стихов; я не дал, и не потому, что не было, а просто все это ни к чему стало. Ваши настроения понимаю, но думаю, что у меня дела хуже. Вам кажется, что Ваши сочинения никому не нужны; я точно знаю, что я самому себе не нужен. Мой фатализм достиг крайней точки. Я просто не хочу больше жить. Вот и ответ насчет моей музыки.

Знаю, что настроения это Вам не улучшит. Простите. Сегодня йом-кишпур, стало быть я могу рассчитывать на прощение.

Обнимаю.

Ваш Юра

Мои слова «не хочу больше жить» не с литературой связаны и нуждаются в пояснении. С середины 2001 у меня приключилось что-то вроде душевной болезни, длившейся почти девять лет — до появления в доме щенка Мотьки (Мотека) в январе 2009 года, который и помог мне поправиться. Эта болезнь достигла пика в 2002 году. Разумеется, болезни и внешняя моя неудачливость способствовала (с Би-Би-Си меня выпроводили без пенсии — после тринадцати лет работы), и непрекращающаяся бедность, и каторжный труд ради копейки то тут, то там, — но в главном душевное моё помрачение было навеяно причинами сугубо личностными.

[16.09.02]

Дорогой Юра, Ваше письмо на этот раз меня очень встревожило. Литература не только удручает своей действительной или кажущейся никчёмностью, но литература лечит. Может быть, в этом и состоит ее конечный смысл. Муза исцеляет, это знали все поэты, начиная по крайней мере с Горация, — а

ведь я Вас числю его дальним потомком, — и писательство — это то жизнеспасующее средство, которым мы с Вами всё-таки располагаем. Это не риторика. Соберитесь с духом. Сердечно обнимаю Вас. Г.

[16.09.02]

Спасибо, дорогой друг. Средство мне известно. Но тут (в моем случае) нужна не поэзия, а проза, которую я писать не умею. Еще вернее помогла бы исповедь, да вот беда: в Бога я не верю (раз уж он не верит в меня). А исповедь литературная — сами знаете что. Сведение счетов да автоапологетика. Еще раз спасибо. Всегда Ваш Юра.

Следующая записка от меня к Хазанову, последняя в 2002 году, свидетельствует о какой-то размолвке между Хазановым и Шлепяновым и о каком-то путешествии Хазанова, — ничего об этом вспомнить не могу.

[23.09.02]

Дорогой Геня,

Спасибо за быстрый ответ. Всё в порядке, Шлепянов успокоился, только просит прислать то же письмо по почте, с Вашей подписью.

Счастливого пути!

Ваш Ю.

Осенью 2003 года посторонний человек (не Шлепянов) сообщил мне, что журнал *Колокол* прекращается. Удивляться этому не приходилось. Журнал не окупался. При всей своей несомненной культуре Шлепянов был в первую очередь предпринимателем.

С Би-Би-Си, как уже сказано, меня выставили ещё до прекращения *Колокола*. Последний выпуск моего третьего радиожурнала *Европа*, 87-й по счёту, вышел в эфир 18 сентября 2002 года. Это означало, что у меня не стало сколько-нибудь гарантированного заработка. Оставались случайные переводы и журналистика — ибо журналы и газеты в ту пору ещё су-

ществовали и даже платили. Продукция моя делилась на статьи сколько-нибудь серьёзные, с размышлениями (их я публиковал под моим именем) и на текущий хлам, построенный на переводах (тут в дело шли мои псевдонимы: Матвей Китов, Никифор Оксеншерна, Фёдор Чистяков, Джонатан Молдаванов, Прасковья Дункан, Роман Кантакузин, Семён Чертолясов и другие).

Платили тогдашние издания анекдотически мало. Чемпионствовала в этом смысле газета *Горизонт* в Денвере (Колорадо), выходившая два раза в месяц и меня всячески привечавшая; оттуда за любой по объёму материал я получал \$10. В других американских изданиях — в двухнедельных журналах *Вестник* и *Чайка* (Балтимор, Мэриленд), в журнале *Космополит* (Бостон, Массачусетс) и им подобным — обычный гонорар за статью составлял \$20-40, а больше одной статьи в день мне писать не удавалось.

В том же духе платили израильские еженедельные газеты, *Новости недели* и *Окна*, где я тоже был в чести (русские газеты во всём западном-восточном мире были в лучшем случае еженедельными). Парижская *Русская мысль*, где я печатался издавна, в 2003 году дышала на ладан, платила скудно (и в 2005 году перешла в руки Москвы). Газета *Лондонский курьер*, где почасовиком (£5 в час!) на редакторской и корректорской работе сидела Таня, платила лучше многих: за мои сочинения я получал по £30-£60, это считалось хорошим вознаграждением (больше платил только шлепяновский *Колокол*). Какие-то гроши можно было заработать в Эстонии, в Греции. Даже на Крите, сколько помню, была русская газета, где редактором сидел человек по имени Сократ.

Начали в ту пору платить и из России. Меня регулярно печатала питерская газета *Дело* и слегка бульварный, но с претензией на культуру тонкий журнал *На Невском*; несколько публикаций прошло в московской *Литературной газете*. Московский журнал *Интеллектуальный форум* заказывал мне переводы философических статей из лучших американских и британских изданий и платил сносно. Из *Новой газеты* я получил самый большой в моей жизни гонорар за статью: целых \$400... Но в целом труд этот, довольно-таки изматывающий, не окупался.

Понятно, как эта новая моя жизнь сказалась на моей переписке с Борисом Хазановым: за весь 2003 год не нахожу ни одного письма (разумеется, письма в этом журналистской сумятице могли быть мною утрачены, но всё же вряд ли так, ведь я ими дорожил). Допускаю, что мы обменива-

лись иногда телефонными звонками.

За весь 2004 год нахожу две коротенькие электронные записки латиницей от 4 апреля:

Dorogoi Genya,
Pokhozhe, chto nichego u nas s poiezdnoi ne polouchitsya.
Proklyataya bednost'!
Obnimayem

Yura, dorogoy, — zhalko, chto ne priyedete.

Понятно и то, что свободная журналистика оказалась для меня чёрной дырой. Денег не хватало. Наши крохотные сбережения быстро растаяли. Таня с конца 2002 года работала в отделе маркетинга Всемирной службы Би-Би-Си, сперва внештатницей, с середины 2003 года — даже в штате, в должности Audience Relationship Co-ordinator, но — всего два дня в неделю, £7,282 в год. С начала 2004 года все мои усилия были направлены на поиск работы с должностью: любой работы. В июле мне стало ясно, что через месяц наш банковский overdraft превысит разрешённый предел.

Тут счастье улыбнулось мне: меня взяли *подсобником* на фабрику пластиковых изделий за пять фунтов в час. В объявлении говорилось: must be dextrous (должен быть ловок), но меня взяли: это ли не чудо? Какая ловкость у писателя пятидесяти восьми лет отроду? Поначалу моя работа сводилась к сдергиванию (stripping) предохраняющей плёнки с акриловых пластин, и я с полным правом называл своё занятие декструальным стриптизом.

Незачем говорить, что я старался, прямо из кожи лез. Приходил первым, уходил последним. Ни минуты не стоял без дела. И моё прилежание было замечено; меня быстро повысили: поставили к шлифовальному станку, у которого я и простаивал шесть дней в неделю без оплачиваемых отпусков, по девять часов в день (час сверхурочно за чуть более высокое вознаграждение), — и продержался до июня 2007 года, причём моя часовая ставка после трёх надбавок дошла до семи с половиной фунтов, а месячный заработок много превысил бибисишный лучшей поры.

Я был на седьмом небе! Ритмическая, не требующая ума работа оставляла голову свободной; карандаш и бумага для стихов не требуются. Подобного стихотворного запоя не наблюдалось у меня с 1971 года. Гре-

чанка с крылышками посещала меня ежедневно. Моё душевное помрачение пошло на убыль. Я едва успевал фиксировать переполнявшие меня замыслы. Каждый день я вставал в три утра, до семи сочинял прозу, философическую и автобиографическую, а в семь шёл на фабрику (она находилась в двадцати минутах ходьбы). Возвращался к шести вечера полумёртвым от усталости, но довольным. Условия на фабрике были потогонные, конвейерные. Два раза мне отхватывало фрезой по куску пальца с ногтем, причём в первом случае я никому не сказал ни слова; перетянув палец туго-натуго носовым платком (и потерев лужу крови на полу), я отстоял мою смену до конца. Во втором случае люди заметили, что со мною неладно, и отвезли меня в больницу, но назавтра я опять был у станка.

В январе 2005 года переписка с Хазановым возобновляется.

Kolker19

01.01.05

Дорогой Юра, с Новым годом!

Если бы я не знал, что Вы не белоручка, работали и то, и это, были кочегаром и т. д., я удивился бы, узнав, что Вы вступили в ряды промышленного пролетариата, которому, как известно, принадлежит историческое будущее. А так — почему бы и нет. То есть, попросту говоря, слава Богу, что Вам удаётся что-то зарабатывать. Правда, приходится проводить рабочий день стоя. Я бы так уже не смог, у меня большие проблемы с венами.

Вы обмолвились такой фразой: «Я годами не понимал, зачем люди прозу пишут, когда есть стихи. А недавно — вдруг понял». Это интересное заявление, жаль только, что такое лаконичное, оно напомнило мне (немного) тот поэтический шовинизм, симптомы которого я находил у покойного Бродского. Зачем писать прозу? Попробуйте-ка ответить.

Зачем читать вам Бокля?

Не стоит этот Бокль

Хорошего бинокля.

Купите-ка бинокль!

Четверостишие Некрасова — не ответ ли?

«Когда есть стихи...» Но, может быть, как раз наоборот: затем — или потому, — что существуют стихи. То есть затем, чтобы попробовать нечто более опасное, более рискованное, больше, чем поэзия, похожее на труд чернорабочего и вместе с тем, как может показаться, бесконечно более сложное. Попробовать приблизиться к вершинам пешком, в подкованных башмаках, с альпенштоком и сумой за плечами.

Ещё одна Ваша фраза: «Ни так, ни этак никто не слышит». Я нахожусь в совершенно таком же положении, это в порядке вещей.

Конечно, я знал, что Вы пишете и публикуете на Вашей странице в интернет рассказы. Мне неизвестно, пробовали ли Вы всё-таки прежде свои силы в прозе. Осмелюсь высказать предположение, что для зрелого поэта перейти от стихов к прозе очень трудно. Ваши статьи всегда восхищали меня точностью, экономностью, прицельной концентрацией средств. Повествовательная проза всё же нечто другое. Впечатление, что рассказы пока ещё не вышли из стадии проб, попыток, поисков собственного языка и слога, если угодно — из стадии ученичества.

Вы спросили: что у меня? Я, конечно, тоже — всё ещё — занимаюсь литературой. Прекрасно понимаю, что это гробовое дело, но остановиться не могу, да и что бы я мог делать ещё? Писал периодически рецензии на некоторые интересовавшие меня, преимущественно немецкие или французские книги, публиковал их в «Знамени», но с тех пор, как несколько моих текстов один за другим были зарублены тамошним начальством, бросил это занятие. Написал также несколько полустатей, полуетюдов о Кафке, о «Бесах» Достоевского и проч. В питерской «Звезде» был затеян номер, посвящённый немецкой культуре (так это называлось), они опубликовали мою повесть под названием «Ксения», где рассказ ведётся от имени бывшего штабного офицера 6-й армии Паулюса. «Дружба народов» (которую сейчас выгнали из её помещения) напечатала несколько рассказов. В «Октябре» выходило

кое-что, в том числе заметки под титулом «Литературный музей», которым редакция почему-то дала подзаголовок «Из дневника писателя»; никаких дневников я, если не считать далёкого отрочества, никогда не писал. Печатал прозу в известном Вам, недавно основанном израильском журнале «Nota bene». Весной в Москве («Вагриус») вышел мой роман «К северу от будущего». (Название — цитата из Пауля Целана). В ньюйоркском журнале «Слово/Word» тиснули одну небольшую повесть. Некий новосибирский, ныне московский издатель вдруг и без моего ведома выпустил сборник статей или как там их считать; называется «Ветер изгнания». В марте этого года в Париже собираются выпустить мою древнюю повесть «Час короля». Что ещё?

За все эти публикации, кроме рассказов в «Nota bene» и повести в «Звезде», где немецкий номер финансировался из Германии фондом Фишера, я не получил ни копейки. Гонорары (по-видимому, ничтожные, в рублях) за то, что выходит в Москве, выплачиваются моему брату.

Дорогой мой Юра, не забывайте. Сердечно обнимаю Вас и Таню.

Ваш ГФ.

[23.01.05]

Дорогой Геня, простите, что отвечаю вечность спустя. Пролетарию живется нелегко. Он устает, особенно когда не совсем юноша.

О прозе («"зачем люди прозу пишут..." Это интересное заявление, жаль только, что такое лаконичное») — разворачиваю, хоть Вы и сами всё прекрасно понимаете. Это совсем не «шовинизм», а другой интонационный строй души, другие ритмы. Мне проза была решительно не нужна, а в молодости — и непонятна. Когда появился Булгаков, и все с ума сходили, я не смог его даже прочесть. Мне для самовыражения стихов хватало. Или не хватало, но другого способа самовыражения я вообразить не мог. Чувствовал, что если начну писать прозой, тотчас съеду на себя-любимого (как Бобышев, на-

зававший свою автобиографию романом), да и утону в подробностях и лжи. Литература ведь от агатакристиры тем отличается, что мы о себе пишем. И вот недавно я понял, почувствовал, что, во-первых, «обо всем в одних стихах не скажешь» (Ходасевич), во-вторых, что сказать хочется, а в-третьих и в главных, что сказать правду о себе можно, только соединив ее с вымыслом. Иначе я так же неисчерпаем, как атом, говоря словами классика. Да кроме того честные мемуары должны были бы называться не исповедью или автобиографией, а историей моей подлости, а это и Руссо не смог осуществить.

Спасибо за цитату из Некрасова. Совсем ее забыл.

Ай-ай-ай, что же это Вы говорите, дорогой друг? «...чтобы попробовать нечто более опасное, более рискованное, больше, чем поэзия, похожее на труд чернорабочего и вместе с тем, как может показаться, бесконечно более сложное...» Это ли не шовинизм? «Бесконечно более сложное»! Здесь даже про чернорабочего — неправда (уж поверьте мне), хоть и кажется правдой. Точнее, частичная правда. Верно, лирические стихи — не труд (хоть они и изматывают). А «Евгений Онегин» — уже труд. Разумеется, проза гораздо ближе к труду, чем поэзия (для стихов не всегда нужны даже карандаш, бумага и стол). Но не опаснее проза, чем поэзия, и не сложнее. Тут, с Вашего позволения, от уровня зависит, от таланта. Попробуйте убедительно возразить!

«Конечно, я знал, что Вы пишете и публикуете на Вашей странице в интернет рассказы...» Неужто знали? Они там недавно появились. И написаны недавно. (Можно Вас спросить, почему «в интернет», а не «в интернете»? Чем это слово хуже слова «керосин»?)

«Мне неизвестно, пробовали ли Вы всё-таки прежде свои силы в прозе...» Нет, первые шаги делаю.

«для зрелого поэта перейти от стихов к прозе очень трудно...» Ну, когда же мы трудностей-то боялись?

«Впечатление, что рассказы пока ещё не вышли из стадии проб, попыток, поисков собственного языка и слога, если угодно — из стадии ученичества...» Разумеется! Я же и гово-

рю, что я — начинающий. И я рад этому: ученичество — дивное, одушевляющее состояние. Не возьмете ли в ученики? Я буду стараться. Правда, покритикуйте, если не лень, то, что на сайте. Если не побрезгуете, пришлю еще. Потому что потребность не пропадает. И ученичества своего я не стыжусь.

Некогда Вы советовали мне издать книгу статей. Сейчас я понял, что хочу этого — и что больше откладывать нельзя. Хочу издать том к своему шестидесятилетию, через год с небольшим. Был бы рад, если бы и тут Вы согласились помочь критикой. Где издавать, тоже проблема. Меня обещают рекомендовать в НЛЮ, но дело может не выгореть. Нет ли у Вас на примете издательства, в котором автору не нужно платить? Если да, не дадите ли рекомендацию?

Я только что закончил статью о Коржавине [*Гонфалоньер справедливости*]. Не бросите ли взгляд? Публиковать я ее намерен в Штатах и в Израиле, где поток налажен, но платят очень мало, а хочу пристроить еще в Москве. Не знаете ли там местов? Впрочем, сначала прочтите. Ее, пожалуй, и вообще будет непросто напечатать. Как Вы понимаете, я не поклонник стихов Коржавина, а у него как раз 80-летие надвигается. Из Москвы я денег не жду, конечно. (Хотя Новая газета отвалила мне 400 долларов за статью о Сент-Экзюпери.)

Обнимаю. Обещаю отвечать исправно.

Ваш Юра

Kolker20

24.01.05

Как я рад, дорогой Юра, возможности поговорить с Вами, хотя бы и таким призрачным, электронным способом. Начну с того, что рад и тому, что Вы, наконец, стали думать об издании сборника статей. К несчастью, не могу назвать издателя из известных мне, который согласился бы выпустить серьёзную книгу — даже если у автора, как у Вас, есть имя — без того, чтобы не вымогнуть у него приличную сумму.

Облик российских издателей Вам известен, это жадная и беспринципная публика. При этом вы всегда оказываетесь в позе просителя — вам как будто делают одолжение. Или же надо заручиться надёжным знакомством, связями, блатом, подкрепляемым совместными возлияниями. Наше с Вами положение не располагает к этому.

Что касается статьи о Коржавине (к которой я вернусь), то её опубликовать в журнале, я думаю, легче. Самая обширная критико-библиографическая территория имеется, насколько я могу судить, в «Знамени». Правда, мне лично, как я уже Вам писал, там не светит. Но Вы — другое дело. Ещё легче, по-видимому, иметь дело с «Октябрём»: там нет этого высокомерия и преувеличенной самооценки; там этим отделом заведует милая женщина по имени Анна Вячеславовна Воздвиженская. Некоторым препятствием (это касается всех московских журналов — род коррупции) является риск задеть священную корову: бедный Эмма как раз ею и является. А как насчёт «Ариона»? Вам этот журнал, должно быть, знаком больше, чем мне.

Так что, как видите, настоящего, дельного совета я, к несчастью, дать не могу.

О Вашем письме. Да, я действительно уже знал, что Вы поместили на своём сайте прозу, ведь я регулярно заглядываю на Вашу страницу. В интернете, — ах Вы, педант! Вы приняли опечатку за умышленный винительный падеж.

Что сложнее, проза или стих. Я думаю, что пререкаться об этом нет смысла: поп своё, чёрт своё; в результате «оба сложнее». Замечу только, что я всего лишь имел в виду простую вещь — структуру прозаического текста. Ей более или менее соответствует и то, что можно назвать прозаическим сознанием: это — нечто совершенно иное (тут Вы со мной согласитесь), чем поэтическое сознание. У Эмиля Чорана я вычитал однажды такую мысль (вынужден привести свой не слишком удачный перевод): «Поэтический стиль, этот вирус прозы, расчлняет и разрушает её: поэтическая проза есть больная проза». Сказав, что зрелому поэту трудно перейти к

прозе, я имел в виду не столько новую для поэта технологию прозы, сколько именно эту противоположность сознания. И в самом деле, поэтам, даже большим, редко удавалась проза. Пример — Цветаева, у которой этот вирус безнадежно поразил её прозаические опыты: получилась из рук вон плохая проза.

Вы пишете о самовыражении. «Литература ведь от агатакристиры тем отличается, что мы о себе пишем». Нет, дорогой Юра, проза «самовыражения» — это плохая проза, это опять тот же поэтический вирус. Потому что одно из условий работы прозаика, — по моему мнению, необходимое условие, — это отчуждение от самого себя, осознание того, что собственная жизнь, жизненный опыт и опыт чувств суть лишь материал; так называемая автобиографическая проза в лучших своих достижениях представляет собой результат использования и переработки этого материала, его, если хотите, объективацию, условием которой может быть лишь опосредованное отношение к себе как к другому «я», пусть и напоминающему моё собственное «я». Вы ведь и сами пишете, что до недавнего времени не могли представить себе писание прозы как другой (после поэзии) способ самовыражения. Это была верная мысль.

«Покритикуйте, если не лень, то, что на сайте». Попробуем; только, чур, не обижаться.

Рассказ «Литературное застолье». Полуинтеллигентная компания литераторов за столом с водкой и закуской. Болтают о том, о сём. Хозяин в подпитии рассказывает, как однажды его нынешнюю подругу (она присутствует здесь же) пытался соблазнить его приятель. В конце разговора хозяйка неожиданно плачет, оттого ли, что жаль чего-то упущенного, или оттого, что её угнетает пустота и пошлость компании, среды, никчёмного существования.

Рассказ предельно объективен, характеры намечены почти исключительно с помощью диалога, более или менее правдоподобно восстановлена атмосфера конкретного места и времени. Всё это очень хорошо. Но рассказ скучный. Стара-

тельное воспроизведение обстановки, речевой манеры участников, модных словечек и т. п. ничего не прибавляет к тому, что хорошо известно, много раз было описано. Шаблонность разговоров обернулась шаблонностью прозы, между тем как искусство как раз и состоит в том, чтобы рассказать о банальном небанально. Экспозиция от автора (первый абзац) создаёт впечатление полного отсутствия дистанции. Вариант того, что в этой же среде именовалось бытовухой.

Язык Вашей прозы, даже внутри принятой конвенции (заведомая пошлость речи действующих лиц), оставляет желать лучшего.

«Были студентами, и их» (гиатус: подряд три «и»).

«Скрючившись, как мраморный мальчик, вынимающий занозу» (неточность: мальчик в известной статусе не «скрючился», неподходящее слово; да и с мрамором плохо вяжется).

«Ну, вздрогнули. Пересеклись. Кругом гегемон» и т. п. Уже сегодня эти словечки непонятны новому поколению. Вообще в тщательном воспроизведении тогдашнего говорка чувствуется перебор. Убогий реализм быстро надоедает.

«При Каторзе или Кинзе» (нужно всё-таки Кенз, даже эти недоучки знают об этом).

«Гуттенберга» (нужно одно «т»; по-видимому, контаминация с Ульрихом фон Гуттенем).

«Вишь» (из другого словесного ряда). И пр.

Ваша статья о Коржавине мне понравилась (некоторые возможные мелкие возражения не в счёт). Мне показалось, что, например, тот же «Октябрь» мог бы взять её с большой охотой. Правда, убийственная по существу оценка его поэзии (с которой я вполне согласен) может вызвать у редактора опасения. Вы ограничились поэзией, ни слова не упомянув о публицистике Коржавина, где он нагромоздил в разные годы горы глупостей. Заголовок Вашей статьи — «Гонфалоньер». Это слово редко употребляется даже по-французски. Читатели в России наверняка его не знают (я тоже не знал, справился в словаре, где кроме «знаменосца» указано и другое значе-

ние: судебный чиновник в итальянских средневековых городах). Думаю, что следует где-нибудь в тексте пояснить, что оно означает. Вообще меня немного смутили Ваши французские отсылки. О том, что génie может значить «джинн» (Вы путаете с джинном напиток джин с одним «н»), слышу впервые; подозреваю, что это Ваше изобретение.

Обнимаю, жму руку.

Ваш всегда ГФ.

[24.01.05]

Дорогой Геня, спасибо за критику и советы. Откликается ли «Октябрь» на электронные письма? Если да, не дадите ли адрес Воздвиженской? Согласен, что поэтический вирус в прозе губителен. Отчетливо понимаю Чорана и Вашу мысль. Насчет прозы Цветаевой мы тоже по одну сторону баррикады. Тут спора нет. Что до «прозы самовыражения», то Вы, я думаю, меня не поняли. Я ведь и имел в виду то, что Вы пишете: «собственная жизнь, жизненный опыт и опыт чувств суть лишь материал». Толстой пишет о себе, хотя из героев похож не него отдаленно только Левин. Слова «Эмма — это я» произнес прозаик-мужчина.

«только, чур, не обижаться...»

Какие обиды? Вы меня знаете. Только благодарность. Тем более, что Вы правы. На «скучно» не возразишь. Воображение у меня, действительно, небогатое. И язык плох, но это — мой язык, увы. Собираюсь продолжать мое безнадежное дело, потому что сюжеты сидят на загривке. Если позволите, буду слать новые блины Вам на разнос. Кинз у меня — намеренный, они же недоучки, а недоучки всё-таки не знают, как правильно. Насчет Гутенберга Вы меня второй раз поправляете; первый был как раз около двадцати лет назад. Не дается мне эта наука!

«Ваша статья о Коржавине мне понравилась (некоторые возможные мелкие возражения не в счёт)...»

Жаль, что не возразили. Статья еще в работе, не поздно

поправить. Слатъ ли еще статьи? Публицистику Коржавина, виноват, прочесть не сумел. Тут с первых строк обалдеваешь. Уши вянут. «Гонфалоньер» — слово, насколько я понимаю, не французское, а флорентийское. Так назывался глава (марионеточный) флорентийской республики — «гонфалоньер справедливости». Неужто не читали «Историю Флоренции» Макьявелли? У меня она настольная книга вот уже тридцать лет. Я думал, все прочли.

«О том, что génie может значить "джинн" (Вы путаете с джинном напиток джин с одним "н"), слышу впервые; подозреваю, что это Ваше изобретение.»

Словарь дает (с французского на английский):

djinn → (génie) nm → genie

A thesaurus добавляет: jin•ni or jin•nee also djin•ni or djin•ny

n. pl. jinn, also djinn In Muslim legend, a spirit often capable of assuming human or animal form and exercising supernatural influence over people.

«подозреваю, что это Ваше изобретение...»

А мне сдается, Пушкина и компании, переводивших с французского. «Гений» в значении «дух» у них сплошь и рядом («Конечно, беден гений мой»; это ведь не о таланте, а о духе). Возразите поскорее, если не согласны.

Обнимаю.

Ваш Юра

Kolker21

25.01.05

Дорогой Юра, отвечаю, как Вы просили, без промедления. Адрес «Октября» (зав. отделом критики и публицистики А. В. Воздвиженская): anna@hawara.com.

О том, что джинн (с двумя «н»!) — слово восточного происхождения и означает дух, сверхъестественное существо, сидит в закупоренном глиняном сосуде и т. д., — я знаю по крайней мере со времён незабвенного старика Хоттабыча.

Но от арабского джинна до пушкинского гения — семантическая дистанция огромного размера.

Кстати, Вы предлагаете (в конце статьи) взглянуться в этимологию слова «гений». Вам, конечно, известно, что оно отнюдь не ориентальное. Слово латинское, от глагола *gigno*, «рождаю»; *genius*, по первоначальному значению, — это дух отдельного человека, семьи, местности.

О том, кто такие гонфалоньеры, я вовсе не знал, ибо «Историю Флоренции», увы, никогда не читал. Теперь буду знать. Проверил значение по французскому словарю (*gonfalonier*, вариант *gonfanonier*, заимств. из итальянского). А вот какое значение даёт собственно итальянский словарь: *gonfaloniere*, ист. гонфалоньер. Отсюда следует, что слово вошло в русский язык.

Думаю всё же, нелишне было бы пояснить в тексте или в сноске, что оно означает.

Конечно, Юра, присылайте мне Ваши рассказы и новые стихи, Вы ведь и раньше посылали.

Насчёт статьи о Манделе-Коржавине. Мне несколько мешает, что я давно с ним знаком. Он внук падика и сам немало был похож на падика. Он был чуточку юродивым и обладал необычайным шармом. На протяжении десятилетий он неуклонно глупел. Знаю я и о том, что в своё время он был очень известен и любим. Когда я поступил в аспирантуру и приехал из деревни — дело происходило в 1963 году, — был вечер врачей в ресторане «Арагви», и вот в разгар веселья встала одна молодая женщина и стала декламировать стихи Коржавина.

Мне кажется, что, коль скоро речь идёт о поэте гражданском, фельетонном (Ваше определение, — и, кстати, прелестно Ваше замечание о частушечном характере его стихов), то обойти молчанием его обширную газетно-журнальную публицистику, а также недавно опубликованные мемуары невозможно. О них следовало бы, по крайней мере, упомянуть; всё это тесно связано с его поэзией; статья посвящена стихам.

«...он — среди тех, кто открыл нам глаза на природу со-

ветского режима. Он включил нам свет». Я бы так не сказал, но я старше Вас. Всё же стоило бы как-то релятивировать это заявление.

Ваше рассуждение о «футуристах от политики». К концу 30-х годов, когда Коржавин вступил на поэтическую стезю, от этих футуристов ничего не осталось. Вы пишете о страхе большевиков перед поэтами и «людьми с исторической памятью». Ничего подобного.

(Ниже Вы говорите о том, что в 1943 году произошла внезапная смена идеологии — поворот от интернационализма к русскому национализму и шовинизму; это тоже неточность. Поворот начался в середине 30-х гг., его сигналом были «Замечания товарищей Сталина, Жданова [и других членов Политбюро] об учебнике истории», низвержение Покровского и новое переписывание истории. Понадобилась другая, более традиционная легитимация режима. При этом, однако, сохранялась марксистская терминология; был сострянпан некий гибрид, примером которого, между прочим, стал эпохальный фильм Эйзенштейна «Александр Невский», замечательный образец славянского фашизма в киноискусстве. Важный мотив фильма, если помните, — измена, тайные «враги народа» в духе 1937-38 г.; фильм снимался летом 38 года. Кто же эти враги? Богатые купцы. Сочетание патриотической идеи с классовым сознанием. Но окончательный отказ от марксистско-ленинско-пролетарской риторики произошёл — на время — вскоре после начала войны, тут Вы правы. Я хорошо помню: казалось, эта идеология окончательно выброшена на помойку, невозможно было представить себе, что когда-нибудь всё это в какой-либо форме возродится).

Я отвлёкся. Извините за длинноты. Разумеется, это была специфическая «историческая память», восстановленная с умыслом, льстившая плебсу, извращённая и стилизованная на нужный лад, — но отнюдь не истреблённая. И поэтов власть боялась не более, чем персонал зоопарка боится сидящих в клетках хищников. Огромными тиражами издавались и переиздавались классики русской литературы. Столетие смерти

Пушкина было отмечено с неслыханной помпой. Портреты и стихи Пушкина были отпечатаны на обложках школьных тетрадей. В разных вариантах, от академического до массового, вышло полное собрание сочинений. И так далее.

От авангарда 20-х не осталось и следа. Социалистический реализм возродил ультраконсервативную, обветшалую поэтику и эстетику конца XIX века, которую надлежало сервировать партийностью и народностью, как их понимали руководящие идеологические инстанции. Режим, который на Западе по привычке считали левым, был на самом деле ультраправым.

Прозрение юного Коржавина началось, пишете Вы, со школьной литературы. И далее — о Василии Лебедеве-Кумаче. Его, действительно, знали все. На первой сессии только что учреждённого Верховного Совета поэт-депутат выступил с речью в стихах. Тем не менее в школьном курсе литературы он никогда не фигурировал.

В общем, это долгая песня. Я надеюсь, что Вы не заподозрите меня к симпатиям к советской власти. Ваше описание сути и привычек этой власти редактор, боюсь, признает слишком хорошо известным. Но это его дело. Я возражаю лишь против схематизма, который неизбежно приводит к неточностям.

Обнимаю Вас.

Ваш всегда Г.

PS. Сообщите всё-таки, по какому адресу из двух имеющихся у меня Вам лучше посылать письма.

[1.01.06]

Дорогой Юра, повторяю моё сообщение, так как получил от сервера странное уведомление, будто адресат не принимает ответных сообщений. Спасибо за восточку, за тёплое поздравление [моя поздравительная записка утрачена]. С Новым годом и Вас, Юра и Таня! Как всегда, периодически заглядываю в Ваш сайт, но, кажется, новостей после «Гонфалоньера» не было. Или я ошибаюсь? Отпишите, дорогой Юра,

как Вы и что Вы. Печтаетесь ли. Трудитесь ли всё так же у станка.

Крепко жму руку, обнимаю. Ваш всегда ГФ.

[1.01.06]

Дорогой Геня, я получил Ваше письмо, но не по основному адресу, а вот по этому, с которого пишу. Что происходит с основным, неясно. Если у вас сохранился номер ошибки в уведомлении, пожалуйста, пришлите его мне. Это поможет.

«...заглядываю в Ваш сайт, но, кажется, новостей после "Гонфалоньера" не было...»

Сайт заброшен именно потому, что пишу очень много.

«...как Вы и что Вы. Печтаетесь ли. Трудитесь ли всё так же у станка...»

Всё у меня по-прежнему. Встаю ежедневно в три утра, на свежую голову иногда сочиняю, а иной раз — и просто слушаю тишину, на фабрику иду к половине восьмого. Стихов написал много и статей. Стихами доволен, прорезались новые звуки. В будущем году мне 60 лет, и некоторые журналы дают к этому времени [мои] большие подборки. Статьями — доволен не вполне. Пишу сейчас нахрапом, на скорую руку, без былого перфекционизма. Я вдруг понял, что нужно хоть как попало, а выговорить накопившееся, освободиться. Вот и пишу кое-как. В двух местах эти скороспелые тексты сразу идут в печать: в Израиле и в Питере, причем в Питере платят последнее время даже сносно, за год я заработал около двух тысяч долларов. В Израиле (откуда только что вернулся) за те же тексты получил около шестисот. В сущности, год у меня выдался фантастический. Одно плохо: Таня сломала ногу, раздробила пятку, которую ей собирали два часа с железными скрепами. Три месяца провела она в гипсе — и все еще не может ходить без костылей. Сейчас с нами дочка Лиза: приехала рожать второго ребенка, мальчика. Первый, дочка четырех лет, с нею. Вот и вся наша жизнь. Теперь Ваша очередь. Что у Вас?

Обнимаю.

Ваш Юра

Kolk24
02.01.06

Дорогой Юра, когда-то со мной произошёл такой случай. Я приехал, окончив медицинский институт, по распределению в деревню, немного спустя меня вызвали в районный центр (Вышний Волочёк) в военкомат, там надо было заполнить анкету. Ещё немного погодя меня снова вызвали. Начальник военкомата, мужик средних лет, майор, сказал: вот тут пришло дело из Вашего института. Там у Вас значится то-то (он не сказал: бывший заключённый), а здесь (моя анкета) другое. Пишите уж что-нибудь одно. С тех пор я свою биографию, разумеется, залатанную, носил в записной книжке, чтобы не сбиться.

Это я к тому, что я снова, как несколько лет тому назад, запутался в Ваших электронных адресах. Сейчас пользуюсь адресом [yuri.kolker@ntlworld.com], не получу ли снова от ворот поворот? Просветите.

Вы пишете о травме, которую получила Таня. Очень сочувствую. У меня тоже большое несчастье: Лора серьёзно больна. Только что прошла курс изнурительного лучевого лечения.

Зато очень рад Вашим поэтическим (и, очевидно, прозаическим) успехам. Сообщите мне, пожалуйста, в каких именно журналах появятся юбилейные подборки стихов. И о сайте всё-таки не забывайте. То, что Вы отказываетесь, по Вашим словам, от прежнего перфекционизма в статьях (я, кстати, это успел заметить), показалось мне странным. Не мне Вам говорить, что стремление к ясному, точному и благородному стилю — не самоцель, но как раз и служит тому, о чём Вы пишете, — желанию выговорить накопившееся и наболевшее.

Я веду довольно монотонную жизнь, по-прежнему — что же ещё остаётся — пытаюсь сочинять что-нибудь. Год, собственно, в этом смысле был неплохой, вышли разные книжки, в том числе одна во Франции, где даже имела успех; было кое-что и в журналах, российских и за бугром. В других отно-

шениях этот год был ужасен. Вдобавок я ничего не могу зарабатывать своей литературой.

Какие из Ваших статей или этюдов не попали в сайт? Как Вы провели время в Израиле, что происходит с *Nota Bene*? [*Nota Bene* иерусалимский журнал, где мы оба, Хазанов и я, печатались; возник журнал в 2004 году, прекратился в 2006] Не забывайте, пишите. Сердечный привет и пожелание Тане встать на ноги окончательно.

Жму руку, Ваш всегда ГФ.

[4.01.06]

Дорогой Геня, я получил Ваше письмо. Отвечу обязательно. Просто я очень устаю и не совсем здоров.

Вот этот адрес не подводит, кажется:

yuri_kolker@mail.ru»

С него я сейчас и пишу.

Понятно, сообщение о Лоре меня потрясло.

Обнимаю.

Ваш Юра

[8.01.06]

Дорогой Геня,
простите Бога ради, что не отвечаю на Ваши письма немедленно. У меня жизнь буквально по минутам расписана, я ведь по девять часов ежедневно у станка стою, так что поневоле вынужден ценить время. Встаю в три утра. Ложусь в восемь.

«...я снова, как несколько лет тому назад, запутался в Ваших электронных адресах...»

Виноват, они у меня, действительно, такие эфемериды. Основной

yuri.kolker@ntlworld.com

стал почему-то ненадежен. Пишу с запасного:

yuri_kolker@mail.ru

Кажется, он в порядке. Сделайте милость, посылайте на оба.

Какое место Лоре облучают? Это ведь не всегда с одним и тем же исходом бывает. Хотя всегда — ужасно. И ведь найдут же когда-нибудь средство, вот что особенно обидно для заболевших. Давно ли от туберкулеза не лечили!

«Зато очень рад Вашим поэтическим (и, очевидно, прозаическим) успехам...»

Дорогой друг, Вы не вполне корректны! Где же успехи? Я сказал только, что пишу много. Для сочинителя это очень большое дело, верно, но успехом другое называется.

«Сообщите мне, пожалуйста, в каких именно журналах появятся юбилейные подборки стихов.»

В каких появятся, бог знает, а обещаны в *Новом мире*, *Звезде* и *Крещатике*. Отклонены в 22, в связи с чем я прекратил общаться с [Александром] Воронелем. В сущности, этот набоб своего места не понимает. Собираюсь еще в Иерусалимский журнал послать. В Америке стало негде печататься. Я, во всяком случае, знаю только калифорнийскую *Панораму* и печатаюсь там, но стихи туда не берут. Да и зачем стихи в газете?

«То, что Вы отказываетесь, по Вашим словам, от прежнего перфекционизма в статьях (я, кстати, это успел заметить), показалось мне странным. Не мне Вам говорить, что стремление к ясному, точному и благородному стилю не самоцель, но как раз и служит тому, о чём Вы пишете, желанию выговорить накопившееся и наболевшее.»

Благородному? Вот к этому я потерял всякий интерес, виноват. Пишу наотмашь. Иначе не слышат. Я больше не верю в точность и полноту, в последовательность и плавность — и рад этому; литература — не наука. Если писать, как я писал, у меня будет по две-три статьи в год, а кто поручится, что текущий год — не последний? Все под Богом ходим. Я задохнусь, откладывать больше некогда, некоторые слова сидят на загравке десятилетиями. Хорошо тем, кто УЖЕ сказал много — как Вы. У них больше времени, чем у меня. Они могут позволить себе перфекционизм. Они пишут для потомков, а я

еще ни одного потомка не видел — и пришел к мысли, что это суеверие. Тех, кто пишет хорошо, не слышат — и, конечно, им не платят, а я хочу получать за написанное. Один питерский глянцево́й журнал [*На Невском*] берет у меня всё и платит почти прилично. Я за год заработал там две тысячи долларов. Ту же фигню берут в Тель-Авиве; платят неприлично, но регулярно и прямо на счет. В общем, хорошо это или плохо, а я переменился, и мне — хорошо. Никогда с 1971 года не чувствовал я себя свободнее. Не исключаю даже, что я переметнулся к врагу, но мне — всё равно. If you can't beat them join them.

«Год, собственно, в этом смысле был неплохой, вышли разные книжки, в том числе одна во Франции, где даже имела успех; было кое-что и в журналах, российских и за бугром.»

Поздравляю. Вы сами видите, что называется успехом. Не плодovitость как таковая.

«Какие из Ваших статей или этюдов не попали в сайт?»

Многие. Исторические спекуляции, не только статьи о поэтах. В одной я доказываю, что русские — не славяне (и повторяю неновую истину, что самое это слово — славяне — недавнее, ему ровно 350 лет в обед, и его нет ни в одном из славянских языков). Там же я утверждаю, что русские на протяжении всей своей истории пытались стать евреями, да кишка тонка. В другой статье, повторяя очень старые истины, в том числе — повторяя Вас, я пишу что современные русские — вырожденцы по отношению к русским позапрошлого века, что на Толстого и Достоевского у них столько же прав, сколько у современных греков — на Парфенон, у современных египтян — на пирамиды; и что лучше всего для России было проиграть войну нацистам, а победу получить из рук англосаксов. Не было бы сегодняшнего помрачения, сегодняшнего тупого самодовольства. Они ведь все поголовно с ума сошли: думают, что они лучше всех. Смешно и стыдно. Наоборот, побитые приходят в чувства, понимают свое место среди народов. Россия — маленькая страна по любой мерке, кроме территориальной. Русских в России меньше, чем японцев в

Японии. А культурный вклад? Только русский роман девятнадцатого века. Только слова погром и водка, ставшие международными. Даже самовар — и тот китайцы изобрели. За эту статейку я стал таким маленьким Салманом Рушди. Она в *Новой газете* появилась. Взрыв негодования был всенародный. Националисты собираются меня убить. Тем самым и цена моей жизни выяснена. Я стою четыреста долларов. Столько мне заплатили за то, что я русского Христа продал. Еще были статьи о Хлебникове, Евтушенке, Самойлове, Довиде Кнута, переделки старых статей о Вейдле и Эзрохи, статья о том, как Красная армия Вену взяла (*The rape of Mitteleuropa*), статья о том, что мы, сапиенсы, в новый биологический вид перерождаемся (о точке омега-два), статья о том, что пора, наконец, решить грузинский вопрос — ведь что ни говори, а грузины убили больше русских, чем немцы (если, конечно, вычесть тех, кого убил немец Николай Второй). И еще что-то. Всего не помню. Как видите, всё валю в одну кучу. Пишу, что хочу. Хочу свести счеты с Россией и, хм, с людьми как с биологическим видом. Не могу молчать. Тут уж не до перфекционизма, согласитесь.

«Как Вы провели время в Израиле, что происходит с *Nota Bene*?»

В Израиле у меня были, в основном, денежные дела, не вполне разрешившиеся. У нас, спасибо фабрике, появились сбережения, чего не было десять лет кряду; всё время в минус жили. Появилась надежда рассчитаться за израильскую *studio flat*, за которую мы до сих пор платим (арендная плата не покрывает выплаты по ипотеке). Нужен был, среди прочего, интернетный доступ к тамошнему счету. Всё вышло не совсем ладно, но обещает наладиться. Что до *Nota Bene*, то я с ними раздружился, хоть и не разругался. Они отклонили мою статейку о русской истории, и я не пожелал писать им — тем более, что в России платят больше.

Если не обломится, к моему шестидесятилетию, то есть уже скоро, через недели, выйдут в Питере две книжки: избранные стихи и статьи, не самые избранные, собранные кое-

как. Планировалась и третья, но с нею не вышло. Стихи должны появиться под название СОСРЕДОТОЧИМСЯ НА НЕСОМНЕННОМ, а статьи — под названием УСАМА ВЕЛИМИРОВИЧ И ДРУГИЕ ФЕЛЬЕТОНЫ. Сами видите, что меня прежнего можно отпевать.

Жму руку.

Бывший Юра Колкер

Kolk25

14.01.06

Дорогой Юра, у меня нарушилась связь с интернетом, сейчас восстановилась.

Стихи в Америке всегда охотно и в большом количестве помещал «Новый журнал» (сейчас там новая редакторша). Правда, что касается гонорара... Я там кое-что печатал, но денег от них никогда не видел.

Ваше письмо, должен Вам сказать, произвело на меня большое впечатление. Впечатление какого-то лихого отчаяния. И эта подпись: «бывший». Никакие увещевания тут, по видимому, не годятся. Вы и сами знаете, что я мог бы об этом сказать, вернее — как меня подмывало грохнуть кулаком по столу. Всё же я подозреваю, что есть и какие-то внутренние причины Вашего обращения в народные писатели, кроме тех, о которых Вы пишете. Может быть, дух времени? (Притом что Вы всегда против него восставали). Существует общее отвращение к правильному языку и хорошему стилю. Не только в России, но в России особенно. Что-то отдалённо напоминающее это восстание против дисциплины, сжатости, благородной сдержанности, энергии, благозвучия — короче, против аристократизма литературы, — происходило, кажется, после смерти Пушкина и Лермонтова («Герой нашего времени»), когда должно было пройти полвека, прежде чем появился их полноправный наследник Чехов, третий гений русской прозы. И теперь мы с Вами — так мне казалось — выступали чуть ли не в качестве последних могикиан. Не коснулось ли и

Вас одним боком это поветрие (которое, кстати, обнаружило исключительную устойчивость). А может быть, Вы просто решили эпатировать буржуа?

Насчёт того, что слово «славяне» появилось недавно и его нет в других славянских языках, — загляните в Фасмера, там об этом слове (и его древнерусском эквиваленте словѣнѣ) большая статья.

Нет, Вы решительно испортили мне настроение.

Всё ещё Ваш Г.

[14.01.06]

«Нет, Вы решительно испортили мне настроение.»

Виноват, дорогой Геня. Не хотел. Я гад.

Насчет славян. Я заглянул в Фасмера, а мне говорят:

0 records.

Странно! Может, сбой в системе. Попробую позже.

В моей-то статье как раз о том, что славяне есть искажение, притом намеренное, формы словени. Не было А, было О. И так — по сей день у всех у других славянских народов, начиная с украинцев. Ни у одного нету А.

Жму руку.

[14.01.06]

Дорогой Геня, перечитываю Ваше последнее (от 14 января) письмо. Может, возражу на что-то или с чем-то соглашусь.

В промежутке у нас тут прибавление случилось: Лиза родила внука, Арфана-Рафаэля. Мы выпили за то, чтобы он стал честным последователем и преемником председателя земного шара, благородного Усамы.

«Всё же я подозреваю, что есть и какие-то внутренние причины Вашего обращения в народные писатели, кроме тех, о которых Вы пишете. Может быть, дух времени? (Притом что Вы всегда против него восставали).»

Дух времени — точно, тут. Куда от него денешься? Вну-

тренние причины — тоже. Разве без них бывает? Может, у меня — запоздалый mid-age crisis. Он ведь, кажется, — такое состояние, когда видишь, что жизнь прожита неправильно. Что до народности, то я не подлаживаюсь, я к себе вернулся. Всю жизнь я подавлял в себе свой природным эгоизм (неимоверный, конечно), а сейчас больше не могу и не хочу. Буду все остальные дни себя любить. Я теперь сам законоговори-тель. Никаких авторитетов над собою не чувствую (исключая Вас, разумеется). Не боюсь ошибаться и сказать чепуху. Боюсь — не успеть выговорить мою чепуху. В этом ведь и состоит главное наслаждение: отчего ж мне отказывать себе в нем? Я пролетарий — и могу себя побаловать.

«Существует общее отвращение к правильному языку и хорошему стилю.»

Не вижу, чтобы мой язык стал менее правильным. Он стал только отрывистым. Что до стиля, то — «вещи сами по себе не бывают ни хорошими, ни плохими, а только в нашей оценке» (Гамлет).

[Письмо осталось незаконченным и не было отправлено.]

[22.03.06]

Дорогой Юра, сердечно поздравляю Вас с юбилеем.

Спасибо за прекрасные стихи в «Крещатике»!

Привет Тане.

Ваш ГФ

[23.03.06]

Дорогой Геня, спасибо за поздравление и поощрение. Не судите меня строго за мое молчание. Жизнь — не пикник, как говорят в Израиле. Я по девять часов в день стою у станка, и каждый день кажется мне последним, на фабрике и в этом мире. Большую часть времени я не человек, и всё человеческое мне чуждо.

Обнимаю

[27.03.07]

Дорогой Юра! Я случайно узнал (от Ларисы Щиголь [редактор журнала *Зарубежные записки*, выходившего в Дортмунде (Германия) с 2005 года; мы оба, Хазанов и я, в этом журнале печатались], что Вы почему-то думаете, будто я на Вас за что-то обижен и потому, дескать, не пишу Вам. Это какая-то чепуха. Наша старая дружба, хоть и по необходимости заочная, — я надеюсь, не ржавеет. Я по-прежнему регулярно читаю Вашу страницу в интернете, стараюсь следить за публикациями. Одним словом, недоразумение. Я знаю, что у Вас мало времени. При случае всё же напишите, по-прежнему ли Вы состоите в рядах самого передового класса, есть ли возможность заниматься поэзией, что публикуете. И вообще, как Вам живётся.

Привет Тане. Сердечно обнимаю Вас. Ваш ГФ.

[27.03.07]

Дорогой Геня, спасибо за письмо. Я очень рад, что мне почудилось, и никакая кошка между нами не пробегала. Винил я, как Вы понимаете, себя, но теперь это неважно.

Да, я по-прежнему пролетарий; скоро уже три года. С прошлого сентября фабрика перестала быть для меня Эдемом: вместе с выходцами из Восточной Европы появились и производственные отношения, которых поначалу совсем не было. Но всё равно: она — единственный выход, а по временам — и неплохой. Ритмический труд способствует стихоплетству: сочиняю (пока; не сглазить бы) порядочно, прямо у станка, благо карандаш и бумага для этого не нужны; сочиняю не так, как прежде, и по временам доволен результатами. Статей тоже написал много. На сайте постоянно дополняю только СТАРО-НОВЫЙ ДИВАН, предполагаемую следующую книжку стихов, а статьи помещать перестал; всё руки не доходят. Иногда — жалею на судьбу: почему я такой неудачник? Иногда — чувствую себя баловнем судьбы. Случа-

ются минуты покоя, каких не бывало с юности.

Теперь — Ваша очередь, Геня. Что у Вас? Что пишете и публикуете?

Как Лора? Привет ей. Обнимаю. Ваш Юра

Kolker22

28.03.07

Дорогой Юра,

назвать Вас баловнем судьбы я бы не решился. Но и к неудачникам отнести Вас тоже нельзя. Или, по крайней мере, не больше, чем всех нас. Неудача, фиаско, не правда ли, входят в определение литературы.

Что Вам сказать о моей жизни? Летом позапрошлого года Лора тяжело заболела. Была оперирована, прошла курс облучения и химиотерапии, после непродолжительной ремиссии снова начато медикаментозное облучение. Сейчас её состояние более или менее стабильно, но будущее представляется не в лучшем свете.

Мне в начале следующего года стукнет 80. Долгое время я не мог привыкнуть к тому, что я глубокий старик. Веду я в общем прежний, обычный образ жизни, большую часть времени сижу дома, торчу, как в данный момент, всё свободное время перед компьютером. Иногда бываю в концертах, слушаю музыку дома. Кое-что читаю, больше перелистываю.

За эти последние годы я написал сколько-то повестей и рассказов, кое-какие статьи и выпустил несколько книг. В Париже вышла в виде книжки моя старая, московских времён, повесть «Час короля» в хорошем французском переводе. Как ни странно, имела некоторый успех. В Москве — четыре книги: сборник прозы «Пока с безмолвной девой» (цитата из Горация), ещё один сборник «Город и сны», небольшой роман «К северу от будущего» (тоже цитата — из Пауля Целана) и — Вы удивитесь — антологический сборник под титулом «Абсолютное стихотворение. Маленькая антология европейской поэзии». Содержит около 50 стихотворений, русских и нерус-

ских, с краткой характеристикой поэтов. Иностранные стихи приведены в подлиннике и с прозаическим переводом, который сделал Ваш слуга. Вся эта авантюра тянулась много лет, но, наконец, напечатали. Наконец, в Киеве выпущены были в одном томе роман и несколько повестей — с кудрявым названием «Следствие по делу о причине».

Сейчас я закончил другой роман — думаю, последний, — называется «Вчерашняя вечность». Может быть, лучше было бы назвать «Прошлогодний снег». Добавлю, что всякий раз, ставя точку, я испытываю тяжёлое чувство неудачи. См. об этом в начале письма.

Мои многолетние отношения с немецким издательством DVA прекратились — издательство продано, там теперь другие люди, да и времена изменились. Последний переведённый роман так и остался ненапечатанным.

Вот Вам, дорогой Юра, отчёт о моей деятельности. Пришлите мне что-нибудь, как встарь. Жаль, что Вы не помещаете больше свои статьи в интернете.

От нас обоих Вам и Тане сердечный привет.

Всегда Ваш ГФ.

[9.04.07]

Die Kunst bei Licht des Gewissens

С моей стороны — величайшее свинство, дорогой Геня, что я отвечаю Вам спустя три недели, да что поделаешь: настоящая переписка, какую она бывала в прежние времена, мне теперь не по средствам. Не обижайтесь.

Пожалуй, я и впрямь — не совсем баловень судьбы. В молодости, строя планы эмиграции, держал я в голове мечту о том, что вот к этому примерно возрасту сделаюсь рантье, буду путешествовать и размышлять, ни в чем и никому отчета не давать, себе лишь одному служить и угождать. А вышло иначе. Но вряд ли потому, что «неудача входит в определение литературы», скорее по моей вине (таланту не хватило, характер скверный, не умею владеть собою). Среди литераторов

были фантастические удачники: Вольтер, Гёте, Солженицын, даже Бродский. К последнему делаю оговорку. Я старше его. Я баловень судьбы уже потому, что перевалил за шестьдесят, и — в сносном состоянии, с желанием жить, с литературными планами. Это само по себе — удача, если не чудо. Перед моим мысленным взором — список одноклассников и одноклассников, которых давно нет в живых. А люди поколения Мандельштама? А те, кто из Гулага не вернулся? Были и такие, кто умер в отказе. Нет, я удачник. Даже моя фабрика, хм, удача. От природы я необычайно ленив. Будь у меня гарантированный доход вроде пенсии, за эти три без малого фабричных года я ничего бы не написал. Фабрика удесятирила мою плодовитость — и она изменила меня; сейчас я пишу иначе; от одного этого мне весело; застой вызывает унынье. А вот и главное: простой ритмичный физический труд, не требующий умственных усилий; умеренная усталость, следующая за этим трудом; вообще хорошо ритмизованная дисциплинирующая жизнь с гарантией от голода и без страха потерять свое место (то есть с некоторым, пусть крохотным, будущим!), — всё это дарит минуты дивного покоя и полного счастья, каких я с молодости не знал. Повторю за поэтом Владимиром Лифшицем, сказавшим в первые недели войны: «Такой неслыханной свободы я с детских лет не обретал...» Не для наслаждения ли, в конечном счете, живем? Если так, то я мало с кем поменяюсь местами. Внизу — стишок, объясняющий всё это в рифму. Я плохо себя чувствую, когда стихи не являются, а тут они толпятся и плечами работают, говорят один другому: вас тут не стояло. Сочиняю больше, чем в молодости, и лучше. Для стихов-то карандаш и бумага не нужны; это не работа. Вот я и говорю себе: лишь бы всё это продлилось. А какое наслаждение вставать каждый день в три утра, когда всё кругом спит! Конечно, и то правда, что сейчас фабрика перестала быть для меня прямым раем, каким была первые два года. Появилась восточноевропейская молодежь, а с нею — и производственные отношения. И всё равно другой работы не хочу, во всяком случае, пока. Хорошо помню, как в бытность

мою свободным журналистом я днями ходил из угла в угол, изводясь мыслью, как заработать копейку. Нет, лучше я свою мускульную энергию продам, а нервы поберегу.

Самое горькое в Вашем письме — то, что я узнал о Лоре. Сказать тут нечего, сами понимаете. То есть сказать можно только подразумеваемое.

«Мне в начале следующего года стукнет 80. Долгое время я не мог привыкнуть к тому, что я глубокий старик...»

У Цицерона есть пространное рассуждение о том, почему старик счастливее юноши. Вы это лучше меня знаете. Небось, в подлиннике прочли. Вообще же я чувствую примерно то же: не могу понять своего возраста. Откуда он взялся? Я точно помню, что вчера мне было двадцать пять. Убавилось волос и зубов, верно; росту тоже убавилось сантиметра на два-три; прибавились живот и подагра, а в остальном — всё по-старому. Такой же щелкопер. Народное благо забавою зову.

«За эти последние годы я написал сколько-то повестей и рассказов, кое-какие статьи и выпустил несколько книг...»

Знаем, заглядывали. Про успех тоже слышали. Я тут Ларисе [Щиголь] предложил Вас на нобеля выдвинуть, потому что больше некого. Но оказалось, что нужен человек не нашего с нею масштаба.

«Вы удивитесь — антологический сборник под титулом "Абсолютное стихотворение. Маленькая антология европейской поэзии"...»

Нет, не удивлюсь. У Вас эта идея — во всяком случае, с 1980-х. Как-то я гостил у Вас в Мюнхене, и Вы предложили мне прочесть абсолютное стихотворение. Я не знал на память *Рифму* Боратынского (по-моему, лучшее стихотворение в русской поэзии — в том смысле, что лучшего нет, а равные найдутся); точнее, я не решился читать на память. Это у меня всегда так. Знаю Боратынского (и Ходасевича) целиком, но пассивно. Если при мне соврут, я поправлю, а сам своей памяти не верю — и сбиваюсь. Прочел я, помнится, Фета «Шум и гам. Хохочут девы», чем Вас очень удивил. Я и сейчас ду-

маю, что это стихотворение — абсолютное: ни отнять, ни прибавить. Концовка интонационно дивная: «Но земля его не видит, Небеса его не слышат...» А Вы, кажется, прочли или упомянули «Выхожу один я на дорогу» — к моей досаде. Я и вообще Лермонтова не люблю (он — первый поэт резолюции; преемником Пушкина его Николай I провозгласил, и все до сих пор живут по царскому указу), а в этом стихотворении меня всегда раздражало, что оно, от строфы к строфе, съезжает в канаву. Изумительна первая строфа, а дальше что? Как мелькает мысль! И эти чудовищные сплавы: «жизнесилы», «тихогрудь». Прямо немец какой-то. Но важнее другое. Что меня тогда удивило (и сейчас удивляет), так это — постановка вопроса. Что такое абсолютное стихотворение? По-русски, кажется, так и сказать-то нельзя. Во всяком случае, никогда не говорили. Безупречное? Если так, то безупречное — не всегда лучшее, уж это точно. Лучшие стихи всегда с изъянами. Почти всегда. У Пушкина и Боратынского есть без изъянов, а Мандельштам — весь из них состоит, и чем лучше стихи, тем заметнее изъяны. Они, если угодно, даже особую прелесть стихам сообщают. Другого понимания «абсолютного стихотворения» не вижу. При другом подходе мерилom становится вкус (и произвол) составителя. Стихи — на любовь рассчитаны, а любим мы (иногда) чорт знает что и от своей любви под пыткой не откажемся. Объективность тут невозможна.

«Иностранные стихи приведены в подлиннике и с прозаическим переводом, который сделал Ваш слуга...»

Опять я не согласен — и моего слугу покорнейше осуждаю.

«Я вас любил. Быть может, в моей душе любовь еще не совсем угасла, но пусть она больше не тревожит вас; я не хочу ничем вас печалить. Я любил вас безмолвно, безнадежно, то робостью томим, то ревностью. Я так искренне, так нежно вас любил, как дай вам Бог быть любимой другим...»

Не смешно ли? Франция сто лет усмехалась при имени Пушкина; его там с Эженом Манюэлем сравнивали — потому

что весь он был переложен прозой, а у него не то что своих мыслей, но и сюжетов своих — ни одного: все заимствованные. Это ведь на поверхности лежит: стихи — непереводимы. Их смысл всегда банален, чудом их делает соединение смысла с ритмом и звуком. Если в стихах есть мысль действительно оригинальная, заслуживающая этого имени, они заведомо плохи. Стихи не мыслью живы. Разве нет? Перевод возможен, когда один большой поэт вдохновляется стихами другого большого поэта (обязательно старого, давно умершего), и перекладывает его в чуждый языковой контекст, приспосабливает к другому мировосприятию, на 50% обусловленному языком. В этом трагедия, но вместе с тем и счастье поэта: его принципиальная замкнутость в родном языке. В другие языки переходит только его имя. Умираю от любопытства: что Вы сможете на это возразить?

«Сейчас я закончил другой роман — думаю, последний...»

А я думаю, что не последний. Надеюсь. И Вы надеетесь. Жить и не писать — невозможно. Помните, как Грэм Грин удивлялся людям, которые не пишут?

«Добавлю, что всякий раз, ставя точку, я испытываю тяжёлое чувство неудачи...»

Ну, это нормально. Муза не прощает только самодовольства.

«См. об этом в начале письма...»

Ага, в начале письма вы имели в виду нечто более глубокое, чем я с налету увидел: успех внутренний. На это вот что скажу: как ни горько, а эти два успеха тесно связаны. Биологическое задание всякой твари — оставить после себя след как можно более глубокий. Генетический след или, если о людях говорить, память (славу). Культура нашла дополнение к биологии. Так вот: у человека прославленного, во-первых, никогда не возникает вопроса о смысле жизни; а во-вторых и в главных, ему, если он голову не потеряет, творческая удача дается легче, тут цепная реакция возникает. Тот, кого больше читают, больше пишет, свободнее самовыражается — и его

союз с музой счастливее. Классический пример беру даже не литературный: из Куно Фишера, который именно в этом контексте сравнивает плодovitость Декарта и Спинозы.

Что до меня, то я кроме стихов написал кучу статей на самые непристойные темы, в основном, о русской истории. Публицистические такие опусы, кое-как сляпанные. Ну, и о поэтах тоже пишу. Почти каждая статья оборачивается маленьким скандалом, из чего я с удовольствием заключаю, что я еще жив.

«Жаль, что Вы не помещаете больше свои статьи в интернете...»

Обязательно буду. А пока руки не доходят. Да и статей так много стало, что я не все в голове держу, забываю. Едва напишу, сразу о следующей думаю.

«Пришлите мне что-нибудь, как встарь...»

Прилагаю коротенькую заметку в связи со стихотворным конкурсом *Крещатика*, где я в жюри. Чорт меня дернул согласиться!

Обнимаю Вас и Лору. Сердечный привет вам от Тани.

Всегда Ваш

Юра

— Я выкуплю тебя из рабства, Эпиктет!

— Согласья моего, прости, на это нет.

Не знаю даже, что ты рабством называешь.

— Помилуй! Ты весь день в работах изнываешь!

То чистишь ты горшок, то по воду бежишь,

Неоклу ты, мудрец, как мул, принадлежишь.

Тобою, погляди, и конюх помыкает!

— Какой же чепухе твой разум потакает!

Свободы в мире нет. Всяк чем-нибудь да слаб,

Желаньями томим и в этом смысле раб.

Возьми хоть кесаря. Он раб молвы и лести,

Он властолюбья раб. Не вижу в этом чести.

Я вольности другой меж смертными ищу:

Собой, одним собой повелевать хочу.

Я скромную вкушать предпочитаю пищу

И с радостью горшок за конюхом почищу,
Покуда люд честной ко мне не пристаёт
И мыслей сладостных не нарушает ход.
Я полон до краев. Ни теорем, ни песен
Мой разум не лишить, а телу труд полезен,
Да сверх того душе блаженный ритм дарит:
Земное трудится, небесное — парит.
Размеренность волны необходима чувству.
Не в ритме ль к счастью ключ, и к воле, и к искусству?
А выкупишь меня, юнец с горячим лбом, —
И стану праздности и похоти рабом.

ПОСЛАНИЕ К БИЗОНАМ

по поводу конкурса

Каждый Гораций желает знать, где сидит Пизон. Или бизон. Мы ведь теперь все на свободе пасемся, без отеческой опеки и субсидий со стороны любимой отчизны (честные идолопоклонники это слово с прописной выводят). Да и упорством нужно обладать нечеловеческим, чтобы в наши дни, на подножном корму, писать стихи, интерес к которым пляшет у нулевой отметки.

Вольтер стихотворчество вот как понимал: «Быть новым, не будучи странным, всегда естественным и часто высоким...». Сам он в поэты не выбился, даром что гремел (в том числе и как поэт) на всю Европу. А сказал верно. Формула не устарела. Есть и еще одна:

В стихах посредственность — бездарности синоним.

Так Буало упаковал в свой александрийский стих шесть гекзаметров Горация, из Послания к Пизонам.

К этим классическим наблюдениям добавим еще одно (классиками не отмеченное только потому, что другого они и вообразить не могли): текст, из которого полностью изгнано песенное начало, — не стихи. Он может быть философичен, поэтичен и вообще прекрасен, но не выдавайте его за поэзию в собственном смысле слова. Дальневосточная поэзия по-рус-

ски мертва; ее существеннейший элемент — графика текста — переводу, переложению и подражанию не поддается. Верлибры тоже мертвы, точнее: живы как приложение к стихам — у тех, кто писал стихом традиционным. Слова *vers libre* дурачат нас. В них столько же правды, сколько в словах «свобода — это рабство». Свобода бывает лишь в рамках закона. Оставим верлибр французам; им и деваться особенно некуда. Русский же язык — как специально создан для классических метров: архаичен, невероятно гибок, ритмически неисчерпаем. Только в нем уцелела тень античной поэзии. Мы в быту сплошь и рядом говорим точными ямбами и хореями, не слыша себя, не сознавая этого. Потому-то писать стихи по-русски — простейшее из умственных упражнений. Другое дело, что это не совсем упражнение, и не совсем умственное.

Из формулы Вольтера выводится многое, чего он предвидеть не мог. Например, такое: отказ от знаков препинания — дешевка, а не художественный прием. Ничего он не прибавляет, только отнимает. На Библию не кивайте: у ее поэтов были другие трудности и другие задачи.

Прочие формы расслабленности (вроде отказа от прописных) нам тоже ни к чему. Подлинное вдохновение несовместимо с вялостью. Лень — гигиена таланта, пусть так; но творчество — аскеза. Вдохновение (как и некоторые другие формы счастья) изматывает; отдаваясь ему, расходуешь душу. Расслабленность — сестра самодовольства, а муза только самодовольства и не прощает.

Другой вывод: мат в стихах невозможен. Литературной дерзости в нем — ни на грош; только хамство да вера в прогресс. Наши предшественники не были ни ханжами, ни лицемерами. Они (в совокупности) были крупнее нас — потому что личность, а с нею и искусство, век от веку мельчает. И они знали: безобразное — безобразно. Бродский, говорите, не брезговал? Оставайтесь с Бродским. Мат — выразительное средство тех, кому выразительных средств не хватает (но что такое поэт, которому не хватает слов?); в быту это словоупотребление — низость, в литературе, особенно же в стихах —

подлость. Стихи были и остаются средством, возвышающим душу. Таково их назначение. Низость, присущая каждому, находит себе другие каналы. Не понимаете высокого — не пишите стихов; только и всего. Верно: символисты до смерти напугали нас высокопарностью. Верно: век от веку высокое становится всё ниже и вот-вот перестанет быть высоким. Ну, так и стихи перестанут быть. Этому факту тоже нужно в глаза посмотреть: стихи — архаический способ постижения мира. Чем выше цивилизация, тем они меньше нужны. Они — и вообще всякое искусство.

ГЕНИЙ ИЗ ГЛУХОМАНИ

От этих простых соображений отправлялся один из членов жюри. Что до конкурса, то он — не более чем конкурс. Участников — 143 человека. Золотое сечение нашего легиона. Все как один — лирики: служат Евтерпе и Эрато. Мельпомена и Каллиопа давно уже не собирают с нас дани. Комическое тоже не представлено: оно сегодня не попадает в наше представление о стихах. Средняя температура по госпиталю, при десятиградусном термометре, у меня получилась 3,14 градуса. Число π , указывающее на что-то круглое. Как всегда, в большинстве те, кто мастеровит, но пуст; дальше идут те, кому есть что сказать, да они не умеют. Замыкает шествие горстка тех, у кого всё в порядке.

Вот что приходится не упускать из виду: имя нам — легион. Соберем по всей земле всех тех, кто регулярно в течение всей жизни пишет стихи по-английски, по-испански и по-португальски (последние очень заметны в Анголе), по-французски, по-немецки и по-итальянски (но не по-китайски и не по-исландски; тут разговор особый), — получится около пяти тысяч человек. Это максимум. А теперь окинем взглядом наши палестины — и увидим: около пятнадцати тысяч безумцев, вышедших из детства, вместо того, чтобы заниматься делом, регулярно пишут стихи по-русски и называют себя поэтами. Говорим о тех, кто человеку, стихов вообще не читающему, может показаться поэтом: о тех, кто овладел техникой, пишет сносно или хорошо. Прочих, до этого уровня не под-

нявшихся, учесть не представляется возможным, ясно только, что счет пойдет на десятки тысяч. Таков уж русский язык. Он сам по себе — величайший соблазн. Тут «и Саул во пророках».

И добро бы стихи спросом пользовались! Читают стихи сегодня только те, кто сам их пишет, — притом выборочно читают, в черте своего круга, обычно крохотного. Классики из соседнего кружка зачастую не только не прочитаны, но и по именам не известны. Положение бедственное, не правда ли? Вера в себя в очень значительной степени держится у поэта на читательском отклике.

Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет,
Велика ль творческая дума.
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг или высший дар?
Реши вопрос неразрешимый!

Молодому человеку, подцепившему национальный вирус, не позавидуешь. Как не утонуть в этом потоке? Вот юноша подал стихи на конкурс Крещатика — и косное жюри, составленное из таких же бизонов, как он, не заметило его. Куда деваться? Особенно — человеку из глубинки, из жуткой российской глуши, из топи блат. Математик, художник, шахматист — те не пропадут. Их способности наглядны. Поэту же в несравненно большей мере нужна культурная среда. Ни один из тех, кого мы привычно называем великими, не был вундеркиндом.

Остается повторять: «Песнь бескорыстная — сама себе хвала». Мандельштам и при жизни-то знаменит не был, а написал это, когда о нем все забыли. Теперь он — великий поэт, «величайший поэт всей человеческой цивилизации» (договорились и до такого). Можно и нам, бизонам, уповать на читателя в потомстве, но лучше не стоит. Лучше считать этого читателя суеверием. Старшие могли себе позволить такую ша-

лость, а мы поостережемся. Сегодняшнего кризиса искусства, кризиса всеобщей грамотности, они и вообразить не могли. Не было такого упадка со времен крушения Римской империи и раннего средневековья. Не исключено, что мы вообще присутствуем при закате Евтерпы.

Конкурс, разумеется, был анонимный. Статистики нет. Впечатление такое, что людей совсем молодых наши сети притащили немного. Взрослеем все мы (и перестаем пусто-словить) поздно, годам к сорока.

Занятно было бы выяснить географию нашего пастбища. У меня впечатление, что чуть не половина соискателей — из Израиля, где плотность рифмующих по-русски выше, чем в Москве или в Петербурге. Одаренных людей и филологической культуры там сколько угодно, а общий уровень — совершенно провинциален. Та же Москва с огородами.

Прекрасный пол представлен обычным своим процентом: количественно в три раза уступает ужасному; а качественно — не уступает, что тоже обычно. Женщины реже пускаются в этот безнадежный бизнес из голых амбиций. Живые чувства у них слышнее.

Выявил ли конкурс что-нибудь действительно замечательное? Открыл ли гения из глухомани? Нет. Выявил ли подлинное? Да. Спасибо и на том. Век-то на дворе — оловянный. Утешимся мыслью, что те, чьи имена на слуху, — не лучше.

Kolker23

10.04.07

Дорогой Юра, я хорошо понимаю, что при Вашем образе жизни особенно не размахнёшься. Всё же был бы рад изредка получать от Вас весточку.

Спасибо за прелестные александрийские двустиишия (кто сейчас пишет александрийским стихом?) и, конечно, за «Послание к бизонам». Всякого рода конкурсы, «номинации», шорт-листы и пр. — разумеется, вздор; важна статья. Не всё в

ней, по правде сказать, меня убеждает, но нет никакой охоты возражать, я прочёл этот блестящий манифест с наслаждением.

Вы вспомнили нашу встречу в Мюнхене — как давно это было. Но читал я тогда, мне кажется, не «Выхожу один я на дорогу» (прекрасное стихотворение, но не принадлежащее к самым любимым), а Ходасевича: «Сижу, освещаемый сверху...»

Что касается абсолютного стихотворения, то название вызывало недоумение, по-видимому, не только у Вас. Могу просто процитировать то, что об этом сказано в моей книжке:

«Абсолютное стихотворение замкнуто в самом себе, и любое комментирование, любой анализ, который стремится взломать эту замкнутость, в конечном счёте обречёны на неудачу; абсолютное стихотворение остаётся неуловимым; в нём самом всё сказано; истолковать его до конца, исчерпать его «смысл» — невозможно: он теряется в анфиладе зеркал. И, однако, стихотворение было к кому-то обращено: к самому поэту, к друзьям, к возлюбленной, к неопределённому читателю или слушателю; теперь оно обращается к нам, никогда не видевшим поэта, не слышавшим его голос, и хотя традиционное познание поэзии ставит своей целью поместить её в контекст эпохи, биографии автора и литературной истории, дело обстоит как раз наоборот: абсолютное стихотворение становится точкой отсчёта. Сведения, которые можно из него почерпнуть, — своего рода снисходительность, оказанная любознательному читателю; абсолютное стихотворение творит эпоху и воскрешает смутный облик поэта; ему не нужен больше его создатель, не нужна история; абсолютное стихотворение существует само по себе.

Абсолютное стихотворение есть тот единственный случай, когда знак всецело становится смыслом, а смысл предстаёт как гармония всех компонентов стиха — гармония значения и звучания. Его совершенство исчезает в нём самом. Высшее искусство состоит в преодолении искусства. Абсолютная поэзия всегда производит впечатление чего-то есте-

ственного, самородного, сущего изначально — и оттого кажется сверхъестественным: согласно архаическому поверью, о котором упоминает Эмиль Чоран, поэзия — это ветер из обители богов».

Вы возражаете против прозаического перевода стихов. Ваш пример с Пушкиным («Я вас любил...») хорошо известен. Иначе и не мог бы реагировать поэт. Против этого не попрёшь, доказывать противоположное невозможно, скажу только, что стихотворные переводы иностранных поэтов, тех, которые я мог читать в оригинале, меня почти всегда не удовлетворяли. Есть поэты, которым повезло, но они составляют малое меньшинство. Мне не особенно нравится перевод «Фауста» в исполнении Пастернака, на худой конец я предпочёл бы Холодковского. Лучшие переложения Рембо беспомощны. И так далее. Конечно, это не значит, что я в принципе против переводной поэзии, есть блестящие, изумительные достижения, и Вам они известны лучше, чем мне.

Жму Вашу руку, дорогой Юра. Не забывайте.

Ваш ГФ

В 2007 году я ухожу с фабрики пластиковых изделий и оказываюсь без работы. Тут обнаруживается, что мне, по моему положению и возрасту (61 год), полагается пожизненное пособие, именуемое Pension Credit. Я получаю пособие, мы живём на него несколько месяцев, и тут вдруг подворачивается временная работа без должности: переводить у адвоката с русского на английский и с английского на русский. Я прохожу пробу — и приглашён работать за £20 в час! С переработками (сверхурочными) я получал по три тысячи фунтов в месяц, нечто в моей жизни небывалое. Адвокат, между прочим, работал на известного богача Ходорковского, тогда находившегося в заключении. Но эта особенная удача длилась в моей жизни три месяца, и после них я опять сел на пособие, однако ж выяснилось, что это пособие позволяет сводить концы с концами.

[23.09.07]

Дорогой Геня,

я в последние недели усиленно Вас перечитываю — и некоторых вещей мне не хватает. Не пришлете ли список основных Ваших сочинений, с датами? Я найду их в интернете.

У нас всё неплохо. Как вы? Обнимаю. Ваш Юра

KolkBooks

23.09.2007

Дорогой Юра, как приятно получить от Вас весточку.

Я узнал — видимо, с большим опозданием, — что Вы уже не работаете на заводе.

Вот перечень моих русских книг (не весь — то, что я нашёл в разных письмах).

Запах звёзд. Тель-Авив, изд-во «Время и мы», 1977.

Идущий по воде. Статьи и письма. Мюнхен, «Страна и мир», 1985.

Миф Россия. Опыт романтической политологии. Liberty Publishing House, Н.-Й., 1986.

Я, Воскресение и Жизнь. Антивремя. Избранная проза. Изд-во «Время и мы», Н.-Й. — Иерусалим — Париж, 1985.

Страх. Рассказы. М., «Правда», 1990.

Нагльфар в океане времён. Альманах «Завтра», 1993, 5.

Нагльфар в океане времён (Небо внизу), роман.

Чудотворец, повесть. М., изд. «Текст», 1993.

Час короля. Антивремя. М., изд. «Слово», 1991.

Город и сны. Романы. Повести. Рассказы. М., «Вагриус», 2001

Допрос с пристрастием. Литература в изгнании (совм. с Дж. Глэдом). М., изд. Захаров, 2001.

Ветер изгнания. Эссеистика. М., «Новый хронограф», 2004.

Абсолютное стихотворение. Антология европейской поэзии. М., «Время». 2003 или 2004.

К северу от будущего. Роман. «Вагриус», 2004.

Пока с безмолвной девой. Проза разных лет. «Вагриус Плюс», 2005.

Следствие по делу о причине. Рассказы, повести, роман. Киев, «Дух и литера», 2005.

Довольно много разных вещей есть в электронных библиотеках:

ImWerden.ru

lib.aldebaran.ru

Я, как и прежде, постоянно слежу за Вашим сайтом. Как Вы живёте? Может, выберете время и напишете мне.

Крепко жму руку.

Ваш Г.

[20.10.07]

Дорогой Геня, Вы не поверите, но я написал о Вас статью [*Писатель земли русской*, журнал *Зарубежные записки* (Мюнхен), I, 2008]. Точнее, о себе-любимом, но немножко и о Вас. Надеюсь, она не поссорит нас. Я очень устаю; работаю по 12-15 часов в день без выходных; отсюда эта морзянка.

Если полегчает, напишу толком, а то и приеду.

Жму руку.

Ваш Юра

[21.10.07]

Дорогой Юра!

Очень польщён тем, что Вы решили обо мне написать. Когда это появится на Вашем сайте? Или в журнале?

Напишите о себе немного подробней.

Лора тяжело больна, я нахожусь неотлучно при ней.

Жму руку. Ваш всегда ГФ.

[6.11.07]

Дорогой Юра, я сгораю от любопытства. Вашего сообще-

ния было достаточно, чтобы почувствовать себя польщённым, даже если статья, о которой Вы упомянули, посвящена не мне, а кому-то любимому. Но на Вашем сайте я ничего не нашёл. Где искать?

Жму руку, Ваш Г.

[6.11.07]

Простите бога ради, дорогой Геня. Живу по-идиотски. На самое главное сил нет. Статья будет в первом номере ЗАРУБЕЖНЫХ ЗАПИСОК. Могу прислать.

Естественно, я там Вами восхищаюсь, но вообще всё там неправильно (потому что не родился еще сочинитель, который был бы доволен тем, что написал о нем другой сочинитель). Что увидел, то увидел. Я — не более чем я, виноват. Пришлите номер Вашего телефона. Я предпочитаю Ваш гнев выслушать, а не прочесть.

Ваш Юра

[7.11.07]

Дорогой Юра, о чём Вы говорите — какой может быть гнев. Писатели всегда недовольны тем, что о них пишут, но ещё больше недовольны, когда о них не пишут. Я могу разгневаться только в одном случае — если кто-нибудь посмеет утверждать, что я плохо готовлю яичницу-глазунью. Итак, будем ждать появления первого номера Зарубежных Записок. Мой телефон, разумеется, к Вашим услугам: 089-93 61 61 (первые три цифры — код Мюнхена; приставьте спереди код страны, который я не помню).

Привет! Ваш Г.

[8.11.07]

Дорогой Геня, не напомните ли мне, под каким псевдонимом печатался в Стране и мире покойный Рафик Шапиро? И

верно ли, что он был из Баку?

Жму руку.

Ваш Юра

[8.11.07]

Да, Юра, покойный Рафик был постоянным сотрудником и автором журнала, печатался под псевдонимом Рафаил ов, якобы живущий в Багдаде.

До отъезда в Израиль жил и работал в Баку.

Обнимаю. Ваш Г.

[21.03.08]

Дорогой Юра,

я только что получил номер «Зарубежных записок» с Вашей очень интересной, неожиданной, лестной для меня статьёй. Ваша похвала драгоценна. Она очень много для меня значит. Спасибо, дорогой друг.

Ваш всегда ГФ.

Следующая моя записка к Хазанову сохранилась под ремаркой: «вопрос вдогонку»; очевидно, письмо, к которому она прилагалась, утрачено.

[21.03.08]

Некогда у нас с Вами был спор (естественно, выигранный Вами) о том, как графически оформлять предложения, заключенные в кавычки. Я готовлю к печати мои скандальные воспоминания — и совсем запутался: сегодня мне одно мерещится, а завтра — другое. Не поможет ли советом?

Из следующего письма Хазанова видно, что он уже сообщал мне прежде о смерти своей жены Лоры, но неясно, в утраченном письме или по телефону (вероятнее первое).

[21.03.08]

Дорогой Юра, я живу довольно однообразно. Изредка хо-

жу в концерты, по большей части сижу дома. Сказать, что справился с потерей, я не могу, да и не смогу справиться, очевидно, никогда. Лора была для меня всем — подругой, сестрой, матерью. Спасает литература. Стараюсь (без большого успеха) что-то делать. В конце прошлого года вышел мой роман «Вчерашняя вечность».

Вы просите совета. Едва ли сумею сказать что-нибудь такое, что было бы для Вас неизвестно. Я придерживаюсь правила: как можно реже пользоваться кавычками. Особенно нетерпимы для меня кавычки (закавыченные слова) с целью подчеркнуть иронию пишущего по отношению к кому-то или чему-то: она должна быть понятна из контекста. Но иногда без кавычек не обойдётся. Например, при цитировании, хотя длинные цитаты хорошо выделять другим, более мелким шрифтом с отбивкой; тогда кавычки не нужны. (Я пользуюсь кавычками и для устной речи в диалогах, вместо обычного тире, а мысли, то есть внутреннюю речь, оставляю без кавычек, но это уже мой каприз). Ставлю обычно в кавычки названия книг, журналов, спектаклей и т. п., но Вы в таких случаях пользуетесь курсивом, что ничуть не хуже.

Основной вид кавычек — ёлочки («»), я не люблю гусиные лапки („“), к тому же при наборе они путаются с запятыми, вообще выглядят некрасиво. Однако существует иерархия кавычек: если внутри закавыченного текста должны быть другие кавычки, то для общего (обрамляющего) текста используются ёлочки, а внутри — гусиные лапки.

Вообще, когда сомневаешься, ставить кавычки или не ставить, я предпочитаю не ставить.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Юра, сердечный привет Вам и Тане.

О кавычках: Хазанов явно не понял моего вопроса и говорит текстуально то, что и я всегда говорил; но... я теперь и сам не понимаю моего тогдашнего вопроса к нему — так он плохо мною сформулирован.

[22.03.08]

Дорогой Юра, кажется, Вы послали мне сегодня новое сообщение. Оно не дошло.

Если это так, повторите, пожалуйста. Ваш Г.

[22.03.08]

Дорогой Геня,

не иначе как у нас компьютеры друг друга не понимают. У Вас ведь макинтош? Или что-то с кодировкой.

Я писал Вам следующее:

Спасибо, дорогой Геня, за быстрый отклик и совет.

«Лора была для меня всем...»

Мне страшно подумать о том, как вам должно быть тяжело.

«Я придерживаюсь правила: как можно реже пользоваться кавычками. Особенно нетерпимы для меня кавычки (закавыченные слова) с целью подчеркнуть иронию пишущего по отношению к кому-то или чему-то: она должна быть понятна из контекста.»

Здесь — мы с Вами настолько в одной партии, что даже странно. Я всегда говорил буквально тоже самое — с прибавлением, что кавычки — самый советский знак препинания. Это ведь именно большевики придумали закавычивать для придания иронического оттенка.

«Я пользуюсь кавычками и для устной речи в диалогах...»

Зачем Вы говорите? Я знаю. И даже догадываюсь, почему.

«Вообще, когда сомневаешься, ставить кавычки или не ставить, я предпочитаю не ставить.»

Золотые слова. Я тоже.

«Основной вид кавычек — ёлочки («»)....»

Это всё понятно. Я о другом спрашиваю: в каких случаях ставить, а в каких не ставить точку после кавычек, закрывающих одно или несколько предложений.

Xxx xxxxxxx: «Xxxx xxxxxxxx!». — Нужна здесь точка

или нет? Мне чудится, Вы говорили, что не нужна. [На этом письмо обрывается.]

Kolker25
06.12.2008

Дорогой Юра, как я рад получить от Вас весточку [утрачена]. Не так уж часто Вы балуете меня письмами. Правда, я регулярно просматриваю и читаю Ваш сайт. Горестно слышать Ваши слова о Питере, но почти такое же впечатление у меня оставалось от Москвы, где я, правда, уже давно не был: последний раз лет пять назад. Вероятно, больше никогда туда не поеду.

Что Вам сказать нового? Недавно я загремел в больницу: неожиданно случилось кровотечение из дивертикула (расширения, кармана) сигмовидной кишки, так что я едва не врезал дуба. Я, по-моему, не склонен к мистике, но впору было подумать, что это Лора манит меня к себе. Мне вырезали эту часть кишечника, сейчас чувствую себя удовлетворительно.

В литературе моей наступил застой. Можно подумать, что источник вдохновения скрывался где-то в животе. Я почувствовал себя опустошённым. И то сказать, слишком много листвы на древе моей жизни (выражаясь поэтически) я сжевал. Этот год, как Вы знаете, вообще был невесёлым. Я написал несколько не очень длинных вещей — повестей, рассказов. Но последние недели что-то ничего не ладится. Месяца два тому назад я возымел похвальное намерение собрать не публиковавшиеся сочинения или такие, которые похоронены в разного рода братских могилах, с тем, чтобы издать всё это в виде отдельного тома. Он, кстати, получился, довольно увесистым. С публикацией, однако, до сего времени ничего не получилось. Этого нужно было ожидать. Я утешаю себя теориями, которые представляют собой развёртку старинного тезиса «зелен виноград». К чему нам вообще печататься? Литература существует сама по себе; дитература [не знаю, опечатка ли это] существует, потому что существует; ей не нуж-

ны ни критики, ни читатели.

Дорогой Юра, соберитесь с духом, напишите подробнее о Вашей жизни — о жизни вообще. Привет Тане. Сердечно обнимаю Вас. Ваш Г.

С утраченной запиской я посылаю Хазанову на критику рукопись моей статьи *Семеро против мифа*. Сборник *Врѣхи* сто лет спустя. Вот его замечания:

KolkerSeven

26 янв. 2009

Дорогой Юра,
общее впечатление: блестящая, страстная, остроумная статья с некоторыми почти неизбежными в таких случаях перехлёстами, — но и они по-своему украшают её.

Я отметил некоторые опечатки и (как мне показалось) не-суразности.

Стр.1: «этой магической жидкости».

Стр.1, ошибка во франц. фразе. Нужно: *pourriez-vous le stoïre?*

Стр.2, поставить запятую после «по другим сведениям».

Стр.2: «Религия учит любви к Богу и самосовершенствованию». Неуклюжая фраза (учит любви к самосовершенствованию?).

Стр.3: «Третье отделение» — полагается с прописной буквы.

Стр.5: «занимается несопоставимо заграничного».

Стр.5: «в 1992 году». Опечатка.

Стр.5. «Видеть в человек только».

Стр.6. «Он умрет он».

Стр.6. Главка «Булгаков». Пунктуационная опечатка в первой строке.

Стр.8. Русская музыка «вся вторична». Так ли? А Мусоргский? Национальные романтики, Римский-Корсаков? Скрябин, Стравинский? Не говоря уже о Шостаковиче и Проко-

фьеве.

Стр.9. «Большевизм никогда бы не победил в одной отдельно взятой стране, не удержался бы в ней семьдесят лет без Филофея и Филарета, без глубинного, звериного чувства избранничества, сидевшего на подсознательном уровне в массах: там, где не думают и не читают», etc.

Но ведь именно крестьянство, поначалу соблазнённое разрешением грабить помещичьи усадьбы и обещанием земли, очень скоро, почуввав, чем оборачиваются эти посулы, стало сопротивляться и даже с оружием в руках (крестьянские бунты). Именно их, не думающих и не читающих, пришлось гнуть в бараний рог в годы коллективизации и раскулачивания.

Там, где я работал в деревне, в Калининской области, я знал людей, помнивших эти годы, помнивших «зелёных братьев» в лесах и обозы телег, на которых везли в город трупы мужиков.

Сомневаюсь, что большевизм держался только на Филофее.

Стр.9. «В 1991 году единственно правильное марксистско-ленинское учение словно ветром сдуло — и на его место, как Иванушка на печи, въехало русское православие». И дальше. Блестящее место.

Вспомним, однако. Трансформация Непобедимого учения (можно назвать её деградацией) началась уже во второй половине 30-х годов, когда стало ясно, что режим нуждается в более основательной и традиционной легитимации. Учение полностью исчезло в годы войны, затем, после недолгой реанимации, снова зачахло, постепенно превращаясь в систему фраз. В брежневские времена оно уже было мертво и годилось разве только для прокорма когорты преподавателей марксизма-ленинизма. Его можно было «обогащать» так и сяк. Прежде политика была функцией идеологии, теперь идеология стала функцией политики.

Стр.11: «тавканье».

Стр.11-12. «Не вспомнили и того, что Ледового побоища

— как города Китежа — скорее всего не было: его не знает ни один западный источник».

Ошибаетесь, Юра. Главный (но отнюдь не единственный) источник сведений о битве Немецкого, в русском словоупотреблении Тевтонского, ордена на льду Чудского озера (Schlacht auf dem Peipussee) с объединённым войском Александра Невского — дружиной князя, епископской, боярской и купеческой дружинами, ополчением посадов и частными полками, — главный источник — это составленная между 1225 и 1227 годами латинская хроника каноника по имени Henricus Lettus, то есть Генрих Лифляндский, «Chronicon Livoniae». Книга переиздана в Германии в 1956 и 1959 г. Несколько лет назад здесь у нас вышел богато иллюстрированный альбом «Войны и сражения», где Ледовому побоищу отведена страница. В том, что битва, окончившаяся победой новгородцев, происходила на самом деле, никто из писавших о ней не сомневался. Известен ход баталии, подробности тактики обеих сторон, приблизительное число участников, потери сторон и пр.

(Я, кстати, недавно этой темой немного занимался).

Там же, стр.12, искажена цитата из хора Прокофьева. Нужно: «На большой Руси, на родной Руси не бывать врагу».

От оценки фильма, который сейчас трудно смотреть без улыбки, воздержусь (впрочем, я уже писал об этом). Один немецкий журналист, с которым как-то говорили об Эйзенштейне, сказал: «Славянский фашизм». Но музыка Прокофьева, которую он превратил в кантату «Александр Невский», в Германии очень любима и популярна.

О Вейдле Вы напрасно написали: «умерший в неизвестности», это не так.

Хорошо бы опубликовать статью как можно скорее. Может быть, в «Зарубежных Записках»?

Крепко жму руку, обнимаю Вас, дорогой Юра.

Ваш Г.

Дорогой Геня, как Вы поживаете? Здоровы ли? Мила Агеева [прозаик, входила в редакцию *Зарубежных записок*] пишет, что Вы получили премию [*Русскую премию* за роман *Вчерашняя вечность*]: поздравляю задним числом. По моему скромному разумению, только Вы и прозаик сегодня. Ни Гиршовича, ни Малецкого (или как его там?) я читать не мог, последняя книга Мелихова застряла в горле... а кто еще-то?

Та же Мила пишет, что Вы готовы бросить взгляд на мои израильские воспоминания. Я, собственно, и сам собирался просить Вас об этом — в частности, потому, что в них, разумеется, я несколько проехался по Вам: а как иначе? Но вот в чем трудность: последний вариант, более или менее исправленный, существует только на моем сайте, а в ворде (вот до чего дошло!) его нет. Не загляните ли на сайт? Называется нетленка — *В иудейской пустыне*.

Обнимаю.

Ваш Юра

Kolker26

18 мая 2009

Дорогой Юра, я закончил чтение «В иудейской пустыне». Вы ждёте критики. Какая может быть критика. У нас с Вами много общего и в «жизненном пути», и в литературе, точнее, в наших представлениях о том, какой не должна быть литература. Но одновременно — мы люди разных поколений, нередко и разных вкусов; и жизнь, реальная жизнь, сложилась по-разному. Вы уехали в Израиль — и чрезвычайно точно, с беспощадной искренностью, которая отличает всю книгу, объяснили свой выбор. Я обосновался в Германии — не взирая на возмущение московских друзей и знакомых, отчуждение друзей в Израиле; несмотря на то, что готовился жить и там, весьма успешно учился ивриту и учил своего сына.

Книга, я уже говорил об этом, сразу же увлекла меня, рассказ об отъезде, первые встречи, первые дни и месяцы

жизни в другой стране, самочувствие и самоутверждение человека, который называет себя евреем и русским писателем, — ни то, ни другое не может быть принесено в жертву, — всё оказалось мне чрезвычайно близким. Книга написана блестяще и, как всегда у Вас, задиристо. Прекрасная, за сердце берущая концовка. У Вас сохранился обширный архив — это видно по точности дат, мест, имён. Мне, однако, показалось, что обилие писем, в значительной части приводимых целиком, утяжеляет текст. Тут, разумеется, тоже немало интересного, но подчас обилие подробностей, важных только для автора и его корреспондентов, рискует наскучить.

Позвольте старому педанту указать на некоторые мелкие огрехи. Пагинация отсутствует, поэтому ссылаюсь только на заголовки глав.

Народная тропа. Не вполне точное объяснение, почему «Иродион», а не Геродион. Существует два традиционных произношения греческих вокабул: эразмовское и рейхлиновское. Первое приближается к классическому, античному (точнее, аттическому, которому и нас учили), второе — к византийскому. Первое предписывает произносить букву β (бета) как б, букву η (эта) как э, букву θ (тета) как т, так называемое твёрдое придыхание гласных в начале слова воспроизводить как г. Второе произношение соответственно: в, и, ф, твёрдое придыхание не произносится. Фонетика Эразма отразилась (через латинскую транскрипцию) в западных заимствованиях, фонетика Рейхлина — в восточных (в России через Византию). Отсюда эти пары: библиотека — вивлиофика, Атена (Атенеум) — Афина, Томас — Фома, Текла — Фёкла, Теодор — Феодор, Герод — Ирод и пр.

Там же. Хемингвей. Почти так же писали старые эмигранты. Но эта транскрипция нисколько не ближе к английскому Hemingway, чем традиционно утвердившееся Хемингуэй.

Лия. О разнице между фашизмом и национал-социализмом (и даже о каких-то там особых достоинствах фашизма). Похоже, Юра, что Вы сочли малосущественной такую общую

черту, как тоталитарное государство.

Там же, под фотографией: versteckt пишется вместе; не «in den Auge», а — in den Augen; unsere Bilder.

Вена. «Россия стала цивилизованной страной...» и далее о пенсиях. Сообщаю для справки: я работал в СССР с 17 лет всю жизнь (не говоря уже о лагере). В пенсии мне отказано. Я получил официальную бумагу, там говорится, что для назначения пенсии нужно приехать в Россию и стать снова российским гражданином.

Ульпан. Вы пишете: Хиджаз. Традиционное русское написание — Хиджас [ошибка Хазанова].

Страна и мир. Бабёнышева зовут не Андрей, а Александр (Алик).

Абрам Гитлер и другие. «...никаких метастаз». Хотя греческое μεταστασις женского рода, по-русски это слово мужского рода. Нужно: никаких метастазов.

Джеки в Израиле (и далее). Слово бешеный Вы ошибочно пишете с двумя н.

Освенцим или Аушвиц. Русское «банальность зла» — буквальный перевод с немецкого оригинала Ханны Арендт: Banalität des Bösen.

Первые письма. В моём адресе нужно не Grafilfing, а Grä-felfing.

Рафик Шапиро (Рафаэль Бахтамов) не был формальным редактором. Он периодически приезжал из Израиля на 2-3 месяца, штудировал советские газеты и писал прекрасные статьи о советской экономике.

В письме к А. Левицкому: не Ex adverse, а Ex adverso.

Русская мысль. Иловайская. Медон — по русски не принято писать «Мэдон» (как Мериме, мезальянс, метро и т. п.).

Платан с «запахом крови». ...прямой передаче не поддаются — нужно два д.

Подаю на конкурс. Черниковского звали Шаул(ь), Саул.

Засим обнимаю Вас, дорогой Юра. Привет Тане. Ваш Г.

Не со всеми замечаниями Хазанова я согласен. *Иродион* — таково общее установившееся в Израиле произношение этого археологического объек-

та: не эразмово и не рейхлиново (я предпочитаю говорит: ройхлиново), а — израильское. Нужно ли пояснять, что половина замеченных Хазановым орфографических ошибок (не только русских) — просто опечатки? Я мои сочинения, как поэтические, так и прозаические, — не вижу, я их слышу; отсюда часто — корова через ять.

[21.05.09]

Дорогой Геня,
громдное спасибо за Ваш отзыв. К Вам на сегодняшний день сводится вся моя референтная группа. Если Вы прочли, вещь опубликована.

Говорил ли я Вам, что закрываю лавочку? В журналах и газетах решил больше не печататься. Займусь сайтом; если деньги позволят, отпечатаю воспоминания домашним тиражом и раздам друзьям. Как говорил мой друг Ясер Арафат, enough is enough is enough.

Еду в Питер через три дня — в последний раз. Если вернусь, не считайте меня коммунистом.

Обнимаю.

Ваш Юра

В утраченной записке я посылаю Хазанову на критику мою статью о поэте Д. Самойлове под названием *Поэт с эпитетом*. Вот ответ Хазанова:

Kolker27

12 февр. 2010

Дорогой Юра!

Статья увлекательная, прочёл без пауз. Не стану говорить об очевидных достоинствах (блеск, острова, остроумие, сарказм; немало горького и справедливого). Скажу о том, что мне показалось уязвимым.

Драчливость, раздражённый тон явно избыточны и начинают утомлять. Порой автор чуть ли не забывает основную тему, поглощённый жаждой кому-то насолить. Кому? Объект

полемики чаще всего не назван, это просто вся современная поэзия. Вы договариваетесь до того, что «великих [поэтов] в XX веке вообще не видим». (А Блок, Мандельштам, Ахматова, Рильке, Целан, Аполлинер, Т. С. Элиот?) [Нужно ли говорить, во что я ценю Целана, Аполлинера и Элиота?]

Всё это подрывает доверие к автору. Много менторства, мало юмора. Порой полемический пыл заставляет Вас забыть о вкусе. Вы читаете нотации покойному поэту: «потому-то в искусствах, г-н Самойлов, не прогресс наблюдается, а регресс...», «интернет, о котором вы, г-н Самойлов, не слыхивали...» Пошлость; похоже на полемику Ленина с Михайловским.

Вы уличаете противников в отсутствии слуха, а сами пишете «лучше было бы быть».

Это, конечно, мелочи. Всё же на месте автора я бы дал статье полежать, а потом прошёлся бы по ней железным скребком вроде того, которым чистят лошадей. (Мне пришлось этим заниматься, животные любят эту процедуру).

Что касается главного в статье — Вашей оценки творчества Самойлова в целом, — я не решаюсь с Вами спорить. Скажу только, что я ценю его с оговорками. Есть, как мне кажется, некоторое количество прекрасных стихотворений. Хуже обстоит дело с поэмами и особенно с прозой [как и все вокруг Хазанов различает стихотворение и поэму, что, по мне, происходит от простой неграмотности; стихотворение и поэма — синонимы]. Воспоминательные статьи о друзьях и т. п. — вполне советские. Интересен дневник («Подённые записи», два тома). Вы коснулись еврейства Давида Самойлова; в дневнике есть очень некрасивая запись на эту тему.

Я задавал себе вопрос, отчего этот выдающийся поэт, имевший все шансы стать первым поэтом своего, пусть короткого, времени, им всё же не стал. Думаю, на это можно дать два ответа. Первый: Самойлов был слишком традиционным поэтом, подчас на грани эпигонства. Второй ответ: Самойлов оказался во власти своего исторического и политического кредо — государственного патриотизма.

Дорогой Юра, спасибо ещё раз. Привет Тане.
Ваш всегда ГФ.

[13.02.10]

Дорогой Геня,
громадное спасибо Вам за критику. Вы меня бесконечно обрадовали ее настроем. В следующий раз вместо унылого вопроса: «Как Ваше самочу?» буду слать Вам кусок моей фигни.

По некоторым пунктам позвольте Вам возразить.

«Порой автор чуть ли не забывает основную тему...»

Я решаюсь думать, что основной темы Вы не увидели. Основная тема (как это всегда у меня) — моя *ars poetica*, а Самойлов — то, что под руку подвернулось. Он даже не вторая тема. Вторая, которую Вы угадали почти точно («Объект полемики чаще всего не назван, это просто вся современная поэзия») — угасание всех искусств, их умирание.

«Вы договариваетесь до того, что «великих [поэтов] в XX веке вообще не видим». (А Блок, Мандельштам, Ахматова, Рильке, Целан, Аполлинер, Т. С. Элиот?)»

Геня, Вы ведь не всерьез сюда иностранцев приплели? При чем они здесь? Я говорю о русской поэзии. Как бы мы ни выучили иностранный язык, чужая просодия для нас в своей интимной части закрыта. И родную-то, русскую, 99% процентов не понимают, для них это китайская грамота. Ее, как родину, человек впитывает с молоком матери — или не впитывает. А «договорился» я ровнехонько до того, что думаю и выстрадал: я убежден, что все великое в русской поэзии сделано в XIX веке. В XX веке — всё с душком, с червоточиной. На этом стою, как сказал один Ваш соотечественник, и не могу иначе. Я подал это в заостренной форме, чтобы быть услышанным (и Вы слышали); провокация — форма гиперболы. А без провокации вот что получается: все три названных Вами русских поэта произвели большое движение в умах. Если Вы в этом видите величие, то — шарман-шарман, они великие, но тогда причисляйте к великим и прямое быдло: Мая-

ковского, Хлебникова, Высоцкого, Гребенщикова и Цоя (или как его там). С душевным же величием и стихотворениями, оставшимися от Ваших трех, — картина замутнена. Не может человек быть великим поэтом, если он ханжа и квасной патриот. Трудно и того признать великим, кто весь сегодняшних, кто с потрохами принадлежит своей эпохе и вместе с нею проваливается в тартарары. По мне и тот не совсем велик, кто идет на поводу у своего гнусного времени, угождает ему. Что до Ваших четырех иностранцев, то по-русски, в русских переводах, ни один из них не поэт, не то что не великий поэт. Рильке (вероятно, лучший из них) добавил к своему портрету забавную черточку своими русскими стихами, которые курам на смех. Трое других по-русски — паяцы или мошенники. Одного из них я читал на языке оригинала — и увидел (отпущенными мне средствами) то же самое: паяц и мошенник, не поэт.

«Вы читаете нотации покойному поэту»

Как это «покойному»? Умер Дезик Кауфман, а Давид Самойлов жив. Иначе бы и говорить было не о чем. Вообще почтения перед мертвыми (за то, что они умерли) я не чувствую: разве это не общая судьба? О мертвых плохо или ничего — языческое суеверие: люди не благородством руководствовались, а призраков боялись.

«Пошлость; похоже на полемику Ленина с Михайловским...»

Виноват: не вижу пошлости — и как раз по той самой причине: для меня Самойлов жив.

«Вы уличаете противников в отсутствии слуха, а сами пишете "лучше было бы быть"...»

Пардон, дорогой друг. Вы прибегаете к доводу «сам дурак», и это хуже, чем некорректность: это логический промах. Я могу совсем не владеть пером, а поэзию понимать и чувствовать прекрасно, — случай совсем не редкий, прецеденты к Смирновой-Россет восходят. А промахи типа указанного Вами есть решительно у всех. У каждого. Возьмите Герцена. Он как стилист — равных себе не знает в русском языке, во

всяком случае, по части метафоры, но сколько же у него можно таких блох нащелкать! На каждой странице. Это, между прочим, принципиальный момент: я не потому критикую Самойлова, что сам идеален (я о себе при этом не помню — и другим корректность предписывает не обо мне думать при чтении), а потому что мой ракурс отличается от его ракурса, и я хочу утвердить — нет-нет, не себя, а вот этот свой ракурс: мое отношение к поэтическому слову. Такого рода скрещение шпаг плодотворно. А довод «сам дурак» бесплоден, потому что — кто без греха. Это как с ромовой бабой, как с параллельными Евклида. Меня очень можно критиковать, я только спасибо скажу, но не в связи с моей критикой имярека, а мою критику имярека очень можно отвергнуть, но только без оглядки на меня.

«...на месте автора я бы дал статье полежать, а потом прошёлся бы по ней железным скребком вроде того, которым чистят лошадей...»

Я Вам бесконечно признателен: часть этой работы Вы сделали за меня — и очень мне помогли. Несколько поправок я непременно внесу. Но вообще я всегда даю тексту полежать; эта статья написана в декабре 2005 года... Конечно, и то правда, что можно было бы ей дать еще срок на исправление. Только всего-то не исправишь, да и сроки не в моих руках.

«Есть, как мне кажется, некоторое количество прекрасных стихотворений...»

Еще бы! Конечно, есть. Но хорошее стихотворение может написать почти каждый; прекрасное — многие, — а в разговоре о поэте приходится говорить еще о чем-то, хм, неисповедимом: что связано с текстами и вместе с тем стоит над ними.

«Вы коснулись еврейства Давида Самойлова; в дневнике есть очень некрасивая запись на эту тему...»

У меня нет этих дневников под рукой. Не выпишете ли это место для меня? Сгораю от любопытства.

«Я задавал себе вопрос, отчего этот выдающийся поэт, имевший все шансы стать первым поэтом своего, пусть ко-

роткого, времени, им всё же не стал. Думаю, на это можно дать два ответа. Первый: Самойлов был слишком традиционным поэтом, подчас на грани эпигонства. Второй ответ: Самойлов оказался во власти своего исторического и политического кредо — государственного патриотизма...»

Последнее — очень верно. И сказано замечательно. Предпоследнее — идет вразрез с моей давней мечтой: только традиционное — подлинно. Конечно, традицию я понимаю в ее постоянном развитии — и презираю тех, кто хочет это постоянство нарушить (революционеров, «новаторов»); но об этом мы с Вами не раз уже говорили... С чем я совсем не согласен, так это с тем, что Самойлов мог стать «первым поэтом своего времени». По-моему, у него ни малейшего шанса не было: не тот уровень осмысления слова и времени. Талант его поэтический — настоящий, но — ровно на фут над ватерлинией. Вы же и сами говорите: «подчас на грани эпигонства». А еще и потому шанса не было, что «первый поэт» обычно человек типа Евтушенки, в серьезном же смысле говорить о первенстве стоит лишь тогда, когда перед нами являются протуберанцы масштаба Пушкина.

Еще раз большое спасибо Вам, Геня. Кажется, только с Вами и возможен настоящий разговор о главном.

Всегда Ваш ЮК

Kolker28

14 февр. 2010

Дорогой Юра!

Вот выписка из дневников Самойлова, о которой Вы просили.

«9 июля 1978.

У евреев есть одна привилегия — избирать нацию. Но нация часто вовсе и не стремится, чтобы её избирали евреи. Это неудобство, неприятность, иногда даже — кровавая трагедия, зато и залог бескорыстия выбора.

Если выбор не означает перевеса обязанно-

стей над правами, он ничего не стоит.

Поэтому с величайшей осторожностью надо относиться к эмиграции евреев. Еврей-эмигрант перестаёт быть русским, как только покидает Россию. Он становится немецким, французским или американским евреем родом из России. Русский эмигрант — русский изгнанник. Еврейский — человек, воспользовавшийся привилегией выбора нации и — часто — отдавший предпочтение правам над обязанностями.

Все слова в защиту русской культуры в устах еврейских эмигрантов — блеф.

Культуру, в силу взятых обязанностей, они имеют право защищать здесь. Там нация не налагает эту обязанность.

Сионисты или космополиты, со своим эгоцентризмом, в сто раз честнее, чем наши еврейские диссиденты со своими клятвами в любви к России и русской культуре и со своими жалкими словами о том, что не хотят, чтобы обижали их детей.

Для русского еврея обязанность быть русским выше права на личную свободу».

В других местах проскальзывают те же нотки:

«10 августа 1988.

Литературовед М. Эпштейн (весьма неглупый) судит в своём снобизме русскую литературу и русскую нацию за бесплодность тоски. Тоска эта — по высшему, что и отличает русских от наций, лишённых тоски. Эта тоска становится бескорыстным, бесстрашным действием в грозные часы русской истории. Тогда она победительна, победна. Русская тоска — тоска по свободе в вечной несвободе, к которой могла бы привыкнуть любая другая нация, кроме русских и испанцев».

Я рад, что Вы отнеслись терпимо, дорогой Юра, к моим, пусть неуклюжим, замечаниям. Меня, очевидно, сбилось с толку название статьи, вроде бы указующее на главную тему. На самом деле, как Вы мне объясняете, Дезик Самойлов — всего лишь повод для того, чтобы изложить Вашу концепцию поэтического искусства, для чего было необходимо расправиться с поэзией нашего времени и даже, рикошетом, всего Двадцатого века. Вдобавок я решил, что статья написана только что («последний блин», по Вашим словам), на самом же деле — давно.

«Съешь сам» — об этом замечательном аргументе писал ещё Белинский. Нет. Я полагаю, что автор, будь он критик, эссеист или поэт, взявшись за статью о литературе, о поэзии, о стиле, должен сам уметь писать хорошо. Вы всегда более или менее справлялись с этим требованием.

Маяковский никогда не играл в моей жизни большой роли, но назвать его быдлом вкупе с Гребенщиковым и т. п. я бы не решился.

Вообще то, что Вы называете провокацией, я хотел бы принимать всерьёз. Русские стихи Рильке отнюдь не курам на смех. Они написаны чрезвычайно скромным человеком, который вовсе не предназначал их для печатания, хорошо понимая, что его знание русского несовершенно. Но и в этих неуклюжих и по-своему трогательных строчках чувствуется поэзия.

О Баратынском (или Боратынском) в Вашей статье. «Россия даже имя его пишет с ошибкой» и т. д. По-моему, Юра, Вы гневаетесь напрасно, вопрос давно решён. Оба написания равноправны, хотя наиболее компетентный из современных литературных справочников и, вероятно, известный Вам, обстоятельный биографический словарь «Русские писатели 1800-1917», т. I, М.1989, указывает как нормативное написание — Баратынский и как альтернативное — Боратынский.

Кстати, я думаю, что Вы оказываете замечательному поэту плохую услугу, называя его вторым по значению после Пушкина. Не постигаю, к чему этот перебор.

Самое интересное в Вашей статье (и письме), хотя и намеченное бегло, по-фельетонному, — это мысли о традиции и новаторстве. При том что я ощущал себя (в прозе) гораздо больше архаистом, нежели новатором, сия контрверза меня занимала постоянно. Это ведь действительно «о главном». Не могу сейчас в это дело вдаваться; решаюсь послать Вам один старый, несколько стилизованный рассказ, который, может быть, вам известен.

Обнимаю и жму руку. Ваш Г.

Не нахожу «несколько стилизованного рассказа», присланного Хазановы, и не помню его.

[22.02.10]

Дорогой Геня,
у меня были (и продолжают) компьютерные проблемы — оттого я и не смог ответить Вам сразу. Ужас! Это как болезнь... Кажется, не избежать покупки нового — что, при всей их сегодняшней дешевизне, острый нож для нашего бюджета.

Большое спасибо за выписки из Самойлова. Как занятно! И — как пошло. Перед нами как раз тот случай, когда можно обсуждать сказанное, а можно и не обсуждать. Но знать нужно.

«...решаюсь послать Вам один старый, несколько стилизованный рассказ, который, может быть, вам известен...»

Рассказ Ваш, по обыкновению, замечателен. Мне кажется, я его уже видел, но память моя плоха, и сейчас я читал почти как заново. Очень хороши портреты героев. Мне пришлось справиться с датами, чтобы получить полную картину... Одно меня резануло: я почему-то не выношу замену слова «умер» на слово «ушел» («А мне бы хотелось уйти во сне»); мне видится тут сюсюканье — должно быть потому, что я часто встречал эту замену в текстах самых расхожих, слащавых и банальных. Ну, и мелочи — вроде «Каждая строфа стоит мне уйму труда»: разве не правильнее ли поставить дополнение не в дательный, а в винительный падеж? Или: на-

чаяв предложение в скобках, Вы ставите закрывающую запятую после закрывающей скобки, чего логика не выдерживает. Пустяки, конечно. Позвольте повторить то, что я (менторским тоном) уже писал Вам не раз (а Вы знали до моего рождения): не один сочинитель не примет до конца языка другого сочинителя.

Между прочим, вот уже с полгода я пытаюсь выяснить имя и происхождение одной строфы, которая, будучи явно античной, у Горация не встречается, а Гораций, не мне Вам говорить, коллекционер строф и метров. Нашел я ее у Вячеслава Иванова. Ни один филолог в моей референтной группе загадки не отгадал. Может, Вы отгадаете? Вот первая строфа стихотворения *Земля* с эпиграфами (естественно, мною прочитанными):

Κλήζετε μάτέρα Γαῖαν.

Orac. Dodon.

Τάδε γὰρ μέλε' ἔστί τὰ Πανός.

Orph.

Братья! уйдем в сумрак дубрав священный,

На берега пустынных волн!

Чадам богов посох изгнания легок —

Древней любви расцветший тирс!

В Вашем письме решаюсь кое с чем не согласиться.

«Я полагаю, что автор, будь он критик, эссеист или поэт, взявшись за статью о литературе, о поэзии, о стиле, должен сам уметь писать хорошо...»

Простите, дорогой друг, но Вы меня не слышите. Кто же стал бы спорить с Вами? Я ведь совсем о другом. Если один подверг другого критике неосновательной, возразите на критику. Если человек плохо пишет, укажите на его неумение писать, но не связывайте вещи, находящиеся в разных плоскостях. Это — простая некорректность, притом не столько этическая, сколько логическая. По моим наблюдениям, такой перескок с объекта к субъекту присущ филологам, тем, кто не-

тверд в логике, не умеет корректно мыслить, а не людям, получившим естественнонаучное образование.

«Маяковский никогда не играл в моей жизни большой роли, но назвать его быдлом вкупе с Гребенничковым и т. п. я бы не решился...»

Конечно, он — не совсем быдло; он всего лишь Шенгели наоборот. Но пусть бы он совсем не был быдлом: Дюнуа сидит не на своем месте. Чтобы донести эту простую мысль до сознания быдла (а там — и нормальных людей), чтобы хоть застолбить ее, приходится прибегать к сильным средствам.

«Русские стихи Рильке отнюдь не курам на смех. Они написаны чрезвычайно скромным человеком, который вовсе не предназначал их для печатания, хорошо понимая, что его знание русского несовершенно. Но и в этих неуклюжих и по-своему трогательных строчках чувствуется поэт...»

Простите, но это неправда. Это конвенциональная ложь (или, если угодно, конвенциональная ошибка). Она была произнесена из симпатии к Рильке, из любви и благодарности к нему — да так и застряла в сознании многих, лежит без пересмотра полвека. Писатель, говорите Вы, пишет нечто, да еще стихами, не имея в виду читателя? Пардон, так не бывает. Он вот именно для нас с вами писал, чтобы мы растрогались и умилились. Неправда и то, что Рильке — скромный человек. Не приводите мне его высказываний на этот счет: счет тут двойной. Не выживший из ума человек скромен в оценке своего места (чем он крупнее, тем скромнее), но поэт, скромно оценивающий свой дар, — не поэт.

«О Баратынском (или Боратынском) в Вашей статье. «Россия даже имя его пишет с ошибкой» и т. д. По-моему, Юра, Вы гневаетесь напрасно, вопрос давно решён. Оба написания равноправны, хотя наиболее компетентный из современных литературных справочников и, вероятно, известный Вам, обстоятельный биографический словарь «Русские писатели 1800-1917», т. I, М.1989, указывает как нормативное написание — Баратынский и как альтернативное — Боратынский...»

Так ведь в том-то и дело, Геня, что «я знаю лучше» этого «наиболее компетентного» справочника. (Не ссылаюсь уж на «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского» выпуска 1998 года.) Я знаю лучше потому, что жизнь прожил с любовью к нему и занимался им всерьез. Он стал Боратынским по ошибке Дельвига, мирился с нею, а завещал нам себя как Боратынского (это уж не говоря об этимологии фамилии и о предках, польских и русских). Писать Баратынский — то же, что печатать ранние, а не выверенные версии его стихов: надругательство над последней волей человека. [Я имею в виду то, что свою последнюю книгу стихов, *Сумерки*, поэт выпустил под именем Евгений Боратынский.]

«Кстати, я думаю, что Вы оказываете замечательному поэту плохую услугу, называя его вторым по значению после Пушкина. Не постигаю, к чему этот перебор...»

По части услуг я плох, Вы правы. Перебора — не вижу. Ни Тютчев, ни Некрасов, ни Фет до Боратынского не дотягивают: я это знаю всем своим существом, а мое отношение к поэтам XX века Вам известно. Я могу быть неправ, как всякий, — но за свою неправоту (как не всякий) иду на костер.

Еще раз — громадное Вам спасибо.

Обнимаю.

Ваш Юра

[25.07.10]

borischanow@gmx.de

Дорогой Геня, как у Вас дела? Всё ли в порядке? — Очень надеюсь на это. Я часто думаю о Вас — но не решался писать без повода и ничего не слышал о Вас с февраля.

У нас — без больших перемен. Точнее, есть одна, притом важная: миновал наш ссудный день, мы с грехом пополам расплатились за наш домик (остался крохотный долг, под копеечный процент, его можно в счет не брать). Двадцать лет платили! Двадцать лет прошли как один день. Где мы все оказались двадцать лет спустя? Удивительное время, удивитель-

ное место. И на себя удивляюсь: так переменялся, что в зеркале не узнать.

Живем мы теперь полностью на пособие. Если не путешествовать, денег хватает. Путешествовать же нам вдвоем трудно: Тане тяжело ходить, ноги болят и распухают, уверенно она себя чувствует только за рулем, а мне тяжело ходить медленно. Кроме того, у нас теперь собачка, которую одну не оставишь и в собачью гостиницу не сдашь, уж очень она деликатная.

Я практически закрыл свою лавочку: ничего не пишу, немножко копаюсь в архивах, моем и семейном. Самый первый удар лопатой развеял миф о том, что мой дед-большевик (и, вероятно, чекист) [Фёдор Иванович Чистяков; что чекист — ошибка] был из рабочих. Ничего подобного: из мещан, притом зажиточных. Загадочная, между прочим фигура. К 1930 году носил три ромба, что примерно — комкор, а литература о нем молчит. Умер своей смертью «от хронической продуктивной (или производственной? в свидетельстве: "продук.") бургорчатки легких» — так по документам, — а на гранитном надгробии на Коммунистической площадке Александро-Невской лавры значится 1933 год, — зачем и кому это понадобилось? Кто ставил памятник? Спросить некого. Моя сестра 78-и лет, живущая в Дуйсбурге, всегда была нелюбопытна. Я сперва начал основательно читать о том времени, да быстро заскучал.

Закрыл я и мой сайт [закрыл ненадолго, на месяц или два]. Человек ведь когда-то перестает писать и публиковаться? Ну, так что ж и откладывать?

Вот всё о нас. Пожалуйста, напишите мне.

Обнимаю Вас

Kolker29

26 июля 2010

Дорогой Юра,

Ваше письмо меня, как всегда, обрадовало, но вместе с тем и озадачило, а проще сказать, огорчило. Я воспринял его чуть ли не как дезертирство. Один из высших офицеров нашего скромного войска бежит с поля боя. Я понимаю, что сделанное — прекрасные стихи, замечательная мемуарная проза, статьи о литературе и проч. — даёт, быть может, известное право отдохнуть на лаврах, можно и так взглянуть на положение дел. Можно — и невозможно. Написанное требует продолжения. Кроме того, я привык считать писательство неизлечимой болезнью.

А вот что касается «ссудного» (не Судного) дня — поздравляют Вас и Таню от души. Когда-то и мы с Лорой благодаря её заработку сумели выкупить нашу квартиру.

Что сказать Вам о моих делах... Мне 82 года. Лоры нет. А ведь она была на десять лет моложе меня. Мы познакомились, когда ей было 18 лет. Я расхаживаю по этой самой, опустевшей квартире, где всё устроено её руками. На мне одежда и обувь, ею купленные.

Занимаюсь я вот уже несколько месяцев — Вы улыбнётесь — своим Собранием сочинений. Предложение было сделано владельцем известного Вам питерского издательства «Алетейя». (Все обычно произносят это слово с ударением на втором «е», хотя по-гречески нужно на первом.) Предложение, разумеется, небескорыстное. За публикацию, по крайней мере в моём случае, нужно платить штраф; литература как бы приравнивается к нарушению правил уличного движения, издателя — род дорожной полиции. Скрепя сердце я согласился. Намечено шесть или семь томов. Два тома вышли, ещё два подготовлены. И вот, как я уже сказал, занимаюсь сколько-то месяцев, вычитыванием, отчасти и штопкой разного старья. У покойного Германа Плисецкого есть строчка: «Пу-

стырь уныл, как крик “Старьё берём!”». Странное это чувство: вспоминаешь былые времена и настроение, с которым эти вещи придумывались и сочинялись.

Между прочим, попутно я изобрёл новый жанр, назовём его «компилятивный роман». Несколько разных текстов (рассказов, повестей) слепляются по принципу «В огороде бузина». К одному такому конгломерату я присочинил предисловие, тоже фрагментарное; посылаю Вам для развлечения. Вы занялись благородным делом раскапывания архивов. Здесь тоже имеется генеалогический мотив.

Дорогой Юра, крепитесь, держитесь. Может, ещё порадуете письмецом. Крепко жму руку, обнимаю. Ваш всегда ГФ.

Пролог. Забвение песка

Zwischen
deinen Augenbrauen
steht deine Herkunft
eine Chiffre
aus der Vergessenheit des Sandes.
Nelly Sachs ¹

¹ Между / твоими бровями / твоё родословие / шифром / из песчаного забвения. (Нелли Закс, пер. В. Микушевича.)

(1)

Наклонись над струйкой, следи за тем, как вода вырывается из-под камня, скользит и вьётся, и вливается в озерцо. И, успокоившись, течёт между травами и корнями деревьев, по песчаному руслу. Проводи её глазами, покуда она не исчезнет из виду. Сколько времени понадобилось воде, чтобы пробиться сквозь толщу земли, отыскать трещину в окаменелостях далёкого прошлого, растворить в себе соль веков. Подумай о том, что твоя жизнь, единственная, замкнутая в себе, на самом деле только пробег ручейка от порога к

другому порогу: не правда ли, мы не догадывались, что в нас продолжается подземный ток, что ты сам — бегущая вода. Из тёмных недр прорывается безмолвие голосов, так бывает во сне, так даёт о себе знать череда предков, ты понятия не имеешь о них. А между тем ты их продолжение. Ты весь составлен из подробностей, накопленных ими, ты их совокупный портрет. Ты сбрываешь рыжую, уже поседевшую щетину на щеках — её оставил тебе в наследство пращур, современник царя Давида, а ему — патриарх Иаков, тот, кто поцеловал у колодца смуглую девочку с тёмными сосками, с лоном, как ночь, и с тех пор чёрная и рыжая масть спорили в поколениях твоих предков. Ты вперяешься в молочный экран и раздумываешь над каждой фразой, лелеешь и пестуешь язык, это потому, что твой согбенный прадед весь век вперялся в зеркальные строки квадратных букв с заусеницами и обожествил алфавит. Ты лежишь на пороге своего дома в ормсе, в годину чумы, с проломленным черепом — тебя обвинили в распространении заразы. О тебе в Кишинёве сказал поэт: встань и пройди по городу резни, и тронь своей рукой присохший на стволах и камнях, и заборах остывший мозг и кровь комками; то — они. Их уличили в том, что они — это они, а не кто-нибудь другой. Ты в очереди перед газовой камерой, и рядом стоит твой соплеменник, босой пророк из Галилеи, царь иудейский, чтобы вместе со своей верой, которую он возвестил в Иерусалиме, со всеми вами вдохнуть циклон Б и сгореть в печах. Потому что заодно с теми, кого изгоняли и убивали из века в век за несогласие признать Иисуса Христа богом и, наконец, сожгли в печах, сгорело и христианство. Да, мы древний народ, мы поплавок, качающийся на поверхности взба-

ламученных вод, там, где на страшной глубине, занесённые илом, лежат целые цивилизации. И вот теперь ты остановился, тайный двойник, соглядатай, в зелёном лесу, и не можешь оторвать взгляд от родника — что стоит копнуть лопатой и засыпать его землёй!

(2)

Я никогда не видел моего голубоглазого, рыжебородого деда, он умер, не дожив до пятидесяти лет, задолго до моего рождения. Он был ремесленник, бедняк, обременённый многодетной семьёй, считался знатоком Торы и Талмуда. От него не осталось портретов, не осталось ничего. От него остался я.

Я почти ничего не знаю о своих предках с материнской стороны, но помню мою мать, молодую женщину, умершую, когда мне было шесть лет; она была выпускницей Петроградской консерватории, пианисткой и художницей.

Я думаю, что во мне сказалось двойное наследие — противостояние слова и музыки.

Привязанность к Слову, к листу бумаги, к начертанию букв: я ощутил её чуть ли не с раннего детства, она передалась от деда и через него — от бесконечной череды согбленных книжников. А мою любовь к музыке, жизнь в музыке я получил от матери.

Я стал писателем, потому что Слово для меня — воплощение логики, ясности и дисциплины, но эти начала сталкиваются и сливаются с тем, что не поддаётся переводу на язык слов, — с музыкой. Проза есть царство разума, но его размывают волны музыки, как ночь размывает день. Оттого чистота и логическая упорядоченность прозы смешалась в моих писаниях с фантастикой, с хаосом, с искривлёнными зеркалами, с без-

ответственным отношением к времени, с мертвящим, как взгляд василиска, неверием в благость Творца и сомнением в разумном мироустройстве.

(3)

Отчего я не возвращаюсь — как возвращаются в родные места на закате жизни? Перипатетики философствовали, гуляя в саду перед храмом ликейского Аполлона. Существует новая философия прогулок: по прямоугольнику каменного двора, парами, руки назад, не останавливаясь, не замедляя шаг. Существует философия мёртвых коридоров, гремучих ключей, цокающих сапог и прогулочных дворов высоко на крыше главного здания Государственной безопасности в Москве...

Отчего я не возвращаюсь... Можно привести дюжину доводов, нужны ли они? Там негде и не на что жить. Государство ограбило нас дочиستا. Всё, что я сделал, все следы моего пребывания в России выскоблены. Я лишён пенсии, хотя работал всю жизнь. Моя жена лежит на мюнхенском кладбище. Куда я от неё поеду?

Меня в Москве может остановить на улице любой милиционер. Моё пухлое дело хранится в архивах тайной полиции и, может быть, ждёт своего часа. Скажут: времена изменились. Но кровавая гадина жива. Они, возразят мне, теперь этим не занимаются. Но я отравленный человек. Ты русский писатель; не спорю. Писатель должен дышать воздухом реальной жизни. Какой жизни? Дышать воздухом российской действительности. Что такое действительность?

Есть реальность памяти, она могущественней минутных впечатлений, всего хаоса, что наваливается на гостя. Новая жизнь осыпается на другой же день, как мгновенно пожухнувшая

листва. Ибо память не терпит поправок. Есть действительности души, только она по-настоящему реальна.

Толкуют о читателе. Но у меня нет или почти нет читателей в России. Мой русский язык непонятен. «Ни одного человека вокруг, — жалуется изгнанник Овидий, — кто сказал бы словечко полатыни!». Мой язык — латынь. И уже не здесь, а на родине я был бы эмигрантом. Я русский писатель, но я не национальный писатель. Где я, там русская культура, да-с; но это не культура сегодняшней России.

(4)

Одному человеку приснился сон, чей-то голос сказал ему: поезжай в Прагу, увидишь там большую реку и мост, под мостом лежит сокровище. Человек продал имущество, долго ехал, приехал, но оказалось, что мост охраняется. Каждый день он приходил, садился и смотрел на мост, постепенно к нему привыкли, он познакомился с начальником стражи. Однажды начальник сказал: этой ночью я видел сон. Голос рассказывал о деревне, будто бы там стоит заброшенный дом, в подвале спрятано сокровище, и никто об этом не знает. Вот я и думаю, сказал начальник, не рвануть ли мне туда. А где это находится, спросил приезжий, и понял, что речь идёт о его деревне. Боясь, что его опередят, спешно отправился в обратный путь, на последние деньги добрался до места, оторвал доски, которыми крестнакрест была заколочена дверь его избы, спустился в подпол и нашёл сокровище.

(5)

Одному человеку приснился сон. Голос шептал: бросай всё, поезжай в Прагу, там под мо-

стом через Влтаву найдёшь сокровище. Он поехал, увидел мост, но дорогу ему преградила вооружённая стража. Он остался в городе, каждый день сидел у моста, сперва на него смотрели с подозрением, потом привыкли. Он познакомился с начальником стражи. Тот ему рассказал свой сон: будто бы где-то есть деревня, там стоит заколоченный дом, а в подвале лежит сокровище. Надо бы туда съездить, проговорил начальник, да нехорошо службу бросать. Крестьянин понял, о какой деревне идёт речь, вернулся, стал искать свой дом, но никакого дома уже не было.

[28.07.10]

borischanow@gmx.de

Дорогой Геня, спасибо за отклик. Не могу с Вами согласиться:

«Один из высших офицеров нашего скромного войска бежит с поля боя.»

— Помилуйте, какой же я офицер! Тут командовать надо, вести за собою, кричать: «Вперед!», а я эремит и человеконенавистник. Офицер, кроме того, должен быть немцем. Я вспоминаю немца-офицера, и за эфес его цеплялась роза, и на губах его была Церера. Это про Вас. Вы один из высших генералов разбитого, но грозного войска, где я был солдатом. Однако ж не всю ведь жизнь человеку воевать. Наступает пора и в келью удалиться, особенно когда все люди опротивели. Конечно, у каждого она своя (пора; но и келья тоже). Как видите, я сдал раньше Вашего — или сдался, дезертировал, говоря Вашим словом. Вот и Кушнер так думает: «Кто стар, пусть пишет мемуары, — мы не унизимся до них...».

«Кроме того, я привык считать писательство неизлечимой болезнью.»

— Ага, и Вы тоже. Мне уже говорили такое: мол, не сдюжишь. Но, во-первых, есть исключения, возьмите хоть Миц-

кевича или там какое-нибудь Рембо, а во-вторых и в-главных, я ведь не от писательства отказываюсь, а от читательства. Не нужен мне такой читатель, какой имеется в наличии (читатель же провиденциальный тем более; не говорю уж о том, что он — сущее суеверие). В первую очередь не нужен мне читатель русский, живущий в России, любящий Россию или связанный с нею, потому что мне Россия и всё русское омерзительны. Не Россия она, а Путляндия, Лилипутия. И не русские они, а москали. Одно утешение: лет через пятьдесят этой поганой страны не будет, рассосется сама собою — за полной ненадобностью... Бог мне свидетель: никогда я не был расистом, да и по крови-то я русский, Россию презираю на правах русского... а интересны мне только евреи. Но и тут подвох: вполне с ними отождествиться я не могу, а ведь уж как пытался... Еврей — это призвание. Одним дано, а другим кукиш.

Писать я не то чтоб писал сейчас, а надеюсь вернуться к сочинительству, если силы не изменят и если закончу хоть в общих чертах то, что откладывать нельзя: приведение в порядок своего прошлого. Хочу пока что издать том выбранных мест из переписки с врагами, включая Вас. Не знаю еще, только ли мои бессмертные письма туда войдут или иные ответы тоже (тут нужно разрешения просить, притом часто у наследников). Заметьте, что я научился набирать себя в той самой программе, в которой готовят книги к изданию: в Page-Maker'е, то есть избавился от грязных рук всяких посредников: редакторов, издателей... Сейчас перечитываю собрание писем за 1980-е и не перестаю изумляться — и тому, как время изменилось, и своим прогнозам, из которых половина сбылась, а другая сбылась с точностью до наоборот, главное же — изумляюсь провалам в памяти: сколько забыто! Естественно, и Ваши письма тут. В большинстве из них Вы меня мягко журите за мое бескультурье (по части латыни и не только), я же в ответ обнимаю Вам ноги и благодарю.

«Что сказать Вам о моих делах... Мне 82 года. Лоры нет. А ведь она была на десять лет моложе меня.»

— Понимаю Ваше горе и состояние, дорогой Геня, насколько это мыслимо понять, не пережив. Нет ничего страшнее такого одиночества, в особенности для нашего брата атеиста. И понимаю, какого рода раздумья и писания оно вызывает. Впрочем, настоящий писатель, не мне Вам говорить, никогда не выходит из этого круга раздумий, и не мысль ли о смерти делает человека писателем? В последнее время перелистываю по диагонали воспоминания о Леониде Андрееве: то же самое, а уж он-то не Вашего полета человек, даром что зарабатывал сочинительством шальные деньги. Был такой период, с Жуля Верна начавшийся, когда писатели купались в деньгах. Верн и Мопассан [ошибка: Дюма] завели себе паровые яхты. Команду нанимали, капитану и матросам жалованье платили! Леонид Андреев пытался им подражать, тоже яхту завел, но маленькую, и штурманом у него был его же садовник из загородного имения под названием Аванс (на аванс от издательства человек себе дачу построил, и не шале, а только что не шато, по специальному заказу... а где он сейчас со своими томами?)... Умер Андреев мальчишкой; сочинительствовал всего-навсего 17 лет; потеряв первую жену, женился еще раз; не знал, чудак, что жена бывает только одна.

«Занимаюсь я вот уже несколько месяцев — Вы улыбнётесь — своим Собранием сочинений.»

— Чего ж тут улыбаться. Тут восхищаться нужно. Восхищаюсь даже из своей кельи, отвернувшись от мирской суеты.

«(Все обычно произносят это слово с ударением на втором «е», хотя по-гречески нужно на первом.)»

— С год назад я выписал учебник древне-греческого, и всё было шарман-шарман, пока я не понял, что в этом языке — 24 артикля... В Питере была у меня приятельница, преподававшая в университете латынь и греческий. Я всё собирался к ней в ученики записаться, да не успел.

«Пустырь уныл, как крик “Старьё берём!”».

— Ахматова, помнится, в похожем случае извиняется за три К подряд в специальном примечании: мол, это — от сильных переживаний героя без поэмы. Крика старьевщика я,

между прочим, не помню: не застал или забыл. Зато, роясь в семейном архиве в Дуйсбурге, я нашел записку матери к отцу, помеченную 7 июля 1932 года. Она пишет из роддома (как раз мою сестру родила) и просит отца, когда он будет забирать ее с дочерью, лошадь выбрать не слишком прыткую. Лошадь!

«Между прочим, попутно я изобрёл новый жанр, назовём его "компилятивный роман". Несколько разных текстов (рассказов, повестей) слепляются по принципу "В огороде бузина"...»

— Ну уж и новый! А бывшее и дамы? А вещица Евгения Шварца, где он записную книжку перелистывает? А сказки Гауфа? А *Божье древо* Бунина (1931)? — Всё новое — хорошо забытое старое. Да что такое новизна?

«К одному такому конгломерату я присочинил предисловие, тоже фрагментарное; посылаю Вам для развлечения.»

— Замечательно, как всегда. Кое-что из этого предисловия мне напомнило разрозненные фрагменты, оставленные тем же Буниным. О предках, о жизни и смерти — в этом роде. Вот ведь тоже человек говорит, что нет у него ни читателя, ни родины:

«Талант талантом, а всё-таки "всякая сосна своему бору шумит". А где мой бор? С кем и кому мне шуметь?»

Зачем Вам Нелли Закс? Стишки жидкие. Дешевка какая: Zwischen произвести в отдельный стих! Эпиграф только снижает Ваше предисловие, а не поднимает, не украшает. Вообще, по-моему, эпиграф должен быть скрытый, упрятанный в тексте. Передо мною сейчас лежит поэма одного израильского сочинителя-не-скажу-поэта Евгения Дубнова, там вся первая страница состоит из эпиграфов, ложномногозначительных и пышных, как посольская мебель, — так что дальше эпиграфов и читать не хочется (на проверку — и не стоит). Конечно, Дубнов — совсем не Ваш случай, но будь я писателем, я бы от эпиграфов подальше держался.

Обнимаю Вас из моего вертепа.

Ваш Юра

Kolker30

Дорогой Юра,

слава Богу, решение не столь радикально: из Вашего письма я понял, что Вы всё-таки не исключаете возможности вернуться к писательству. Выбранные места из переписки с врагами — отличная идея; вот Вам кстати уже и готовое заглавие.

«Всё русское омерзительно», гм... Мои собственные суждения по сему вопросу (подчас продиктованные отчаянием, никогда — оптимизмом) я уже излагал не раз: они не менее печальны, чем Ваши, однако не столь однозначны. Вообще с годами я всё больше отвращаюсь от категорических заявлений. Время учит противоречить самому себе.

Читатель? Долгое время мне казалось, что я вовсе не нуждаюсь в читателях. (В романе «Доктор Фаустус», в одном месте Адриан Леверкюн говорит о том, что музыка как структура существует сама по себе, её вовсе необязательно исполнять.) Позже невинность была утрачена, появилась честолубивая надежда, что кто-то тебя прочтёт. Но я привык к мысли, что у меня нет сколько-нибудь многочисленных читателей в России, лучше сказать, почти нет читателей, и меня это, честное слово, нисколько не огорчает. Какое нам дело до всего этого? Тут некое высокомерие, а более всего — черта характера.

Конечно, слова о новом жанре — компилятивном романе — были шуткой: изобретение велосипеда. Кто не занимался чем-либо подобным? Достаточно сослаться на Фолкнера.

Меня заинтересовал Ваш пассаж о Леониде Андрееве. Мне было лет 16-17, когда мой дядя дал мне прочесть Андреева из домашней библиотеки, доставшейся ему от расстрелянного отца, — красные сафьяновые томики, изданные А. Ф. Марксом. И помню, как сегодня, какое сильное впечатление произвели на меня эти пьесы и рассказы. Сегодня их читать почти невозможно. И всё же Леонид Андреев не за-

быт, по крайней мере для меня, и не только как память юности. Мне трудно сформулировать, что он внёс в моё восприятие и понимание литературы, но вклад этот серьёзен. Да и жизнь, и облик, и судьба этого писателя по-прежнему интересны.

Пишу Вам на этот раз кратко. Не следуйте дурному примеру, дорогой Юра, соберитесь с духом, опишите подробнее, как Вы существуете, что читаете и замышляете. Я всего рад Вашим письмам. Крепко жму руку, обнимаю, Ваш ГФ.

[29.07.10]

«Пишу Вам на этот раз кратко. Не следуйте дурному примеру...»

— А вот последую! От чем писать, дорогой Геня? Электроника выбила почву из-под эпистолярного жанра. Давайте лучше не терять друг друга из виду.

«Выбранные места из переписки с врагами — отличная идея; вот Вам кстати уже и готовое заглавие.»

— Мы все состоим из цитат. Едва я прочел «отличная идея», как вспомнил нашего патриарха, нашего учителя Алексея Максимовича Горького: «дать статью об эмигрантской литературе — отличная идея»... Занятно, что вообще-то я Горького не читал, а вот эта фраза застряла в памяти — с той поры, когда я готовил Ходасевича. Тридцать лет держится! Могучим словом обладал этот писатель... Как раз сегодня выбрался я в Британскую библиотеку: прочесть книжку воспоминаний Димы Северюхина, которого я кооптировал в свое время для работы над двухтомником Ходасевича. Меня интересовал мой портрет в этой книжке (я ведь теперь собою занят). Книжка мне была автором подарена в свое время, из дому не выносилась, но найти ее я не могу уже годы, — вот я и поехал в библиотеку. Портрет мой у Северюхина — презабавный, не слишком лестный, но в целом правдивый, показывающий одну из сторон правды. Прилагаю выписки, может, Вас это позабавит. Мыслитель он еще тот. А уж стилист!

Насчет заглавия предстоящей книжки писем: естественно, я примерялся к этому, но уж слишком оно прямолинейно. Всё еще не знаю, что выбрать. У меня длинный список. В частности, и такое: Vixi. Простенько и со вкусом. Издавна держусь одной idée fixe: в названии должно быть нечетное число слов: Война и мир; Жизнь и судьба. А главное: название должно вынашиваться долго, как стихотворение, и, в сущности, быть завершающим штрихом книги.

Некогда Вы говорили, что заглядываете на мой сайт. Вместо закрытого сайта сейчас у меня есть временный, о котором я сообщаю только знакомым. Хочу знать по именам всех своих читателей, а быдло к себе не пускать. Присоединяйтесь к избранникам и посмотрите мою переписку с Лосевым и Берберовой:

yuri-kolker-up-to-date.narod.ru

Посмеётесь от души. Заодно вспомните 1980-е — потому что время там кое-где выглядывает, сочится сквозь гранитную кладку строк. Я тогда в литературу верил.

Обнимаю Вас.

Ваш

Kolker31

1 авг. 2010

Дорогой Юра, я прочёл воспоминания Северюхина (неизвестное для меня имя) не без интереса; насколько верен Ваш бегло набросанный портрет, судить не смею.

Vixi? Почему бы и нет. Хотя мне показалось, что, если уж остановиться на выбранном стиле заголовка, лучше, может быть, было бы: Fuit («он или оно было, и больше нет», «было и сплыло»).

Совершенно согласен с Вами, что название — нечто большее, чем вывеска книги. Существует история, философия, эстетика, психология заголовка. Можно было бы написать книжку или хотя бы небольшой эссе о заглавиях.

Обязательно прочту (руки ещё не дошли) Ваш новый — или временный — сайт. Вы знаете, что все такие документы

(Ваши тем более) меня всегда интересовали.

А пока что... Вот сижу и проглядываю свои старинные тексты: всё моё — и уже не моё. Одно сохранилось в неприкосновенности: мысль о принципиальной ненужности того, чем я занимаюсь вот уже столько десятилетий. Мысль не столь уж оригинальная. Приходится постоянно выносить её за скобки.

Жму руку, обнимаю. Ваш Г.

[3.08.10]

«...насколько верен Ваш бегло набросанный портрет, судить не смею...»

— Портрет, дорогой Геня, исполнен очень неплохо — с точностью до стилистики, конечно, но тут уж кому что отпущено от природы, а Северюхину отпущено скупое. Я, спорю нет, был толстоват в момент нашего с ним знакомства, но вряд ли слово упитанный хорошо передает дело; есть полнота от бедности, от неправильного образа жизни, навязанного бедностью; от страха голода. У Бомарше, сколько помню, Фигаро рассуждает, что богатым легко быть поджарыми. Еще противнее, что нашу комнату Северюхин называет неудобной. Опять: правда, да не совсем. Опять он проглядел главное: бедность была устрашающая. Где уж тут уют наводить! Не говорю о том, что мы десять лет сидели на чемоданах в ожидании отъезда (а в углу сухари держали на случай другого отъезда). А его размышление о том, что странно человеку русской культуры вдруг ни с того ни с сего вспомнить о своих еврейских корнях? Ей-богу, можно было чуть-чуть глубже высказаться на этот счет. В годы нашего знакомства Северюхин казался мне чужеватым, но подающим надежды молодым человеком. В этих воспоминаниях он, прежде всего, точен, а затем — чужд.

Вы не слышали этого имени? Немудрено. Он скорее по части выжописи, чем по части литературы. Известен как составитель пудовых справочников, при этом чуть-чуть рисует

гуашью и чуть-чуть зарабатывает большие деньги разного рода бизнесом. Справочник по русским зарубежным художникам, например. Как вы думаете, сколько русских художников жило за границей? Нет, ошибаетесь: пять тысяч. И каждый — художник! И о каждом нужно скрупулезную статью написать. Что за муравейник? Чем художник лучше инженера или врача, если о мелкоте речь? Вообще дикое, если задуматься, предприятие. С чего бы это коллекционировать художников по стране рождения? Добро бы еще о писателях речь шла: тут язык. А художник и музыкант — они же безродные космополиты, и чем выше духом, тем безроднее. Вот бы люди ахнули, если б я завтра предложил составить энциклопедию по английским художникам в зарубежье! Точный смысл такого рода книг в том, что Россия — это одно, а весь мир — другое. Нечего и спрашивать, с кем Бог. Еще крохотное умственное усилие, и получим единственно правильную идеологию и религию.

«...если уж остановиться на выбранном стиле заголовка, лучше, может быть, было бы: Fuit ("он или оно было, и больше нет", "было и сплыло")...»

— Спору нет, это как раз то, что нужно, — только звучит для моего славянского уха не совсем пристойно: как солженицынский эвфемизм в *Одном дне Ивана Денисыча*. Да сверх того еще диалог чапаевский напоминает. — Петька, закрой окно, дует! — Do it yourself! — Я ведь не ошибаюсь? — латинское i обычно полнозвучная гласная, а не краткая?

«Обязательно прочту (руки ещё не дошли) Ваш новый — или временный — сайт. Вы знаете, что все такие документы (Ваши тем более) меня всегда интересовали...»

— Это тем более важно, что я там по Вам несколько проехался: пишу в одном из писем (кажется, Римме Запесоцкой), что Вы — с хитринкой и очень себе на уме (с чем Таня не согласилась; те, кто умнее нас, всегда кажутся хитрыми или наглými), но тут же произношу пространное размышление о Вашем уме и таланте, говорю, что таких как Вы, просто нет в (тогдашней) подлунной — и называю Вас лучшим сти-

листом современности (это — моя давняя песня). — Между прочим, не позволите ли мне тиснуть некоторые Ваши письма ко мне, если дойдет до бумаги? Интернет-то — не публикация, тут разрешения не нужно... Кстати, как мило, что ваши московские розентали выпустили указ писать слово интернет с прописной буквы! Молодцы венцы! На очереди такие слова как телефон, радио, а там, глядишь, и канализация. Это последнее слово вообще нужно приподнять в силу его важности: ведь мы живем в эпоху Канализации русского языка.

Еще вопрос: я хотел бы получить разрешение печатать и письмо Кронида, где он разносит мою статью о Бродском: к кому обращаться за разрешением? Конечно, я свой ответ ему устроил так, что, в сущности, в письме Кронида почти нет нужды, — но всё же пусть покойник выступит в этом споре во всеоружии, а не в пересказе; ему же лучше... Среди его перлов в этом письме есть и такой: «Врачу — исцелися сам!» То есть Кронид думал, что тут императив, а не звательный падеж. Не говорю уж о том, что он (как, между прочим, и Вы по временам — и как все гуманитарии) не может удержаться в рамках обсуждаемого вопроса и переходит на личности. Не дикость ли ставить мне на вид неудачи в моих текстах, когда я говорю о неудачах в текстах Бродского? В огороде бузина, в Израиле дядька. Если не согласен со мною, отведи мой довод доводом, а не обухом.

«Одно сохранилось в неприкосновенности: мысль о принципиальной ненужности того, чем я занимаюсь вот уже столько десятилетий. Мысль не столь уж оригинальная. Приходится постоянно выносить её за скобки...»

— Понимаю Вас очень хорошо. Это и мое (неоригинальное) переживание на протяжении всей моей жизни. Что тут скажешь? Выходов два. Повторяюсь до оскомины, по-черному. Опять отсылаю Вас к Кофелету: всё идет в одно место. Религия — вернейшее утешение, сами знаете; жаль, не для нас. А второй выход — тоже нами уже обсуждавшийся — паровая яхта (или, в наши дни, на атомной тяге). Представьте: Вы, как

Жуль Верн или Мопассан (или хоть Леонид Андреев), зарабатываете своим глаголом столько, что, купив порядочный стальной дреднот, еще и команду нанимаете: капитана, боцмана, матросов; зарплату им ежемесячную... нет, что за низость! — ежегодную платите. Вот тогда, уверяю Вас, Вы бы знали всем своим существом, что Вы нужны человечеству... а значит, и себе были бы нужны больше. Опоздали мы с Вами, вот что. Викторианский писатель был богаче короля, не говорю уж: свободнее.

Дорогой Геня, я разболтался. Закругляюсь. Надеюсь, моя болтливость не мешает Вам ответить на мои вопросы.

Обнимаю Вас. Ваш Юра

Kolker32

5 авг. 2010

Дорогой Юра,

Вы упорно пишете «Жуль Верн», маленькое детское хулиганство. Правда, не совсем грамотное (может быть, намеренно?) Беднягу звали не Joules, а Jules. Да и жуликом он, насколько мне известно, не был.

Я нашёл Ваш новый сайт, увидел среди прочих славных имён и своё имя, но прочесть не успел: объят какой-то безосновательной суматохой. А вечером всегда одно и то же: устал, но в постель идти рано; читать невозможно; телеглядеть скучно; единственная услада — музыка. Был когда-то посредственный роман Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?» Любите ли Вы музыку, Юра?

Вы хотите тиснуть мои письма или что-то в этом роде — что за вопрос. Распоряжайтесь моими текстами как Вам заблагорассудится. Это же касается, я думаю, и редакционных писем покойного Кронида Любарского, хотя я ими не распоряжаюсь. Он был трудным человеком. Между прочим, был такой случай: один журналист пожелал (в Москве, через несколько лет после смерти Кронида) взять интервью о моей жизни за границей и нашим, к тому времени уже прекратив-

шемся журнале «Страна и Мир». Я имел неосторожность упомянуть о том, что мой коллега не пользовался симпатией в тогдашнем русском Зарубежье, почти со всеми был в ссоре. Произошёл скандал, вдова Кронида и ещё кто-то в Москве хотели меня привлечь к суду.

Насчёт того, что «викторианский писатель был богаче короля», — кто как. Вспомните хотя Вирджинию Вульф: она не бедствовала, но до короля (как и всем участникам кружка Блумсбери) было не близко. Или Джойс. Или французские «проклятые поэты». Или... да о чём толковать.

Жду, как всегда, Ваших писем, жму руку. Ваш Г.

[5.08.10]

Дорогой Геня, спасибо за отклик и разрешение. Нет ли у Вас адреса вдовы Кронида?

Что до Жуля-Жюля, то, сами знаете, «не разбойничать нельзя», и без грамматической ошибки язык я русский (он писал: русский) не люблю. Всё дело в том, что Вы — еврей, то есть ученый, а я — к моему прискорбию — русский, то есть хулиган. И разве по-русски мыслим этот звук жю? Так что зовите меня просто Жуль.

Я собираюсь в Питер. Там осталось что-то около трёхсот экземпляров моей нетленки, которые негде хранить. Люди жалуются. Нужно пойти им навстречу. Заодно выясним, горит ли в огне и тонет ли в воде моё бессмертное слово.

Жму руку.

Ваш Жуль

[27.12.10]

Дорогой Геня, с наступающим Вас Новым Годом! Пусть он будет для Вас лучше уходящего. Что у Вас нового? У нас — без больших перемен. В Денвере, штат Колорадо, вышла моя антисемитская книжка, читанная вами в рукописи [*В Иудейской пустыне, или Как я был антисемитом*]; в остальном всё по-старому.

Желаем Вам всего самого лучшего.

Юра и Таня

Kolker33

27 дек. 2010

Дорогой Юра, рад получить от Вас весточку. Что пожелать Вам и Тане в наступающем 2011 году? (Мистика цифр: обе половины новой даты — одинаковая сумма чисел.) Мужества, выдержки, работоспособности. Пишите стихи. Пишите прозу: в отличие от поэзии, она не нуждается во вдохновении; проза — это только труд.

Я очень жалел, увидев в интернете несколько времени назад, что Вы ликвидировали Ваш сайт, ведь я привык заглядывать в него то и дело. К счастью, вы учредили новый, но отчего же «временный»?

Я живу тоже по старому. Пытался сочинять кое-что новое, но оно оказывается почти всегда перепевом старого. Главным же образом занимался сборником сочинений, предпринятым по инициативе известного Вам издательства «Алетейя». Вышло несколько томов, ещё два должны появиться, если издатель не прогорит, в близящемся году.

С этим Новым годом сердечно Вас поздравляю.

Ваш всегда ГФ.

[27.12.10]

«Я очень жалел, увидев в интернете несколько времени назад, что Вы ликвидировали Ваш сайт, ведь я привык заглядывать в него то и дело. К счастью, вы учредили новый, но отчего же "временный"»?

— Ах, Геня, всё в этой жизни временно! Как говорил мой приятель: жизнь еврея — явление временное и вредное. Чудная аллитерация, не правда ли? Новый сайт существует с 9 апреля; все, кто ко мне обратился, получили его адрес, зато я теперь знаю своих читателей по именам. Вчера я открыл этот новый сайт всем — через старый, куда, Вы не поверите, и

сейчас не зарастает народная тропа. Временный (если серьезно) он потому, что я давно хочу перенести свой сайт (его физическое нахождение) в приличную страну; всё собираюсь раскошелиться на это... да теперь уж и не знаю, стоит ли. Нового на новом сайте немного: только в отделе переписки, где и Вы присутствуете, да еще — в архиве, где собираю старые немагистральные сочинения и сочинения незаконченные (как у Косьмы Прутоква, у меня их много).

«занимался собранием сочинений, предпринятым по инициативе известного Вам издательства "Алетейя"».

— Да-да, известного, но со мною они поступили не слишком вежливо. Я теперь решил в России книг не издавать — так эта страна мне омерзительна; о журнальных публикациях уж и не говорю; а издательские мои планы связаны только с письмами и воспоминаниями... Кстати или некстати: сейчас пытаюсь пристроить мою переписку с Лосевым 1980-х — и люди шарахаются! Сперва — взрыв интереса, потом долгое молчание, которого я не нарушаю. Так вышло с американским журналом *Стороны света*; потом с датским *Новым берегом*... Осталось попробовать два места, оба затхлых: *Вторую навигацию* и Таллинн. Если там не возьмут, моя лавочка закрыта полностью.

«Вышло несколько томов, ещё два должны появиться, если издатель не прогорит...»

— От всего сердца желаю Вам удачи в этом предприятии. Пусть Новый Гад будет менее ядовит, чем старый.

Обнимаю Вас.

Юра

2011/3/9

Дорогой Юра, решаюсь обратиться к Вам с просьбой. Я занимаюсь собранием моих сочинений, которое предприняла питерская «Алетейя». Отважная затея. Разрешите мне в качестве заключения к последнему (8-му) тому поместить Вашу статью «Писатель земли Русской», которая была напечатана в «Зарубежных записках». К сожалению, ни автору статьи, ни

сочинителю этих томов гонорар не обещан.

Надеюсь, у Вас все более или менее благополучно. Ваш
ГФ.

[9.03.11]

Ах, дорогой Геня, что за вопрос! За честь почту, не то что разрешаю. Только «русской» у меня не с прописной буквы, а со строчной; надеюсь, это опечатка. Гонораров не надо; гусары, сами знаете, денег не берут. Но если мне пришлют на вычитку, худо не будет. Щюголь [Ларисса Щиголь] там что-то поправляла в последний момент, на что я с трудом согласился, а уж как она напечатала, не знаю: не читал. Никогда не читаю себя оттиснутого.

«Надеюсь, у Вас все более или менее благополучно.»

— Спасибо, примерно так. Пятнадцатого марта я тут выступаю в местном пушкинском клубе — в последний раз в этой жизни. Буду объяснять людям, почему русская литература из великой стала ничтожной. The decline and fall of Russian Derevyassian. В последний раз в последний пляс пустился Макферсон. Если выживу, 30 марта отправлюсь в Денвер, штат Колорадо, где у меня книжка вышла (*В иудейской пустыне*) и где у меня двоюродная сестра живет. Если оттуда вернусь (7 апреля), то 25 апреля убуду в Израиль на три недели. А уж если оттуда вернусь, то — к вам. Вы гостей принимаете?

Очень надеюсь, что у Вас всё хорошо.

Обнимаю.

Ваш Юра

[10.03.11]

Юра, дорогой, большое спасибо. Конечно, я пришлю Вам верстку для вычитки; правда, это будет еще нескоро. Приезжайте ко мне с Таней, погуляем по окрестностям, съездим на мюнхенский рынок за любимой Вами каменной колбасой, посидим, выпьем чего-нибудь хорошего, обсудим decline and fall

русской словесности. Сообщите, когда Вам будет удобней пожаловать. А пока — удачи, здоровья и душевного покоя. Сердечно обнимаю, Ваш Г.

[1.11.16]

Дорогой Геня, я пересмотрел и поправил мою статью 2007 года, приблизил её к сегодняшнему. Она мне совсем не нравится, и всегда не нравилась, но переделать основательнее не могу. Я исписался, как раньше говорили. Когда я спал, пришла овца и съела венчик из крапивы на голове моей, съела и сказала: «Колкер не писатель больше». Домой возврата нет. Одна из причин, почему ихняя литература мне опротивела, состоит в том, что они не могут культурно воспроизвести мой текст. Я пишу на другом языке, не на ихнем, а эти скобари подъезжают ко мне со своими ублюдочными розенталями и учат меня слово интернет писать с прописной, а слово Би-Би-Си — через строчные. Шли бы они в задницу. Эту мою статью отдаю Маркуйскому или как там его [Борису Марковскому, редактору журнала *Крещатик*] под неременным условием не исказить моей графики и прислать мне гранки перед печатью. Всё-таки последняя публикация в моей жизни, как никак.

Будьте здоровы. Обнимаю Вас и возвращаюсь на чердак — потолок настилать. [Я в самом деле работал на чердаке моего домика в Хартфордшире, настелил там пол и покрыл изнутри досками оба ската крыши.]

JuKolker
01.11.2016

Дорогой Юра, приветствую Вас и сердечно благодарю — не только за чрезвычайно лестную для меня оценку и тонкий анализ моих изделий, но прежде всего потому, что они стали поводом и толчком для замечательной, лучшей, я думаю, во всём корпусе Вашей, насколько она мне известна, литературоведческой, критической и эстетико-философской прозы. Я

прочёл Вашу статью вздохнул, дивясь и радуясь её стилистическому блеску, редкой языковой одарённости автора, обилием точных наблюдений и свежих, неожиданных и нетривиальных мыслей. А Вы ещё пытались меня уверить, будто навсегда покончили с литературой. О нет, слава Богу, нет!

Я скопировал и распечатал для себя статью вместе с сопроводительным письмом и переслал Борису Марковскому. Он тотчас ответил, что очень обрадован и благодарен Вам, статья будет напечатана в ближайшем, декабрьском номере «Крещатика». Все Ваши условия и требования будут безоговорочно выполнены. Единственная просьба — прислать фотографию автора, чтобы поместить её, как это принято в журнале, перед авторским текстом.

Я со своей стороны прошу прислать мне, если это возможно, Ваши банковские реквизиты для выплаты условленного гонорара.

Ещё раз большущее спасибо, дорогой, верный друг!
Поклон Тане.

Ваш всегда ГФ.

[5.11.16]

Дорогой Геня, простите, что отвечаю не сразу; чердак, сад и сарай, краска да штукатурка, молотки да свёрла, поглощают все мои духовные силы и всё моё творческое время, так что я теперь думаю со скоростью домкрата.

Я очень рад, что моё сочинение Вам не отвратительно. Что до «условленного гонорара», то первым моим побуждением было ответить Вам с подобающей гордостью, что гусары денег не берут. Я, кроме шуток, за деньги давно уже не пишу. Нельзя брать деньги у царя Ирода. Голод нам больше не грозит, её величество королева положила нам скромное, но сносное содержание, крыша над головой тоже пока ещё не совсем поехала, — вот и вышло, что деньги грязь. Но первое побуждение, сами знаете, нужно, по Талейрану, отсекают как самое благородное, а тут как раз подоспел штраф на неправильную парковку, «условленным гонораром» не покрывае-

мый, и я, подумавши, решил взять деньги этого Магогского. Человек слаб, что тут поделаешь!

Обнимаю Вас.

Банковская мерзость внизу.

[6.12.16]

Kolker10

Дорогой Юра! Как я уже сообщал Вам, статья обо мне, подготовленная к публикации в журнале «Крещатик», была сочувственно принята редактором журнала и мне самому весьма польстила и очень понравилась. Ваши поправки к вёрстке получены и приняты к сведению. Но тут возникла одна трудность, пишу Вам о ней, можете мне поверить, с тяжёлым сердцем и рассчитываю на Вашу снисходительность и терпение.

Журнал редактируется в Киеве и печатается в Санкт-Петербурге (издательство «Алетейя», директор Игорь Савкин). Статья содержит некоторые, мягко говоря, критические суждения о правителе страны и её народе. Я со своей стороны вполне разделяю их, но издатель протестует, ссылаясь на то, что против него, если статья появится в печати, наверняка будет возбуждено судебное дело. Он настаивает на том, чтобы отдельные, особо жёсткие пассажи в статье были устранены. Я и редактор Борис Марковский скрепя сердце присоединяемся к этой просьбе. Мне лично очень бы хотелось спасти Вашу статью. Жду вашего решения. Всегда Ваш Г.

[6.12.16]

Геня, о поправках к статье не может быть и речи. Я запрещаю изменить в ней хоть запятую, не то что слово. И я обещаю Вам и этим кремлёвским прихвостням, что если статья с малейшими искажениями появится, они получают мировой скандал и судебный процесс. Не пожалею ни сил, ни времени, ни денег: так этим ублюдкам и скажите. Вы, Геня, между прочим, были предупреждены, что я порвал с этой поганой стра-

ной и с её поганой литературой. Речь шла об издании на Украине — только поэтому я и согласился, — и что же теперь я узнаю?! Нет: изменений не будет, и печатать статью я запрещаю.

Всего доброго

На этой недружественной ноте заканчиваются мои отношения с Борисом Хазановым. Замечу, что с моей стороны было мучительной уступкой, сделанной единственно ради Хазанова, — согласиться печатать мою статью в *Алетеи*. Ещё в 2009 году я произнёс зарок: не давать ни строки в Московию, особенно же в город на Неве, где я не пригодился, и Хазанов знал об этом. Редактор *Алетеи*, с которым я был лично знаком, в 2005 году позволил себе не ответить на моё письмо. С *Крещати́ком* к этому времени у меня отношения тоже стали напряжённые — а тут ещё выяснилось, что и этот журнал печатается в моём неродном городе! Требование угоднических поправок положило конец моей уступчивости, а с нею — и 32-летней дружбе, столь много для меня значившей.

Спустя два года, 22 января 2019, из редакции мюнхенского альманаха *Вторая навигация*, где я опубликовал сочинение под названием *Минимы*, я получил следующую записку с приложением:

Привет, Юра!

Хочу тебе передать, что Геннадий Моисеевич Хазанов, с которым мы недавно общались, говорил, что ему понравился твой текст в Альманахе [*Минимы*].

Ещё он просил переслать тебе его текст — возникшие в ответ мысли. Что и делаю.

Тане большой привет.

Сердечно,

Мила [Сигал(ь)], Миша [Блюменкранц]

Борис Хазанов

МЕМОРИАЛЬНАЯ ЗАПИСКА 2018

К ИСТОРИОГРАФИИ РАЗБИТОГО КОРЫТА

Историография Разбитого Корыта. Quid est? Что, собственно, сей сон означает... Как представитель своего поколе-

ния, поколения русских (или русско-еврейских) эмигрантов и тех, кто остался в России, я беру на себя, с известной долей самонадеянности, смелость считать себя голосом этого не слишком счастливого поколения. Как писатель не могу отвязаться от вопрошания, что останется, останется ли вообще, что-нибудь от содеянного мною. Какими глазами взглянут на эту стопку томов потомки, близкие или подальше... Подчас начинает казаться, что ответить нетрудно, Ведь будущее, этот вечно несытый хищник, подстерегает совсем близко. Ибо несётся навстречу с астрономической скоростью. Легко, говорю я, представить себе, что наш век будет забыт и на нас, если кто вспомнит, будут взирать в лучшем случае пожимая плечами со снисходительной усмешкой. Но остаётся и другая вероятность. Нас и нашу эпоху помянут, подавив сложное чувство ужаса и отвращения. Был момент в истории нашей страны, последние, мимолётные месяцы Семнадцатого года, когда золотая рыбка выполнила наказ и Россия чуть было не стала демократическим государством, как у других, но стоило рыбке махнуть хвостиком и скрыться в волнах, как старуха вновь очутилась у порога своей развалюхи, явилась новая изба, воздвигнутое Лениным и Троцким государство на трёх столпах насилия, рабства и лжи. И даже нашему поколению чудесным образом довелось однажды, сызнова на одну минуточку, увидеть, как пришла золотая рыбка, приплыла и спросила: «Чего тебе надобно, старче?» И... и что же?..

Finis

На эту опосредованную попытку Хазанова возобновить дружбу со мною я не откликнулся. Борис Хазанов умер 11 января 2022 года, не дожив пяти дней до 94 лет.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Два основных корреспондента, Юрий Колкер и Борис Хазанов, в указатель не включены.

- Аксёнов, Василий 3
Александр Невский 230, 265
Алешковский, Юз 3
Андреев, Леонид 290, 292, 298
Анненский, Иннокентий 65, 116
Аполлинер, Гийом 37, 300, 302
Арендт, Ханна 299
Артёмов, Николай Александрович 83, 84, 95, 96, 112, 128, 145
Ахматова, Анна 122, 200, 201, 218, 300, 302, 321
Бабёнышев, Александр (Сергей Максудов) 10, 11, 12, 14, 16, 34, 85, 94, 133, 134, 145, 146, 299
Бахтамов, Рафаил (Рафаэль Шапиро) 49, 299
Бахтин, Владимир 83, 110, 139
Бейзер, Михаил 80, 82, 93
Белый, Андрей 28, 36, 37, 240, 242
Белинский, Виссарион 307
Белянин, Владимир Николаевич 9
Бенн, Готфрид 237, 238
Бешенковская, Ольга 150, 176
Блок, Александр 26, 36, 75, 240, 242, 300, 302
Блюменкранц, Михаил 337
Брайс, Джеймс 184
Браун, Сергей 152
Бродский, Иосиф 50, 68, 72, 73, 74, 75, 76, 80, 81, 82, 84, 91, 93, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 115, 116, 118, 119, 121, 125, 127, 129, 130, 132, 140, 141, 143, 150, 179, 200, 201, 250, 274, 281, 327, 328
Брюсов, Валерий 103, 121
Бубнов, Андрей Сергеевич 84
Бунин, Иван 322
Быков (Зыков), майор 83, 84, 145
Быков, Василь 238, 239
Вейдле, Владимир 268, 296
Войнович, Владимир 3

Вольпе, Цезарь Самойлович 82, 83, 84, 85, 92, 94, 95, 96, 108, 109, 110, 112,
128, 132, 133, 139, 141, 143, 145, 146

Гейне, Генрих 75

Гёльдерлин, Фридрих 237, 238

Гёте, Иоганн-Вольфганг 64, 236, 237, 238, 274

Гильберт, Мартин 80

Гинзбург, Бен-Цион 135

Глад (Глэд), Джон 230, 231, 233, 235, 237, 238, 283

Голан, Ариэль (Аркадий Гольштейн) 55, 57, 60, 93

Голенко-Гинзбург, Д. 42

Гораций Флакк, Квинт 75, 77, 80, 92, 160, 164, 168, 171, 172, 174, 186, 246,
273, 280, 309

Горбаневская, Наталья 46, 47, 136, 150

Горенштейн, Фридрих 42, 240

Горький, Максим 36, 240, 324

Гроссман, Василий 42, 58, 59

Дедюлин, Сергей 16, 17, 44

Джойс, Джеймс 211, 329

Дубнов, Евгений 322

Евтушенко, Евгений 268, 305

Заболоцкий, Николай 209, 210

Закс, Нелли 314, 322

Зуншайн, Захар 7, 8

Зыков (Быков), майор 83, 84, 145

Иванов, Вячеслав 309

Казак, Вольфганг 70, 79, 152, 187, 191, 197

Керенский, Александр Фёдорович 95

Копелев, Лев 82

Копелева, Раиса 82, 85

Костина, Татьяна 44, 59, 105, 123

Крабб (Крэбб), Джордж 231

Кушнер, Александр 44, 54, 123, 136, 175, 230, 244, 319

Ленин, Владимир Ильич 339

Лермонтов, Михаил 269, 277

Липкин, Семён 42, 58, 59, 61, 62, 68, 70, 77, 82, 109, 137, 138, 139, 141, 143

Лиснянская, Инна 58

Лифшиц, Владимир 6, 09, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 34, 38, 41, 42, 275

Лосев, Лев 11, 12, 35, 55, 57, 81, 127, 325, 332

ёй, Кронид 5, 38, 42, 49, 52, 54, 56, 58, 59, 62, 63, 69, 72, 73, 84, 94, 96, 109,
110, 113, 115, 124, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 137, 139, 140, 141, 142,
143, 144, 146, 327, 328, 329, 330

Максимов, Владимир Емельянович 34, 38, 149, 150

Максимова, О. 73, 103

Максудов, Сергей (см. Бабёнышев, Александр)

Макферсон, Джеймс 333

Мандельштам, Надежда Яковлевна 149, 155

Мандельштам, Осип 11, 15, 40, 124, 275, 277, 283, 300, 302

Манюэль, Эжен 277

Марковский, Борис 334, 336

Мартынов, Иван Фёдорович 7, 8, 9, 10, 12, 15, 18, 35

Маяковский, Владимир 77, 116, 216, 302, 307, 309

Милюков, Павел Николаевич 95

Миркина, Зинаида (З. А.) 6

Мопассан, Ги 321

Музиль, Роберт 211

Недава, Йосеф 153

Пастернак, Борис 45, 122, 286

Паунд, Эзра 237, 238

Померанц, Григорий 5, 6, 19, 34, 161, 169, 170

Пруст, Марсель 211

Прутков, Козьма 331

Пушкин, Александр 26, 75, 77, 101, 103, 106, 107, 111, 121, 124, 126, 171,
179, 198, 205, 207, 213, 236, 237, 259, 261, 269, 277, 286, 305, 307, 311

Рильке, Райнер-Мария 237, 238, 300, 302, 303, 307, 310

Розен, Наталия 42, 45, 62, 69, 137, 138, 242, 327, 334

Розинер, Феликс 4

Савкин, Игорь 336

Самойлов, Давид 268, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308

Северюхин, Дмитрий Яковлевич 324, 325, 326

Северянин, Игорь 60, 167

Сегал(ь), Дмитрий 147

Серман, Илья Захарович 112

Сигал(ь), Людмила 337

Слуцкий, Борис 164, 167, 168

Ставиская, Нина (Нина Серман) 191

Таубин, Б. 153

Толстой, Алексей 37, 240
Толстой, Лев 177, 207, 258, 267
Троцкий, Лев 153, 338
Тютчев, Фёдор 75, 199, 244, 311
Флинт, Роберт 185
Хейфец, Михаил 83, 92, 146
Хлебников, Велимир 77, 88, 268, 302
Ходасевич, Владислав 5, 7, 12, 34, 37, 44, 64, 95, 147, 149, 162, 197, 203, 209,
215, 222, 252, 276, 285, 324
Цветаева, Марина 255
Целан, Пауль 252, 273, 300, 302
Цивин, Михаил 53, 54
Чехов, Антон 269
Чистяков, Фёдор Иванович 247, 312
Чуковская, Елена Цезаревна 94, 95, 96
Шапиро, Рафаэль (Рафаил Бахтамов) 46, 49, 52, 289, 299
Шварц, Евгений 321-322
Шульц, Бруно 236
Элиот, Томас-Стернз 237, 238, 300, 302
Эпштейн, Леопольд 69, 72
Эпштейн, Михаил 306
Эрлих, Эдуард 47, 49
Эткинд, Ефим 59, 62, 138, 163, 164, 168
Яценко, Жанна 13, 17